

ISSN 2072-8514 (print)
ISSN 2310-7235 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия **Психологические
НАУКИ**

Личностные факторы досуговой активности
молодежи

Семейные факторы, определяющие чрезмерную
вовлеченность старших подростков
в видеоигровую деятельность

Неопределенность переговорной ситуации
и пути ее преодоления

2020 / № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8514 (print)

2020 / № 1

ISSN 2310-7235 (online)

серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» включён Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации в «Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по следующим научным специальностям: 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 19.00.03 – Психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки); 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки); 19.00.07 – Педагогическая психология (психологические науки) (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” on the following scientific specialties: 19.00.01 – General psychology, psychology of personality, history of psychology (psychological sciences); 19.00.03 – Psychology of labour, engineering psychology, ergonomics (psychological sciences); 19.00.05 – Social psychology (psychological sciences); 19.00.07 – Pedagogical psychology (psychological sciences). (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 2072-8514 (print)

2020 / № 1

ISSN 2310-7235 (online)

series

PSYCHOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 4 раза в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор серии:

Шульга Т. И. — д. псих. н., проф., Московский государственный областной университет

Заместитель главного редактора:

Нестерова А. А. — д. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Ответственный секретарь:

Филинкова Е. Б. — к. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Члены редакционной коллегии:

Забродин Ю. М. — действительный член (академик) Академии космонавтики России им. К.Э. Циолковского, д. псих. н., проф., Московский государственный психолого-педагогический университет

Иваников В. А. — академик Российской академии образования, д. псих. н., проф., заслуженный профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Карри К. — д. псих. н., Православный институт святого Иоанна Богослова (г. Москва)

Марцинковская Т. Д. — д. псих. н., проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва); Российский государственный гуманитарный университет

Овсяник О. А. — д. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Митина Л. М. — д. псих. н., проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва)

Слайтер Э. — д. псих. н., профессор, Салемский государственный университет (Массачусетс, США)

Улица Н. Э. — д. псих. н., координатор исследований, Хайфский университет (Израиль)

Утлик Э. П. — д. псих. н., проф., Государственный университет управления

Фирсов М. В. — д. и. н., проф., Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы Департамента социальной защиты населения г. Москвы

Шнейдер Л. Б. — д. псих. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Эрнер И. — д. псих. н., проф., Городской университет Нью-Йорка (США)

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по общей психологии, социальной психологии, психологии личности, психологии труда, инженерной психологии.

Журнал адресован психологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями в области психологии и смежных с ней наук.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73333

Индекс серии «Психологические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40717

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. — 2020. — № 1. — 150 с.

© МГОУ, 2020.

© ИИУ МГОУ, 2020.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences»
Moscow Region State University

————— Issued 4 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. I. Shulga – Doctor of Psychology, Professor, Moscow Regional State University

Deputy editor-in-chief:

A. A. Nesterova – PhD in Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

Executive secretary:

Y. B. Filinkova – PhD in Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

Members of Editorial Board:

Yu. M. Zabrodin – Full member (academician) of the Academy of Cosmonautics of Russia, named after K.E. Tsiolkovsky; Moscow State University of Psychology & Education

V. A. Ivannikov – Full member (academician) of the Russian Academy of Education, honored professor

Ch. Currie – PhD in Psychology, Orthodox Institute of Saint John the Divine (Moscow)

T. D. Martsinkovskaya – Doctor of Psychology, Professor, Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow); Russian State University for the Humanities

O. A. Ovsyanik – Doctor of Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

L. M. Mitina – Doctor in Psychology, Professor, Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow)

E. Slayter – Doctor in Psychology, Professor, Salem State University (Massachusetts, USA)

N. Ulitsa – Doctor of Psychology, Research Coordinator, University of Haifa (Israel)

E. P. Utlik – Doctor of Psychology, Professor, State University of Management

M. V. Firsov – Doctor of History, Professor, Institute of Additional Professional Education for Social Workers of the Department of Social Protection of the Population of Moscow

L. B. Shneider – Doctor of Psychology, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow)

I. Earner – PhD in psychology, Professor, City University of New York (USA)

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about general psychology, social psychology, personality psychology, labor psychology, and engineering psychology.

The journal is addressed to psychologists, doctoral students, PhD students and all those interested in achievements in psychology and related sciences.

The series «Psychology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-73333

Index of series «Psychology» according to the Union catalog «Press of Russia» 40717

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences. – 2020. – № 1. – 150 p.

© MRSU, 2020.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2020.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ.....	6
---------------------	---

РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Шульга Т. И. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАЗВИТИЯ ПРОБЛЕМЫ ВОЛИ И ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ.....	8
---	---

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Бочарова Е. Е. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТАХ И ИХ РОЛИ В ДЕТЕРМИНАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ.....	22
Булгаков А. В., Булгакова Е. А., Шумский Д. А. ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	36
Воробьева А. Е., Акбарова А. А. ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ДОСУГОВОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ....	55
Гасимов А. Ф., Володарская И. А. НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПЕРЕГОВОРНОЙ СИТУАЦИИ И ПУТИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ.....	65
Гильяно А. С. ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЯХ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ РЕБЕНКА С ДЕТСКИМ ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ.....	76
Гребенщикова Т. А., Кубрак Т. А., Павлова Н. Д. ДИСКУРСИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИНТЕРНЕТА.....	92
Даниленко Л. П. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ПРИ ВХОЖДЕНИИ В ВУЗОВСКУЮ СРЕДУ.....	101
Елисеева Н. Д. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАРОДА САХА О «ХАРАКТЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ ЯКУТИИ» В РАЗЛИЧНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУППАХ.....	110
Нестерова А. А., Айсина Р. М., Суслова Т. Ф., Хитрюк В. В. ОТНОШЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА....	122
Радионова М. С., Есаулова К. С., Фоменко А. Ю., Шленская Н. М. СЕМЕЙНЫЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЧРЕЗМЕРНУЮ ВОВЛЕЧЕННОСТЬ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ В ВИДЕОИГРОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....	134

CONTENTS

EDITOR COLUMN	6
---------------------	---

SECTION I. GENERAL PSYCHOLOGY

T. Shulga. SOME RESULTS OF THE DEVELOPMENT OF WILL AND VOLITIONAL REGULATION PROBLEM IN THE SCIENTIFIC SCHOOL RESEARCH	9
--	---

SECTION II. SOCIAL PSYCHOLOGY

E. Bocharova. REPRESENTATIONS OF PERSONALITY ABOUT CULTURAL AND HISTORICAL FACTS AND THEIR ROLE IN SOCIAL ACTIVITY DETERMINATION	22
A. Bulgakov, E. Bulgakova, D. Shumsky. PROBLEMS OF TRANSFORMATION OF THE SYSTEM OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION: SOCIO-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS	36
A. Vorobieva, A. Akbarova. PERSONAL LEISURE ACTIVITY FACTORS OF YOUTH	55
A. Gasimov, I. Volodarskaya. UNCERTAINTY OF THE NEGOTIATION SITUATION AND WAYS TO OVERCOME IT	65
A. Gilyano. FEATURES OF INTERPERSONAL RELATIONS IN FAMILIES UPDATING A CHILD WITH INFANTILE CEREBRAL PARALYSIS	76
T. Grebenshchikova, T. Kubrak, N. Pavlova. DISCURSIVE REALITY OF THE INTERNET	92
L. Danilenko. FEATURES OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF STUDENTS WHEN ENTERING THE UNIVERSITY ENVIRONMENT	101
N. Eliseeva. SOCIAL REPRESENTATIONS OF THE SAKHA PEOPLE ABOUT "CHARACTER OF INHABITANTS OF YAKUTIA" IN VARIOUS AGE GROUPS	110
A. Nesterova, R. Aysina, T. Suslova, V. Khitryuk. PARENTS' ATTITUDES TOWARD EDUCATIONAL INCLUSION OF CHILDREN WITH AUTISM SPECTRUM DISORDERS	122
M. Radionova, K. Esaulova, A. Fomenko, N. Shlenskaya. FAMILY FACTORS OF ADOLESCENTS' OVER-INVOLVEMENT IN VIDEO GAME ACTIVITIES	134

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

EDITOR COLUMN

Уважаемый читатель!

«Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки» № 1 открывает новый 2020 г. Номер посвящён разнообразным направлениям исследований в психологии и соответствует тематике (в терминах действующей системы специальностей научных работников), охватывая большой аспект:

- Общая психология, психология личности, история психологии (19.00.01)
- Психология труда, инженерная психология, эргономика (19.00.03)
- Социальная психология (19.00.05)
- Педагогическая психология (19.00.07)

За период существования научного журнала было опубликовано достаточно большое количество статей, далеко не всегда отражающих те научные проблемы, которые изучались на факультете психологии МГОУ. В этом номере мы предлагаем вам, уважаемые читатели, краткий исторический экскурс в деятельность научной школы «Волевая регуляция в социально-психологической помощи и сопровождении детей и семей разных социальных групп». Вы можете познакомиться с результатами исследований в данном направлении.

В новом году мы сталкиваемся с вызовами современного меняющегося общества, которое ставит новые задачи и перед психологами-теоретиками, а главное – перед практиками. На страницах нашего Вестника будут продолжены публикации результатов востребованных практических разработок, что отвечает на поставленные обществом вызовы и риски.

Интерес психологов к детско-родительским и семейным отношениям начал набирать силу в конце прошлого века.

Именно психологическая практика и запрос общества на психологическую помощь родителям и семье инициировали проведение исследований в этой области. Ряд статей в данном номере Вестника посвящён данной проблематике. Это статья о семейных факторах, определяющих чрезмерную вовлечённость старших подростков в игровую деятельность. Авторы доказали, что показатель чрезмерной вовлечённости подростков связан с частотой и длительностью игровых сеансов, с денежными тратами на приобретение игровых программ. Выявлено наличие взаимосвязи между склонностью к видеоигровой деятельности и характером взаимоотношений между подростками и их родителями. Представлены результаты исследования содержательных особенностей образа матери у молодых матерей: эмоционально-отношенческого и ответственного характера, меры ответственности за характер взаимодействия в диаде «мать – дитя», локализации во времени. Полученные результаты по выявленным позициям могут рассматриваться как маркеры возрастной динамики освоения роли материнства.

Чрезвычайно актуальную сегодня исследовательскую проблему неопределённости ситуации переговоров представили авторы из МГУ. Авторами предложен способ её преодоления с помощью прогнозирования хода предстоящих переговоров с учётом индивидуальных характеристик личностей участников переговоров. Высокий уровень эмоционального и культурного интеллекта, толерантности к неопределённости, позитивная валентность этнических стереотипов

по отношению к представителям другой культуры и низкая импульсивность субъекта определяют прогнозирование предстоящих переговоров как интегративных, а низкий уровень – как дистрибутивных.

Об этом и многом другом авторы номера расскажут на страницах нашего журнала.

Дефицит отечественных конкретных исследований отношений ребёнка с близкими взрослыми постепенно преодолевается, но зарубежные современные исследования детско-родительских отношений, несомненно, представляют чрез-

вычайный интерес и определяют тренды в этой сфере. Мы приглашаем авторов исследований в тематический номер, посвящённый отношениям родителей и детей в разных типах семей, формированию значимого взрослого, необходимого детям разных возрастов. Планируем подготовить тематический номер в конце 2020 г. Будем рады вашим предложениям серии тематических номеров.

*Искренне ваши,
Редколлегия журнала и главный редак-*

РАЗДЕЛ I.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-8-21

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАЗВИТИЯ ПРОБЛЕМЫ ВОЛИ И ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

Шульга Т. И.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Цель данной статьи заключается в обзоре исследований по проблемам воли и волевой регуляции, выполненных в рамках современной научной школы, и в продолжении развития данной проблемы в психологии. Анализ особенностей и основных тенденций исследования проблемы волевой регуляции представлен кратким изложением достижений, выполненных в рамках диссертационных исследований. Показано, что одной из особенностей развития проблемы психологии воли и волевой регуляции является изменение её структуры, проявления волевых качеств в разных видах деятельности, эмоционально-волевой регуляции в переходные периоды развития. В статье рассматриваются исследования, выполненные в основном аспирантами МГОУ и соискателями, работающими в ряде вузов РФ.

Процедура и методы исследования. Процедура состояла в проведении сравнительного анализа конкретных результатов исследований по данной проблеме и их обзоре. При проведении обзора применены методы анализа, сравнения, обобщения, интерпретации результатов. Проанализированы методики изучения волевой регуляции, результаты использования авторских методик «Анкета изучения волевых качеств» и «Нерешаемая задача».

Результаты проведённого исследования. В ходе обзора диссертационных исследований по проблемам развития воли и волевой регуляции показаны новые данные, которые обогатили теорию воли и волевой регуляции в общей и возрастной психологии. Исследование теоретических представлений о волевой регуляции, об особенностях волевых качеств, принципов нашло отражение в росте публикаций в начале XXI в. в научной школе изучения проблемы волевой регуляции, сложившейся в университете. В статье представлена последовательность развития научных представлений о воле и волевой регуляции, критериями которой явилось методологическое обобщение эмпирического материала, полученного в результате разработки концепции становления волевой регуляции в онтогенезе. Особо выделены исследования, в которых рассматриваются кризисы волевой регуляции разных возрастов (от дошкольного до взрослого человека).

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в отечественную теорию воли, волевой регуляции, её становления в онтогенезе. Практическая значимость исследований представлена востребованностью практиков в формировании волевых качеств в разных возрастах, возможности использовать волевые качества в преодолении трудностей в разных видах деятельности.

© СС ВУ Шульга Т. И., 2020.

Ключевые слова: психология воли, волевая регуляция, развитие научных представлений, взаимосвязь, личностные особенности, кризисы волевой регуляции, генезис

SOME RESULTS OF THE DEVELOPMENT OF WILL AND VOLITIONAL REGULATION PROBLEM IN THE SCIENTIFIC SCHOOL RESEARCH

T. Shulga

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Purpose. The purpose of the article is to survey the modern scientific school research in the problem of the will and volitional regulation, as well as the way this problem is being developed in psychology. The analysis of the specifics and main trends in studying the problem mentioned is given as a brief statement of achievements, made within thesis researches. It is shown that one of the specifics of the problem of the will psychology and volitional regulation is the changing of its structure, as well as the manifestation of emotional-volitional regulation in various spheres of development. The article covers the research mainly performed by postgraduate students of MGOU and competitors from a number of universities of RF.

Methodology and Approach. The methodology included the comparative analysis of specific research results on this issue, as well as their review. The review was made with the use of the following methods: analysis, comparison, generalization, and results interpretation. The methodology of studying volitional regulation was scrutinized, as well as the results of authors' methodology "Questionnaire for studying volitional traits" and "Unsolvable problem".

Results. In reviewing thesis results on the problem of studying the theory of will, volitional regulation, the new data were shown which enriched the theory mentioned and developmental psychology. The research of theoretical representation about volitional traits and principles was reflected in the growth of scientific publications early XXI century of the university scientific school studying this problem. The article presents the consistency of development of scientific representations about will and volitional regulation, the criteria to which being the methodological generalization of the empirical data received in the process of developing the concept of volitional regulation formation in ontogenesis. Special attention is given to the research studying the volitional regulation crises at various ages (from pre-school age to adulthood).

Theoretical and Practical Implications. Research results make a contribution into domestic theory of will, volitional regulation, and of its development in ontogenesis. Practical implication of the research is represented by its relevance for the practitioners in forming volitional qualities in various ages, and in possibility of using the volitional traits of character in overcoming difficulties arising in various spheres of activities.

Keywords: will psychology, volitional regulation, scientific ideas development, interrelation, personality specifics, volitional regulation crises, genesis.

Введение в проблему

В современной отечественной психологии проблема воли относится к числу традиционных проблем, к которым приковано внимание многих исследователей. Наряду с такими категориями, как «личность», «сознание», «чувства»,

«мотивация», понятия «воля» и «волевая регуляция» также вошли в категориальную систему психологической науки. Понятия «воля» и «волевая регуляция» используются в психологической науке для описания особого поведения и действий человека, требующих преодо-

ления трудностей, управления собой и т. д. В психологии понимание воли как высшей психической функции, позволяющей человеку овладевать собственным поведением и психическими процессами, явилось основанием для выделения центральной линии исследований волевой регуляции в отечественной психологии (М. Я. Басов, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Л. И. Божович, В. И. Селиванов, В. К. Калинин, Е. П. Ильин, В. А. Иванников, Т. И. Шульга, А. В. Быков) [5; 7; 9; 10; 12; 22].

Данное основание определило актуальность исследований по проблеме воли и волевой регуляции, связав её с направленностью на решение одной из фундаментальных проблем возрастной психологии – развития у детей способности к овладению собственным поведением, к преодолению трудностей в учебной, трудовой и других видах деятельности [8; 10; 22]. В исследованиях были изучены и раскрыты психологические условия формирования ребёнка как активного субъекта собственной деятельности и поведения, умеющего регулировать себя с помощью волевых качеств. В психологии на сегодняшний день нет целостного представления о становлении волевой регуляции в онтогенезе, начиная с первых её проявлений до функционирования в зрелых формах. В то же время многие психологи проблему воли и волевой регуляции считают центральной для психологии личности и её формирования (Л. И. Божович, В. А. Иванников, В. К. Калинин, В. И. Селиванов, Е. О. Смирнова, Т. И. Шульга и др.) [7; 9; 10; 12; 22].

Изучение становления воли и волевых качеств личности в онтогенезе являлось отдельной исследовательской проблемой. Большинство исследований, посвящённых данной проблематике, ограничивалось изучением детских возрастов (Л. И. Божович, В. К. Котырло, В. И. Селиванов, Е. О. Смирнова и др.). Вместе с тем есть все основания полагать, что развитие воли не ограничивается дет-

ским возрастом, а продолжается и в более старших возрастах – до периода старости [10; 22].

В отечественной психологии постановка проблемы воли претерпела серьёзные изменения, так как она осуществлялась в трёх направлениях, основанных классиками психологии. И. М. Сеченовым в конце XIX в. заложена физиологическая трактовка процесса воли как процесса произвольного, сознательного саморегулирования поведения. Л. С. Выготским был предложен подход рассмотрения воли как высшей психической функции в рамках овладения собственным поведением. И наконец, В. А. Иванниковым разработана концепция, которая рассматривает волевую регуляцию через смысловое порождение действия и изменение её психологических механизмов [4; 10; 12].

В XXI в. появились исследования, где анализировалось особое значение волевых качеств в разных возрастах и в различных видах деятельности (И. В. Гаврлова – при смене общественной формации, Д. В. Балабанов – у студентов, В. Н. Шляпников – при адаптации молодых специалистов, А. В. Монроз – в разных видах жизнедеятельности личности, А. Я. Лучинская – решительность в регуляции поведения).

Концепция становления волевой регуляции в онтогенезе

Целостная концепция становления волевой регуляции в онтогенезе как процесса, характеризующегося своеобразной функциональной структурой и определённой логикой развития её составляющих, представлена Т. И. Шульгой в докторской диссертации [22]. В этом исследовании была «...разработана и экспериментально апробирована структурно-динамическая модель генезиса волевой регуляции, которая включала три звена: 1) мотивационно-побудительное, компонентами которого выступают: намерения, мотивы и цели; 2) исполнительское, охватывающее разнообразные способы осу-

щественная волевой регуляции; 3) оценочно-результативное, включающее глобальные и парциальные результаты волевой регуляции и их оценки» [22, с. 7].

Функциональная структура волевой регуляции представлена тремя звеньями, комплементарное взаимодействие которых определяет её становление в онтогенезе как развивающейся системы. Каждое звено функциональной структуры волевой регуляции характеризуется специфическим набором компонентов и имеет свои сензитивные периоды развития. «Становление функциональной структуры звеньев волевой регуляции в онтогенезе определяется их качественными характеристиками и происходит гетерохронно: путем последовательного нарастания изменений в их функционировании, волнообразной динамики этих изменений с преобладанием адаптационных тенденций или их неравномерно-флюктуационным функционированием со сменой модальности (с переходом из позитивной в негативную и наоборот)» [22, с. 5].

«К факторам, определяющим становление волевой регуляции, относятся следующие: а) специфика деятельности, в которой она реализуется; б) стратегии, выбираемые субъектом при достижении ее целей; в) половая дифференциация – разная ценность для девочек и мальчиков целей и результатов волевой регуляции.

Становление волевой регуляции в онтогенезе подчиняется универсальному закону дифференциации и интеграции: слитные формы проявления ее составляющих, характерные для ранних этапов развития ребенка, заменяются в младшем школьном возрасте и в подростковом дифференцированными формами их функционирования, а в более старших возрастах – усилением уже на новом уровне в их реализации интегративных тенденций» [22, с. 6].

Опираясь на идею Л. И. Божович, которая рассматривает волю «как сложное системное образование, в состав кото-

рого входят и аффективные, и интеллектуальные процессы, и способы организации субъектом своего поведения» [7, с. 170], началось изучение взаимосвязи волевой регуляции с другими сторонами личности детей разных возрастов и различных социальных групп.

Первым исследованием в рамках данной концепции волевой регуляции была прикладная диссертация И. В. Боязитовой «Взаимосвязь самооценки и волевой регуляции при переходе детей от дошкольного к младшему школьному возрасту» [5]. В исследовании удалось доказать, что «...уровень сформированности волевой регуляции у детей 5, 6, 7 лет зависит от процессуальных характеристик самооценки: рефлексивности, обоснованности, ее структурных компонентов: эмоционального и когнитивного, а также ее форм: общей и частной» [5, с. 5]. Кроме того, «...выявлено, что взаимосвязь особенностей самооценки и волевой регуляции в онтогенезе не носит однозначного характера и может варьировать в зависимости от субъективной активности ребенка в различных видах деятельности» [5, с. 20]. И. В. Боязитовой удалось доказать, что при переходе от дошкольного к младшему школьному возрасту между уровнем волевой регуляции, самооценкой и возрастом, а также игровой и учебной деятельностью существует взаимосвязь и взаимозависимость, которые могут предотвращать школьную дезадаптацию, помогают преодолевать ряд трудностей на начальном этапе обучения.

В 2000 г. Н. Ю. Кунакова в диссертационной работе «Интегративная технология педагогической поддержки школьников младшего подросткового возраста» показала, что в педагогической поддержке нуждаются не только подростки, испытывающие трудности в обучении и поведении, а в целом все дети, но педагоги не всегда знают, как её оказать. По данным исследования, педагоги затрудняются в целях и задачах оказания педагогической поддержки с учётом возраста и личност-

ного развития подростков. По данным исследований Н. Ю. Кунаковой, «...около 50% младших подростков (10–12 лет) испытывают трудности личностного развития, которые проявляются в снижении самооценки, формировании негативного отношения к себе и трудности школьной адаптации при переходе на новую ступень обучения, что требует поддержки в развитии волевой регуляции» [14, с. 21]. С целью разработки более эффективной педагогической поддержки была разработана интегративная технология педагогической поддержки младших подростков для педагогов, которая включала самопринятие, самосознание, рациональный и эмоциональный компоненты «образа-Я» и изменение ценностного отношения к себе в процессе реализации программы «Путь к успеху». «Разработанная технология учитывала возрастные задачи личностного развития (преодоление кризиса самооценки, формирование чувства взрослости, удовлетворение потребности в самопознании и др.)» [14, с. 22].

В 2001 г. А. В. Быков в диссертации «Теоретические основы психологической службы в системе социально-педагогических учреждений» обосновал необходимость особой перспективной модели психологической службы в системе социально-педагогических учреждений как самостоятельной отрасли. В исследовании были предложены две модели психологической службы: работа психолога в команде специалистов непосредственно в учреждении социально-педагогической поддержки и работа в команде профессиональных психологов. По мнению А. В. Быкова, необходимо разрабатывать курсы повышения квалификации для психологов, которые стали работать в этой системе. Автором выделено и подтверждено, что развитие психологической службы оказания помощи и поддержки в системе учреждений социально-педагогической поддержки обусловлено спецификой психологических особенностей детей группы риска,

к которым относятся дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, безнадзорные дети и беспризорные, дети-беженцы, дети, пережившие военные конфликты и военные действия, брошенные дети и т. д. Основные трудности в деятельности психологов были связаны с направлением на исправление негативно-го влияния жизненных ситуаций на психическое развитие детей, что требовало взаимодействия психолога с другими специалистами.

Наиболее важным оказалось развитие волевой регуляции, направленное на преодоление трудностей, жизненных неудач, нахождение ресурсов для выживания в трудных жизненных условиях, развитие умения продумывать способы выхода из опасных ситуаций. Изучались особенности развития волевой регуляции и волевых качеств у детей групп социального риска.

Это ускорило написание докторской диссертации А. В. Быкова «Генезис волевой регуляции», в которой концепция волевой регуляции, разработанная Т. И. Шульгой, была проверена на всех возрастах, начиная с дошкольного и заканчивая взрослыми. В исследовании удалось показать «...психологический анализ кризисов возрастного развития, которые разрушают становление волевой регуляции, способствуют появлению новообразований в каждом возрасте, дают возможность развиваться личности, влияют на становление характера, позволяют сделать выбор жизненных целей и способов достижения этих целей» [8, с. 40]. Впервые доказана роль кризисов личностного развития в генезисе волевой регуляции. Выявлено, что каждый кризис развития личности меняет уровень волевой регуляции, звенья волевой регуляции претерпевают изменения, так как подвержены конструктивной и деструктивной компоненте, представляющей единое двунаправленное действие. Деструктивная компонента (как нарушение развития) направлена на старые,

привычные формы взаимодействия, совместные виды деятельности, привычные способы действия в определённых ситуациях. Конструктивная же компонента – это форма созидания нового, новообразования, захватывающего личностное развитие, направленность человека на самого себя и способы взаимодействия в обществе, приводящие к позитивным результатам.

«Формирование волевой регуляции связано с включением в производственный процесс ответственных решений, ситуаций, ставящих человека перед необходимостью преодоления в своей профессиональной деятельности субъективных и объективных трудностей, детерминирующих развитие потребности в самоизменении и овладении способами мобилизации собственных возможностей для достижения намеченных целей» [8, с. 41]. Описано, что груз ответственности сложнее всего переживается на вершине организационной пирамиды, и увеличивается не только с карьерным и профессиональным ростом, но и с повышением стрессов. Лица, занимающие высокие руководящие должности, характеризуются высоким уровнем тревожности, выдержки, целеустремлённости, проявлением активности и низким уровнем нестабильности и работоспособности [9].

Таким образом, подтверждение разработанной концепции становления волевой регуляции в онтогенезе показало возможность её применения для доказательства генезиса волевой регуляции, её развития и формирования на разных социальных группах. В дальнейших исследованиях под нашим руководством изучались отдельные проблемы развития волевой регуляции и особенности её проявлений в группах социального риска.

Возможность изучения недостаточно уровня развития управления собой и контроля над своим сознанием у молодёжи нашла подтверждение в диссертации В. Г. Кирсановой «Психологические осо-

бенности членов нетрадиционных религиозных организаций» [13]. В исследовании было доказано, «...что основным механизмом вовлечения и удержания в культовой группе является деструктивный контроль сознания, и он направлен на изменение системы ценностных ориентаций адептов» [13, с. 6]. Впервые выявлено, что «...несформированность системы ценностных ориентаций обуславливает участие в подобных организациях преимущественно молодежи, так как именно на этот возрастной период приходится стадия становления или перестройки сознания, снижается контроль над ним, что является благоприятной почвой для вовлечения в нетрадиционные религиозные организации. Система ценностных ориентаций членов культов характеризуется противоречивым сочетанием высоких целей и утилитарных средств их достижения, что определяется недостаточным развитием волевой регуляции, следованию своим целям и планированию будущего» [13, с. 7].

Рост детской преступности с 1997 по 2005 гг. потребовал незамедлительного изучения её причин и необходимости оказания психологической помощи делинквентным подросткам. Одним из направлений помощи делинквентным подросткам в условиях специальной школы закрытого типа было развитие их волевой регуляции и волевых качеств. В 2006 г. в диссертационном исследовании М. А. Басина «Формирование волевой регуляции у подростков с делинквентным поведением» было выявлено, что у них средний уровень развития воли и завышенная самооценка волевых качеств. Впервые было доказано, что у подростков с делинквентным поведением специфическое взаимодействие звеньев волевой регуляции. «Преобладающим звеном волевой регуляции является мотивационное звено, которое наполнено асоциальным содержанием, которое в свою очередь стимулирует выбор асоциальных целей. Ведущее положение мотивацион-

ного звена не соответствует возрастной норме, а более характерно для младшего школьного возраста. Исполнительское звено у делинквентных подростков находится на более низком уровне развития по сравнению с обычными детьми, что приводит к выбору неконструктивных способов и асоциальному поведению. Оценочно-результативное звено имеет явно выраженный асоциальный результат, который проявляется в совершенных преступлениях» [3, с. 6].

В исследовании показано, что причинами совершённых подростками данной группы преступлений, являлось недостаточно чёткое представление о нормах поведения в обществе, затрудняющее управление собой. При этом низкий уровень рефлексии, оценки своих поступков и действий, уверенность в их правильности, отсутствие реальной оценки жизни в семье, негативное отношение к отцу и матери не способствовали смысловому пониманию необходимости управлять своим поведением, отвечать за свои поступки [3].

Автором была разработана психокоррекционная программа по формированию волевой регуляции у делинквентных подростков, которая реализована в специальной школе закрытого типа. Программа включала тренинги по овладению навыками управления собой, произвольного и волевого поведения, разбор упражнений с обсуждением трудных жизненных ситуаций, дискуссии по нормам и правилам жизни, стимулирование планирования своего будущего. Итогом проведения психокоррекционной программы была перестройка значимых отношений (к себе, отцу, матери, нереализованным личностным возможностям подростков) и осознанием прошлого и будущего [2].

В психологии начало обучения детей в школе предполагает необходимость наличия высокого уровня интеллектуального развития, мотивационной сферы, произвольности и эмоционально-воле-

вой регуляции. По мнению ряда психологов, недостаточное развитие эмоционально-волевой регуляции проявляется в импульсивности, неумении преодолевать трудности, неадекватной реакции на них, неумении понимать учителя и адекватно реагировать на его требования (Божович, Смирнова, Шульга и т. д.). Данной проблеме было посвящено исследование Н. В. Сидячевой «Эмоционально-волевой компонент готовности дошкольника к школе» [19]. В исследовании показано, что «...существуют взаимодополняющие компоненты психологической готовности к школе. Эмоционально-волевой компонент является одной из основных детерминант готовности дошкольника к школе и способствует формированию интеллектуального и мотивационного компонентов, обеспечивая при этом успешность обучения в школе» [19, с. 5]. Автором доказано, что эмоционально-волевой компонент психологической готовности детей к школе имеет свою структуру. Он включает две составляющие (эмоциональную и волевою), отличается показателями и критериями. Показателями эмоционально-волевого компонента является управляемое, сознательное, контролируемое, эмоционально сдерживаемое поведение. В исследовании выделены следующие критерии: умение слушать, понимать взрослого, выполнять его требования, действовать согласно правилам. Показана роль положительных и негативных эмоций в волевой регуляции. Положительные эмоции способствуют переживанию при проявлении волевых усилий и повышают мотивацию к занятиям (радость, весёлость, самодовольствие). При этом негативные эмоции затрудняют проявление волевых усилий дошкольников, которые необходимы для обучения в школе [19, с. 27].

В исследовании Н. В. Сидячевой показано, что уровень развития эмоционально-волевой регуляции можно рассматривать как компонент психологической готовности к обучению, который обе-

спечивает стартовую готовность к школе. Результаты исследований эмоционально-волевой готовности дошкольников к обучению в школе в период до 2006 г. показали, что уровень её развития характеризуется как средний, при котором проявление произвольности, воли и эмоций не является основой для обеспечения успешности учебной деятельности будущего школьника [19; 23].

Помимо прямого исследования особенностей развития волевых качеств были выполнены диссертации, косвенно рассматривающие роль и значение волевых качеств. Это работа Д. С. Хомякова «Формирование креативности подростков и старших школьников средствами арт-терапии» – изучалась необходимость таких качеств, как настойчивость, выдержка при критике результатов, целенаправленность. Исследование

Л. Э. Зотовой «Психологические факторы агрессивного поведения старшеклассников» позволило выявить, что один из факторов соответствует ценности профессиональной деятельности и проявляется в напористости, целенаправленности и результативности в достижении целей. Л. Г. Веревкина в работе «Специализированное обучение как фактор формирования ценностных ориентаций учащихся» рассмотрела проявление волевых качеств у учащихся специализированных классов (5–10), направленных на планирование целей, стремление к мечте. Исследование С. В. Прокуровой «Психологические особенности работы с подростками, находящимися в центрах временного содержания несовершеннолетних правонарушителей» показало, что у несовершеннолетних правонарушителей наблюдаются изменения в эмоционально-волевой сфере, проявляющиеся в аффекте неадекватности поведения, которые не позволяют им управлять собой.

Выделим две работы, которые рассматривали недостаточное развитие волевых качеств у воспитанников учреждений социально-педагогической поддерж-

ки. Например, в работе И. С. Карнаух «Психологические особенности подростков-воспитанников детского дома» доказано, что неблагоприятный социометрический статус детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, улучшается в зависимости от времени нахождения в детском доме. При этом проявления негативных эмоций у них «богаче», «шире», конкретнее, чем позитивных. Чувства печали, злости, обиды переплетаются и соединяются в целостный «эмоциональный синдром», детерминируют особенности развития их личности и определяются спецификой их социальной ситуации. В условиях осуществления психолого-педагогической поддержки в детском доме улучшается самооценка, снижается тревожность, позитивные чувства проявляются чаще и ярче.

«Психологические особенности профессионального самоопределения воспитанников учреждений социально-педагогической поддержки» исследованы в диссертации О. В. Ажниной. Она доказала, что у детей-сирот выявлены отставание в профессиональном самоопределении, отсутствие самостоятельного выбора, ситуативность и «приземлённость» мотивов, что связано с обеднённостью интеллектуальной и эмоциональной сфер личности, инфантилизмом, преобладанием желания получать удовольствия от жизни. Раскрыта психологическая структура профессионального самоопределения подростков детского дома, отличающаяся от подростков школы-интерната и подростков общеобразовательной школы проявлением информационного, оценочно-действенного и личностного компонентов [1, с. 22].

«Динамика временной транспективы в становлении “образа-Я” подростка» исследована И. Р. Зайнагабдиновым, который показал, что она имеет особую структуру, включающую такие волевые качества, как целеустремлённость, самостоятельность, выдержка. Именно от раз-

вития волевых качеств меняется динамика временной трассективы: отношение к прошлому, настоящему, будущему и переживание этого времени. Время может переживаться как быстропротекающее, скачкообразное, насыщенное, непрерывное, беспредельное, сжатое, растянутое, приятное, которое связано с разными волевыми качествами.

В диссертационной работе Р. А. Юнусовой «Полоролевая идентификация подростков группы риска» показано, что у подростков группы риска представления об идеальном мужчине и идеальной женщине отличаются у подростков из семьи. Они более феминизированные в группе риска – мужчина (нежный, мягкий, уступчивый, переменчивый, покорный, ранимый) и маскулинные у подростков из семьи – женщина (сильная, смелая, решительная, напористая, волевая). При этом для подростков группы риска важны оценка себя как представителя мужского пола и выделение ряда волевых качеств, что не выявлено у подростков из семьи (2008 г.).

Изменению личностных отношений подростков к восприятию рекламы через формирование волевых качеств, повышающих защитные механизмы и возможность ответственного принятия решений о выборе товара, посвящено исследование Н. С. Медзуновской «Особенности изменения личностных отношений подростков под воздействием рекламы» [15]. Подчёркнуто, что именно волевые качества подростков могут повышать механизмы защиты от воздействия рекламы разных видов, сохранять и изменять личностное отношение к рекламе, противостоять ей.

Е. В. Ризванова в диссертации «Психологическая поддержка подростков и старших школьников в образовательном процессе» рассмотрела понимание школьниками поддержки как помощи в снятии остроты негативных переживаний, с которыми они не могут справиться, и повышении уверенности в себе.

Выделены особенности психологической поддержки: виды (информационная, эмоциональная, оценочная, материальная), круг лиц, от которых её ожидают, действия, через которые её можно реализовать, недирективный характер её оказания. Востребованность в поддержке школьников определяется их личностными особенностями, уровнем развития волевых качеств, академической успешностью, уровнем социально-психологической дезадаптации, проблемными ситуациями, трудными жизненными ситуациями в образовательном процессе [17].

Впервые было проведено исследование В. В. Дерябиной «Психологическая помощь детям, пережившим насилие в семье», в котором показано, что последствия перенесённого насилия нарушают эмоциональную сферу: появляются страхи, эмоциональная нестабильность, отсутствие доверия к взрослым, гнев, незащищённость, чувство стыда, невозможность противостоять насильнику. С учётом последствий для детей перенесённого насилия разработаны для каждого вида психокоррекционные программы с элементами психотерапии, которые включали умение управлять собой, своими чувствами, сексуализированным поведением [11].

«Особенности эмоционально-волевой регуляции при переходе из начальной в среднюю школу» исследованы в работе А. К. Бикметовой. В средней школе учащиеся отличаются разным уровнем развития волевой регуляции, особенностями их эмоций. «Школьники, эмоционально-волевая регуляция которых не соответствует требованиям социальной ситуации развития, имеют ряд проблем: неумение преодолевать трудности, владеть собой, овладевать учебными навыками, самостоятельно организовывать свою деятельность и т. д.» [6, с. 3]. Структура психологической готовности при переходе из начальной в среднюю школу была дополнена эмоционально-волевым ком-

понентом. При этом уровень развития эмоционально-волевой регуляции у учащихся 5 классов не соответствует требованиям к обучению в средней школе. Выявлен средний балл развития волевых качеств у пятиклассников, который оказался ниже по сравнению с учащимися 4 класса. Полученные данные приводят к необходимости совершенствовать волевые качества учащихся при переходе в среднюю школу, что было продолжено в других исследованиях [6; 23].

Введение ФГОС в систему образования позволило Н. А. Степановой в исследовании «Интеграция эмоциональной, волевой и мотивационной сфер в процессе личностного развития младших школьников» изучить новое направление деятельности психолога – отслеживание динамики становления личности младшего школьника. В лонгитюдном исследовании изучено проявление интеграции трёх сфер в динамике, характеризующее неравномерность их становления на протяжении обучения в начальной школе. Наиболее значимые изменения в процессе интеграции происходят в мотивационной сфере личности учащихся, внутренняя логика развития оказывает воздействие на динамику эмоциональной и волевой сфер. Обнаружен «...феномен третьего класса, который затрагивает дифференциацию эмоциональной, волевой и мотивационной сфер» [20, с. 6]. Изменения в волевой сфере приводят к развитию самостоятельности, настойчивости, выдержки, что способствует «интеграции сфер на новом уровне» [20, с. 7] и обеспечивает личностное развитие учащихся.

А. Л. Цветкова в исследовании «Особенности поведения подростков, имеющих установку на конфликт» показала, что разный уровень выраженности установки на конфликт провоцирует агрессивность и враждебность поведения подростков, а также выбор стратегии соперничества. Доказано, что важно формировать у данной группы подростков

систему ценностей, установок, способность контролировать своё поведение в конфликте.

Д. Д. Савченко в исследовании «Социально-психологические особенности подростков, не имеющих опыта жизни в семье» выявила социально-психологические особенности развития подростков данной группы, их «образ-Я». К ним относятся склонность к подчинению, пессимизм, пассивность. Определено, что уровень «образа-Я» характеризуется выраженной агрессивностью, импульсивностью и эмоциональной неустойчивостью, т. е. недостаточно развитой волевой сферой – управлением собой, низким уровнем развития таких волевых качеств, как ответственность, самостоятельность, целенаправленность [21].

В диссертации М. П. Рябова «Представления подростков о последствиях употребления наркотиков» доказано, что недостаточность и неполнота представлений о последствиях употребления наркотиков связаны с личностными особенностями подростков: повышенной склонностью к зависимому поведению, неустойчивой личностной идентичностью, полярностью и быстрой сменой эмоций, противоречивостью восприятия текущего времени и планирования будущего. Формирование ряда волевых качеств у подростков: ответственности, выдержки, решительности и целеустремлённости – может способствовать изменению желания попробовать наркотики и появлению страхов последствий их применения [18].

Исследование «Вовлечённость в спортивную деятельность как фактор изменения ценностно-смысловой сферы личности подростков», выполненное Д. К. Остапенко, показало следующее. Разные социальные группы подростков, по-разному вовлечённые в спортивную деятельность, осознают свои ценности, принимают ответственность за получение результатов по мере важности достижений, проявляют волевые качества,

направленные на осмысленность жизни и нахождение её смысла [16].

Таким образом, подводя некоторые результаты исследования воли, волевых усилий и формирования волевых качеств в научной школе, необходимо подчеркнуть тот вклад, который внесли исследования в дальнейшую разработку данной проблемы. В настоящее время исследования по проблеме воли претерпевают качественные изменения: чаще изучаются роль волевых качеств в жизнедеятельности человека, их формирование, особенности становления в разных возрастах. Исследуется взаимосвязь волевых качеств с эмоциональными, интеллектуальными, нравственными проявлениями личности, что приводит к системному рассмотрению волевой сферы в психологической науке. Наблюдается увеличение исследований, рассматривающих общетеоретические положения психологии

воли и волевой регуляции на материале смежных отраслей психологии: психологии труда, социальной психологии, коррекционной психологии и др.

Исследования Т. И. Шульги и её учеников были посвящены фундаментальной психологической проблеме – генезису волевой регуляции и развитию эмоционально-волевой регуляции человека. Выполненные исследования (их более 35) направлены на дальнейшее раскрытие многогранности и сложности феномена волевой регуляции. Можно отметить, что широкий круг научных проблем, в рамках которых рассматривается этот феномен, делает актуальной задачу построения целостной картины её становления в психологической науке. Надеемся, что в дальнейшем будут разработаны новые направления исследований волевой регуляции, и научная школа будет продолжать развиваться.

Статья поступила в редакцию 17.12.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажнина О. В. Психологические особенности профессионального самоопределения воспитанников учреждений социально-педагогической поддержки: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 22 с.
2. Басин М. А. Развитие навыков социальной компетентности подростков как условие профилактики их девиантного поведения // Превентивная педагогика – теория, практика. Габрово, 2005. С. 279–284.
3. Басин М. А. Формирование волевой регуляции у подростков с девиантным поведением: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 22 с.
4. Батыршина А. Р. Историко-психологические тенденции в исследовании проблемы воли и волевой регуляции // История российской психологии в лицах: дайджест. 2016. № 3. С. 67–89.
5. Боязитова И. В. Взаимосвязь самооценки и волевой регуляции при переходе детей от дошкольного к младшему школьному возрасту: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1998. 21 с.
6. Бикметова А. К. Особенности эмоционально-волевой регуляции школьников при переходе из начальной в среднюю школу: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 27 с.
7. Божович Л. И. Онтогенез развития личности. М., Воронеж, 1978. 180 с.
8. Быков А. В. Генезис волевой регуляции: автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2003. 43 с.
9. Быков А. В. Генезис волевой регуляции: монография. М., 2005. 248 с.
10. Быков А. В., Шульга Т. И. Становление волевой регуляции в онтогенезе: учебное пособие. М., 1999. 168 с.
11. Дерябина В. В. Психологическая помощь детям, пережившим насилие в семье: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2010. 24 с.
12. Иванников В. А. Психологические механизмы волевой регуляции. М., 1991. 142 с.
13. Кирсанова В. Г. Психологические особенности членов нетрадиционных религиозных организаций: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 22 с.
14. Кунакова Н. Ю. Интегративная технология педагогической поддержки школьников младшего подросткового возраста: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. 23 с.

15. Медзуновская Н. С. Особенности изменения личностных отношений подростков под воздействием рекламы: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 28 с.
16. Остапенко Д. К. Вовлеченность в спортивную деятельность как фактор изменения ценностно-смысловой сферы личности подростков: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2019. 24 с.
17. Ризванова Е. В. Психологическая поддержка подростков и старших школьников в образовательном процессе: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 26 с.
18. Рябов М. П. Представления подростков о последствиях употребления наркотиков: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2017. 27 с.
19. Сидячева Н. В. Эмоционально-волевой компонент готовности дошкольника к школе: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 27 с.
20. Степанова Н. А. Интеграция эмоциональной, волевой и мотивационной сфер в процессе личностного развития младших школьников: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 26 с.
21. Савченко Д. Д. Социально-психологические особенности подростков, не имеющих опыта жизни в семье: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2016. 27 с.
22. Шульга Т. И. Становление волевой регуляции в онтогенезе: автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1994. 38 с.
23. Шульга Т. И. Эмоционально-волевой компонент психологической готовности к обучению школьников // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2012. № 1. С. 60–66.

REFERENCES

1. Azhnina O. V. *Psikhologicheskie osobennosti professional'nogo samoopredeleniya vospitannikov uchrezhdenii sotsial'no-pedagogicheskoi podderzhki: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological peculiarities of professional identity of students of socio-pedagogical support institutions: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2006. 22 p.
2. Basin M. A. [Development of skills of social competence of adolescents as a condition of deviant behavior prevention]. In: *Preventivnaya pedagogika – teoriya, praktika* [Preventive pedagogy – theory and practice]. Gabrovo, 2005, pp. 279–284.
3. Basin M. A. *Formirovanie volevoi regul'yatsii u podrostkov s deviantnym povedeniem: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [The formation of volitional regulation in adolescents with deviant behavior: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2006. 22 p.
4. Batyrshina A. R. [Historical-psychological trends in the study of the problem of the will and volitional regulation]. In: *Istoriya rossiiskoi psikhologii v litsakh: daidzhest* [The history of Russian psychology impersonated: Digest], 2016, no. 3, pp. 67–89.
5. Boyazitova I. V. *Vzaimosvyaz' samootsenki i volevoi regul'yatsii pri perekhode detei ot doskol'nogo k mladshemu shkol'nomu vozrastu: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [The relationship of self- and volitional regulation as children transition from preschool to primary school age: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 1998. 21 p.
6. Bikmetova A. K. *Osobennosti emotsional'no-volevoi regul'yatsii shkol'nikov pri perekhode iz nachal'noi v srednyuyu shkolu: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Peculiarities of emotional-volitional regulation of students in their transition from primary to secondary school: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2011. 27 p.
7. Bozhovich L. I. *Ontogenez razvitiya lichnosti* [Ontogeny of personality development]. Moscow, Voronezh, 1978. 180 p.
8. Bykov A. V. *Genesis volevoi regul'yatsii: avtoref. dis. ... dokt. psikhol. nauk* [The genesis of volitional regulation: abstract of D. thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2003 43 p.
9. Bykov A. V. *Genesis volevoi regul'yatsii* [The genesis of volitional regulation]. Moscow, 2005. 248 p.
10. Bykov A. V., Shul'ga T. I. *Stanovlenie volevoi regul'yatsii v ontogeneze* [The development of volitional regulation in ontogenesis]. Moscow, 1999. 168 p.
11. Deryabina V. V. *Psikhologicheskaya pomoshch' detyam, perezhivshim nasilie v sem'e: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological assistance to children victims of violence in the family: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2010. 24 p.
12. Ivannikov V. A. *Psikhologicheskie mekhanizmy volevoi regul'yatsii* [Psychological mechanisms of volitional regulation]. Moscow, 1991. 142 p.

13. Kirsanova V. G. *Psikhologicheskie osobennosti chlenov netraditsionnykh religioznykh organizatsii: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological characteristics of members of nontraditional religious organizations: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2005. 22 p.
14. Kunakova N. Yu. *Integrativnaya tekhnologiya pedagogicheskoi podderzhki shkol'nikov mladshogo podrostkovogo vozrasta: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Integrative technology of pedagogical support of pupils of younger teenagers: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2000. 23 p.
15. Medzunovskaya N. S. *Osobennosti izmeneniya lichnostnykh otnoshenii podrostkov pod vozdeistviem reklamy: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Peculiarities of changes in the personal relationships of adolescents under the influence of advertising: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2009. 28 p.
16. Ostapenko D. K. *Vovlechenost' v sportivnuyu deyatel'nost' kak faktor izmeneniya tsennostno-smyslovoy sfery lichnosti podrostkov: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Involvement in sporting activity as a factor of changes of value-semantic sphere of the personality of adolescents: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2019. 24 p.
17. Rizvanova E. V. *Psikhologicheskaya podderzhka podrostkov i starshikh shkol'nikov v obrazovatel'nom protsesse: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological support of teenagers and senior pupils in educational process: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2009. 26 p.
18. Ryabov M. P. *Predstavleniya podrostkov o posledstviyakh upotrebleniya narkotikov: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Representations of teenagers about the consequences of drug use: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2017. 27 p.
19. Sidyacheva N. V. *Emotsional'no-volevoi komponent gotovnosti doshkol'nika k shkole: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Emotional component of readiness of the preschool child for school: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2006. 27 p.
20. Stepanova N. A. *Integratsiya emotsional'noi, volevoi i motivatsionnoi sfer v protsesse lichnostnogo razvitiya mladshikh shkol'nikov: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [The integration of the emotional, volitional and motivational spheres in the process of personal development of Junior schoolchildren: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2011. 26 p.
21. Savchenko D. D. *Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti podrostkov, ne imeyushchikh opyta zhizni v seme: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Socio-psychological features of teenagers with no experience of life in the family: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2016. 27 p.
22. Shul'ga T. I. *Stanovlenie volevoi regul'yatsii v ontogeneze: avtoref. dis. ... dokt. psikhol. nauk* [The development of volitional regulation in ontogenesis: abstract of D. thesis in Psychological sciences]. Moscow, 1994. 38 p.
23. Shul'ga T. I. [Emotionally-strong-willed component of psychological readiness to school education]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology], 2012, no. 1, pp. 60–66.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шульга Татьяна Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: shulgatiana@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana I. Shul'ga – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Social Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: shulgatiana@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шульга Т. И. Некоторые итоги развития проблемы воли и волевой регуляции в исследованиях научной школы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 1. С. 8–21.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-8-21

FOR CITATION

Shulga T. I. Some results of the development of will and volitional regulation problem in the scientific school research. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 1, pp. 8–21. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-8-21

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-22-35

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТАХ И ИХ РОЛИ В ДЕТЕРМИНАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

Бочарова Е. Е.

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Изучить содержание представления учащейся молодёжи о фактах событий культурного прошлого России в соотнесении с оценкой их проявления в детерминации социальной активности личности в настоящем.

Процедура и методы исследования. Автором произведён анализ эмпирического материала (контент-анализ ответов респондентов с последующим применением дескриптивного, сравнительного, корреляционного и регрессионного анализа).

Результаты проведённого исследования. Эмпирически проверено утверждение о специфике роли культурно-исторических фактов в детерминации социальной активности современников в представлении молодёжи, проявляющейся на уровне диахронных (в актуализации образовательно-развивающей, гражданской и духовной форм активности) и синхронных связей (в образовательно-развивающей активности).

Теоретическая и практическая значимость. Полученные результаты могут быть реализованы в разработке программ молодёжной политики, программ по приобщению личности к ресурсным возможностям культуры.

Ключевые слова: личность, социальная активность, представление, культурно-исторические факты, детерминация

REPRESENTATIONS OF PERSONALITY ABOUT CULTURAL AND HISTORICAL FACTS AND THEIR ROLE IN SOCIAL ACTIVITY DETERMINATION

E. Bocharova

*National Research N.G. Chernyshevsky Saratov State University
83, Astrakhanskaya ul., Saratov 410012, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. The purpose is to study students' idea about the facts from cultural and historical past of Russia in their correlation with the assessment of their manifestation in personality's social activity determination at present.

© CC BY Бочарова Е. Е., 2020.

Methodology and Approach. The author performed the analysis of empirical data (content analysis of respondents' answers with the following use of descriptive, comparative, correlative and regressive analysis)

Results. The statement about the specificity of cultural-historical facts role in determining social activity of contemporaries, as the youngsters understand it, was empirically verified. This specificity manifests itself at the level of diachronic (in actualization of educational- developmental, civic and spiritual forms of activity) and synchronous connections (in educational and developmental activity)

Theoretical and Practical Implications. The results obtained can be implemented in the development of youth policy programs, as well as programs of familiarizing the individual with the resource potential of culture.

Keywords: personality, social activity, representations, cultural and historical facts, determination

Введение

В современных условиях инновационного развития российского общества теоретическое осмысление проблемы социальной активности личности, группы и её эмпирическая разработка приобретают ключевое значение в различных отраслях психологического знания. Объяснение «вовлечённости» учёных в данную проблематику, на наш взгляд, связано с признанием социальной активности в качестве существенного фактора в определении и росте субъектных возможностей человека, в преобразовании (или создании) им окружающей действительности, самого себя и общества в целом [1; 11; 13; 14].

Необходимо принять во внимание, что социальная активность личности, реализуемая в социально-конкретных, исторически обусловленных формах жизнедеятельности, характерных для образа жизни общества и социальных групп, включена в контекст отражения вторичного образа (представления) социальной реальности. При этом вполне очевидна значимость репрезентаций социальной реальности, представляющих собой своеобразный ресурс для новых интерпретаций и инноваций.

Отметим, что, обращаясь к изучению феномена представления, исследователи предлагают специфицировать понятия «представления» и «представление». Так, разрабатывая проблему конструирования социальных репрезентаций в условиях трансформации российского общества, Т. П. Емельянова вносит уточнение:

представление – это социальные процессы, вовлечённые в репрезентирование, а представления – это образы, метафоры и изображения как результаты этого процесса. В этой связи, как отмечает исследователь, можно изучать, с одной стороны, структуру и динамику представлений, с другой – сам процесс представления [5].

Представление являет собой особый конструкт, сочетающий в себе одновременно презентацию прошлого и его репрезентацию, поскольку содержит оценочную интерпретацию произошедшего и отношение к нему, детерминированные новой социокультурной ситуацией, необходимостью решения не только общественно значимых задач, но и личностных задач обыденной жизни. В этом случае вполне допустимо, что представление может позиционироваться как особое явление современного хронотопа, проекции которого локализованы как в прошлом, так и в настоящем и будущем личности, группы.

Многие учёные придерживаются мнения, что прошлое пребывает и присутствует в настоящем: оно персонифицировано в лицах, сохранено в традициях, мифах, текстах, символических отпечатках и культурно-исторических фактах [7; 15], актуализировано в опыте и насыщено воспоминаниями, переживаниями и чувствами людей [4; 6], поддерживается и удерживается в межличностных и межгрупповых отношениях [1; 10], манифестируется в повседневных действиях и интеракциях [12; 13].

Можно полагать, что представление о культурно-исторических событиях, фактах, явлениях, выполняя социально-интегративную функцию, выступает, с одной стороны, значимым условием конституирования смысловой реальности (Г. В. Акопов, Ф. Е. Василук, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Леонтьев и др.), раскрывающей содержание *синхронных* (между современниками) и *диахронных* (между предками и потомками) связей, с другой – необходимым условием, фактором регуляции индивидуальной или групповой деятельности, направленной на изменение личностью своего социального «Я», места в обществе, а также социума в целом.

Большинство исследователей [3; 8; 10; 12; 16] обосновывают необходимость включения в контекст социально-психологического дискурса сложного процесса взаимодействия личности и культуры. Согласно взглядам специалистов (Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко, Ю. М. Лотман, Е. В. Рягузова и др.), этот процесс взаимодействия носит взаимно детерминированный, реципрокный характер и отражается в «эффектах» интернализации культуры («культура в личности») и экстерииоризации личности («личность в культуре»). Дифференциация этих процессов, как уточняет Ю. М. Лотман [9], весьма условна, поскольку в реальности они представляют собой взаимосвязанные, взаимообусловленные и взаимопереходящие стороны единого целого, образуя своеобразную матрицу развития личности.

На наш взгляд, если учитывать культурно-историческую самобытность российского общества, изучение представления личности о культурно-исторических фактах и их роли в детерминации социальной активности представляет особый научный и практический интерес с точки зрения определения потенциала для социального развития личности, группы, общества, а также становления гражданского общества.

Программа исследования

В рамках данной работы будет рассмотрено содержание представления учащейся молодёжи о фактах событий культурного прошлого России в соотношении с оценкой их проявления в детерминации социальной активности личности в настоящем.

Новизна и актуальность исследования связаны с выявлением специфики роли культурно-исторических фактов обуславливания социальной активности в представлении личности, проявляющейся на уровне диахронных и синхронных связей.

Необходимо внести уточнение смысловых коннотаций понятий «факт» и «событие». Согласно мнению учёных [2; 10], событие необходимо понимать как деятельность человека, порождающую исторические связи и отношения, а факт – как отражение событий в сознании человека или, иначе говоря, знание человека о событии. Факт не обязательно событиен, хотя может быть и событийным, событие же всегда фактично. В этой связи наиболее приемлемым конструктом, согласно Л. П. Репиной [10], является факт события. Заметим, что одно и то же событие при этом может приобретать разные значения в зависимости от того, в какую «сюжетную» и темпоральную структуру оно оказалось включено. В связи с этим в дальнейшем мы будем использовать указанный термин по контексту.

Цель эмпирического исследования, представленного в статье, заключается в изучении представления личности о культурно-исторических фактах в соотношении их оценок в детерминации социальной активности личности.

Объект исследования – социальная активность личности.

Предмет исследования – представление личности о культурно-исторических фактах и их роли в детерминации социальной активности.

Задачи исследования:

1) изучить представление молодёжи о культурно-исторических фактах;

2) изучить оценку молодёжью роли культурно-исторических фактов как источника проявления активности современных людей;

3) определить качественные и количественные характеристики взаимосвязи параметров культурно-исторических фактов и социальной активности современников в представлении личности.

Описание выборки. В исследовании приняли участие студенты вузов г. Саратова ($n = 120$) в возрасте от 17 до 19 лет и старшеклассники общеобразовательных школ ($n = 120$) в возрасте от 16 до 17 лет. Выборки примерно выравнены по полу: девушек – 56 % и юношей – 44 %.

Методики. Респондентам предлагалось привести примеры (в письменной форме) фактов событий культурного прошлого России, имеющих значение для проявления активности людей, направленной на благо общества. Текстовый объём был не ограничен, дальнейшая обработка проводилась методом контент-анализа. Метод группировки содержательных характеристик фактов событий из культурного прошлого России позволил выделить 4 смысловые группы: «Пётр I: “окно в Европу”», «Творчество А. С. Пушкина», «Авторская песня», «Славянская письменность».

Далее респондентам предлагалось оценить эти смысловые группы по степени их значимости в качестве источника проявления активности современных людей, направленной на благо общества, по 5-балльной шкале (от min – 1 до max – 5), заполнив таблицу, содержащую различные формы социальной активности и описание содержания каждой из них. Основанием формирования перечня различных форм социальной активности и их содержания являлась анкета (Р. М. Шамионов, И. В. Арендачук, Е. Е. Бочарова, М. В. Григорьева и др.), включающая 12 утверждений, раскрывающих содержание каждой формы социальной активности, в числе которых представлены – альтруистическая, досуговая,

социально-политическая, интернет-сетевая, гражданская, социально-экономическая, образовательно-развивающая, духовная, религиозная, протестная, радикально-протестная, субкультурная [4].

Методы. Первичные данные исследования обрабатывались посредством метода контент-анализа с расчётом частоты встречаемости смысловой группы и подгрупп.

Методами статистической обработки результатов являлись: дескриптивный, сравнительный (*t-критерий Стьюдента*); корреляционный (*r-Pearson*) и регрессионный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

Обратимся к рассмотрению смысловых групп фактов событий из культурного прошлого России в представлении молодёжи (табл. 1).

В целом в описании культурно-исторических фактов, их современном осмыслении, «прочтении» в общем и применительно к социальной активности респонденты испытывали затруднения. Иначе говоря, молодёжь демонстрирует дефицит знаний по данному вопросу.

Контент-анализ позволил выявить 4 смысловые группы, среди которых наибольшей частотой упоминаний отличаются «Пётр I: “окно в Европу”» (0,846) и «Творчество А. С. Пушкина» (0,836). Примечательно, что в представлении респондентов факты событий культурного прошлого России ассоциируются с именами известных людей, что является свидетельством проявления персонификации фактов.

Согласно представлению молодёжи, инновации Петра I наиболее значимы с точки зрения преобразования и европеизации общественной культуры и охватывают образование и искусство (театр, живопись, архитектура), в то время как А. С. Пушкин и его творчество ассоциируются с национальным достоянием, символом отечественной культуры,

Таблица 1

**Представление молодёжи о фактах событий культурного прошлого, имеющих значение для проявления общественно-полезной активности людей
(в долях от общего количества высказываний)**

Table 1

**Representations of youngsters about the facts of the cultural past events, important for the manifestation of people's socially useful activity
(in fractions of the total number of statements)**

Смысловая группа	Смысловые подгруппы: содержание	Частота встречаемости
«Пётр I: «окно в Европу»	Пётр прорубил окно в Европу	0,092
	«Пётр I / царь Пётр / Пётр Великий»	0,088
	Культура во времена Петра I	0,076
	Приобщение к ценностям культуры Европы	0,070
	Развитие образования при Петре I	0,064
	Приглашение зарубежных специалистов	0,061
	Заграничная учёба во времена Петра I	0,057
	Брил бороды	0,052
	Реформы образования и культуры при царе Петре	0,050
	Придворный театр при царе Петре	0,050
	Пётр – основатель первой печатной газеты	0,050
	Открыл много школ	0,034
	Обучал грамоте	0,034
	Прославление России и её армии в картинах	0,022
	Добавление русской культуры европейской	0,018
	Петербург Петра	0,018
	Дружба Европы и России Петра	0,010
	Всего	0,846
Творчество А. С. Пушкина	Пушкин	0,092
	Онегин	0,088
	Россия в стихах Пушкина	0,076
	Язык Пушкина	0,070
	Декабристы в стихах Пушкина	0,064
	Татьяна Ларина	0,061
	Я памятник себе воздвиг нерукотворный...	0,057
	Сказки Пушкина	0,052
	Русская культура в стихах Пушкина	0,050
	Царевна-Лебедь у Пушкина	0,050
	Пушкин любил русский народ	0,050
	Пушкин – революционный поэт	0,034
	Пушкин – символ России	0,034
	Пушкин наше всё	0,022
	Детские сказки	0,018
	Сказки Пушкина воспитывают детей	0,018
	Всего	0,836

Смысловая группа	Смысловые подгруппы: содержание	Частота встречаемости
Авторская песня	Цой	0,084
	Цой, группа Кино	0,080
	Авторские песни Цоя	0,077
	Мы ждем перемен...	0,073
	Песня Кукушка Цоя	0,070
	Сукачев	0,064
	Окуджава	0,047
	Авторская песня «Священная война»	0,032
	Всего	0,527
Славянская письменность	Возникновение русской / славянской письменности	0,066
	Письменность Руси	0,054
	Кирилл и Мефодий	0,048
	Древние русские книги / книги	0,032
	Азбука	0,020
	Праздник письменности	0,013
	День славянской культуры и письменности	0,009
	Всего	0,242

Источник: данные автора.

с воспеванием свободы, выражением гражданской позиции. Вместе с тем приходится констатировать, что и из всего «золотого» наследия русской литературы респондентами приведён лишь один пример А. С. Пушкина.

Интересным, на наш взгляд, является и то, что из огромного российского и советского песенного наследия, согласно мнению респондентов, только творчество В. Цоя имеет культурно-историческую ценность. Полагаем, что подобное музыкальное предпочтение в описании культурно-исторических фактов связано со свойственной молодым людям до 20 лет временной ориентацией, в соответствии с которой творчество В. Цоя – прошлое, культурно-историческая ретроспектива. Не исключено и другое объяснение – предпочтение В. Цоя другим сочинителям обусловлено достаточно частой трансляцией его песен средствами массовой коммуникации, благодаря чему творчество В. Цоя хорошо знакомо молодёжи.

Обратимся к данным, отражающим оценивание молодёжью фактов культурного прошлого России, детерминирующих социальную активность современников (табл. 2).

Согласно данным, представленным в таблице 2, деятельность Петра I в наибольшей степени, по мнению молодёжи, важна с точки зрения проявления личностью социально-политической, гражданской и образовательно-развивающей форм активности. Подтверждением тому являются данные попарного сравнительного анализа параметров форм социальной активности ($t_{\text{Стюдента}}$ от 5,43 до 7,24 при $p \leq 0,0001$). Можно полагать, что социально-политическая, гражданская, образовательно-развивающая формы активности, направленность которых связана с преобразованием общества, выражением своей и коллективной гражданской позиции по вопросам социально-политической жизни и проявлением образовательных инициатив, по мнению респондентов, в определённой степени имеет культурно-историческую преемственность. Данный эмпирический факт согласуется с результатами исследования Т. П. Емельяновой и А. В. Мишариной, предпринявших анализ выраженности соотношения исторических периодов прошлого России к образцу настоящего [6]: респонденты с высокой степенью согласия отмечали петровский период как

Таблица 2

Выраженность оценок роли культурно-исторических фактов в проявлении социальной активности современников в представлении молодёжи

Table 2

Intensity of assessments of the cultural-historical facts role in the manifestation of social activity in contemporary youngsters' representation

Смысловые группы Формы социальной активности	Пётр I: «окно в Европу»		Творчество А. С. Пушкина		Авторская песня		Славянская письменность	
	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD
альтруистическая	2.23	0.21	4.75	0.11	2.72	0.74	2.3	0.71
досуговая	3.64	0.62	4.74	0.13	3.33	0.22	3.0	0.53
социально-политическая	4.96	0.02	2.24	0.22	4.62	0.32	4.2	0.33
интернет-сетевая	4.32	0.21	4.73	0.12	3.24	0.24	4.78	0.03
гражданская	4.86	0.10	4.71	0.10	4.48	0.22	4.88	0.12
социально-экономическая	4.48	0.02	0.24	0.03	2.70	0.87	0.00	0.00
образовательно-развивающая	4.74	0.20	4.93	0.02	3.20	0.24	4.76	0.20
духовная	3.28	0.42	4.93	0.02	4.81	0.04	4.55	0.31
религиозная	1.12	0.12	0.22	0.01	0.12	0.02	0.00	0.00
протестная	0.66	0.16	0.21	0.01	4.80	0.01	0.00	0.00
радикально-протестная	0.24	0.03	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
субкультурная	0.23	0.04	0.00	0.00	4.70	0.12	0.00	0.00
Средний балл выраженности	2.90	0.179	2,61	0.064	3.23	0.25	2.37	0.16

Источник: данные автора.

наиболее близкий к образцу для настоящего.

В наименьшей степени оценён «вклад» Петра I в качестве источника религиозной, протестной, радикально-протестной и субкультурной форм активности людей. Возможное объяснение данного факта связано с низкой осведомлённостью молодых людей о преобразованиях времени Петра I.

С высокой степенью согласия респонденты отмечали роль фактов, объединённых в смысловую группу «Творчество А. С. Пушкина», в качестве источника достаточно широкого диапазона социальной активности современников: образовательно-развивающей, духовной, альтруистической, интернет-сетевой и гражданской

её форм. Подтверждением этому являются данные попарного сравнительного анализа параметров форм социальной активности ($t_{\text{Студента}}$ от 4,41 до 6,64 при $p \leq 0,0001$). Вполне очевидно, что в этом случае мы можем наблюдать «эффекты» функционального проявления содержательных характеристик, наделяемых смысловой группе «Творчество А. С. Пушкина» в актуализации современных форм социальной активности, направленность которых связана с саморазвитием, инициацией образовательной и развивающей деятельности, выражением своей и коллективной гражданской позиции по вопросам социально-политической жизни.

Смысловая группа культурных фактов «Авторская песня» оказалась значима в

качестве источника актуализации таких форм социальной активности, как духовная, протестная, субкультурная и социально-политическая. Этот факт подтверждён данными попарного сравнительного анализа всех форм активности ($t_{\text{Стьюдента}}$ от 5,46 до 6,47 при $p \leq 0,0001$). Интерпретация этих данных может быть связана с текстовой доминантой песен В. Цоя (как представителя авторской песни, согласно мнению респондентов), выражающей социальную значимость его творчества, отличающегося протестной и социально-политической направленностью («Мы ждем перемен...»; «Песня Кукушка»).

С высокой степенью согласия респонденты отмечали роль группы фактов «Славянская письменность» в качестве источника проявления гражданской, интернет-сетевой, образовательно-развивающей форм социальной активности современников. Свидетельством тому являются данные попарного сравнительного анализа форм активности ($t_{\text{Стьюдента}}$ от 4,52 до 6,48 при $p \leq 0,0001$). Вполне

вероятно, что оценка значимости развития и распространения древнерусской письменности, «книжности» связана с приписыванием современному человеку активности, направленность которой раскрывается в образовательно-развивающей деятельности, деятельности неполитических общественных объединений, в акциях по преобразованию общества, выражении солидарности с другими людьми и др., интернет-сетевой деятельности различных групп и сообществ.

В целом в иерархии значимости выявленных фактов культурного прошлого России с точки зрения их влияния на социальную активность современного человека приоритетное значение, как оказалось, имеют смысловые группы «Авторская песня» и «Пётр I: “окно в Европу”». Смысловые группы «Творчество А. С. Пушкина» и «Славянская письменность» имеют меньшую значимость. Результаты сравнительного анализа выраженности смысловых групп приведены в таблице 3.

Таблица 3

Значения критерия Стьюдента, полученные при сравнении выраженности смысловых групп в представлении учащейся молодёжи

Table 3

Values of Student's criterion obtained when comparing the intensity of semantic groups' presentation as it is represented by students

Смысловые группы	Творчество А. С. Пушкина	Авторская песня	Славянская письменность
Пётр I: “окно в Европу”	3.75*	4.12*	3.38*
Творчество А. С. Пушкина	-	9.78*	3.76*
Авторская песня	-	-	10.02*

Примечание: * $p < .05$

Источник: данные автора.

Данные, представленные в таблице 3, свидетельствуют о наличии значимых различий между оценками учащейся молодёжью роли выявленных фактов культурного прошлого России в проявлении социальной активности современного человека.

Обратимся к данным, отражающим взаимосвязи между смысловыми группами культурно-исторических фактов и оценками молодёжью их роли в проявлении социальной активности современников (табл. 4).

Таблица 4

**Взаимосвязи между смысловыми группами культурно-исторических фактов
и оценками молодёжью их роли в проявлении социальной активности
современников (критерий Пирсона)**

Table 4

**Relationship between semantic groups of cultural and historical facts and young
people's assessments of their role in the manifestation of their contemporaries'
social activity (Pearson criterion)**

Смысловые группы Формы социальной активности	Пётр I: «окно в Европу»	Творчество А. С. Пушкина	Авторская песня	Славянская письменность
альтруистическая	.098	.108*	.088	.081
гражданская	.133*	.131*	.118*	.105
образовательно-развивающая	.193**	.182**	.093	.117*
духовная	.118*	.185**	.006	.109*
протестная	.000	.000	.109*	.002

Примечание: Нули и запятые опущены; * $p < .05$; ** $p < .01$

Источник: данные автора.

Согласно данным, представленным в таблице 4, наибольшее количество значимых взаимосвязей обнаружено между смысловой группой «Творчество А. С. Пушкина» (4 связи) и такими формами социальной активности, как духовная, образовательно-развивающая, гражданская и альтруистическая. Можно предположить, что в представлении респондентов деятельность современных людей, направленная на расширение образовательных практик и повышение своего образовательного статуса, открытое выражение гражданской позиции в их стремлении к преобразованию общества, самоизменение, саморазвитие и приобщение к мировому культурному наследию, безвозмездное участие в оказании помощи другим (волонтерство, благотворительность), связана с воспеванием в творчестве А. С. Пушкина свободы, ценностей русской культуры, выражением гражданской позиции, любви к русскому народу, России («Россия в стихах

Пушкина», «Русская культура в стихах Пушкина», «Пушкин любил русский народ», «Пушкин: революционный поэт»).

Обнаружены достоверные взаимосвязи между показателями смысловой группы «Пётр I: «окно в Европу»» (3 связи) и оценками её роли в таких формах социальной активности, как образовательно-развивающая, гражданская, духовная. Вполне вероятно, что в представлении респондентов деятельность современных людей, направленная на расширение диапазона проявления образовательных инициатив и повышение образовательного статуса, на открытое выражение гражданской позиции, инициирование действий, как своих, так и других людей, саморазвитие и приобщение к мировому культурному наследию, подкрепляется содержательными характеристиками смысловой группы «Пётр I: «окно в Европу»» («Петр прорубил окно в Европу», «Приобщение к ценностям культуры Европы», «Развитие образования

при Петре I», «Реформы образования и культуры при царе Петре», «Добавление русской культуры европейской» и т. д.).

Выявлены значимые взаимосвязи между количеством высказываний, относимых к смысловой группе «Авторская песня» (2 связи) и оценками её роли в гражданской и протестной активности. Очевидно, что в представлении респондентов высокая социальная значимость творчества В. Цоя оказывает влияние на действия современников, направленные на преобразование общества через оппозиционную деятельность и протестную активность.

Установлены значимые взаимосвязи между показателями смысловой группы «Славянская письменность» (2 связи) и образовательно-развивающей и духовной формами социальной активности. В этом случае можно говорить о том, что инициирование образовательно-развивающей активности современников и их

приобщение к мировому культурному наследию подкреплены такими особенностями смысловых подгрупп, которые отражают значимость развития и распространения древнерусской письменности в истории развития русской культуры.

Таким образом, результаты анализа взаимосвязей параметров смысловых групп культурно-исторических фактов и социальной активности современников в представлении личности являются, на наш взгляд, свидетельством актуализации диахронных (между предками и потомками) связей, локус направленности которых проявляется в образовательно-развивающей, гражданской и духовной формах активности.

Обратимся к данным регрессионного анализа, позволяющего определить роль культурно-исторических фактов в детерминации различных форм социальной активности в представлении молодёжи (табл. 5).

Таблица 5

Выраженность культурно-исторических фактов в детерминации социальной активности современников в представлении молодежи

Table 5

Intensity of cultural and historical facts presentation in determining social activity of youngsters' contemporaries as it is represented by young people

Культурно-исторические факты / социальная активность	β	t-value	p
<i>Пётр I: "окно в Европу"</i> $R^2 = 0.42$; $F = 31.32$; $p < .001$			
образовательно-развивающая активность	.150	2.11	< .036
гражданская активность	.618	17.67	< .001
<i>Творчество А. С. Пушкина</i> $R^2 = 0.50$; $F = 27.4$; $p < .001$			
образовательно-развивающая активность	.556	7.77	< .001
духовная активность	.370	5.49	< .001
<i>Авторская песня</i> $R^2 = 0.41$; $F = 31.31$; $p < .001$			
гражданская активность	.160	2.16	< .044
<i>Славянская письменность</i> $R^2 = 0.47$; $F = 26.58$; $p < .001$			
образовательно-развивающая активность	.244	3.12	< .001

Примечание: β – стандартизированный коэффициент регрессии; t-value – критерий, основанный на t распределении Стьюдента; p – уровень значимости; R^2 – коэффициент детерминации; F – оценка значимости модели регрессии в целом

Источник: данные автора.

Согласно данным регрессионного анализа, инновации Петра I имеют достоверно выраженную значимость в детерминации образовательно-развивающей и гражданской форм социальной активности современников (объяснение дисперсии 42 %).

Творчество А. С. Пушкина в соответствии с представлениями респондентов имеет достоверно выраженную значимость в инициации образовательно-развивающей и духовной форм социальной активности современников (объяснение дисперсии 50 %, паритетная выраженность).

Авторская песня согласно представлению молодёжи выступает источником гражданской формы социальной активности современников (объяснение дисперсии 41 %).

Славянская письменность имеет достоверно выраженную значимость в детерминации образовательно-развивающей активности современников (объяснение дисперсии 47 %).

Выявленная иерархия смысловых групп «Творчество А. С. Пушкина», «Пётр I: “окно в Европу”», «Авторская песня» и «Славянская письменность» свидетельствует об определённой направленности социальной активности современников согласно представлению респондентов. Примечательно, что наибольшей выраженностью согласно представлению респондентов отличается образовательно-развивающая активность современников. Мы считаем, что эти данные свидетельствуют о включении в контекст представления о культурном прошлом субъективно значимых событий обыденной жизни настоящего, в числе которых образовательно-развивающая активность респондентов – учащихся общеобразовательных школ и вузов.

Заметим, что социально-возрастной статус испытуемых – учащаяся молодёжь, основной сферой деятельности которой является сфера образования. И вполне очевидно, что подобное семантическое «сгущение» культурного прошлого в оценке образовательно-разви-

вающей активности современников есть не что иное, как проявление *синхронных связей* (между современниками).

Заключение

Согласно результатам исследования, в представлении молодёжи наибольшей выраженностью отличаются такие факты событий культурно-исторического прошлого России, как «Пётр I: “окно в Европу”», «Творчество А. С. Пушкина», «Авторская песня» и «Славянская письменность».

Выявлены значимые различия в оценках роли фактов культурного прошлого России как источника социальной активности современников в представлении молодёжи. В иерархии значимости выявленных фактов культурного прошлого России с точки зрения их влияния на социальную активность современного человека приоритетную позицию занимают смысловые группы «Авторская песня» и «Пётр I: “окно в Европу”». Смысловые группы «Творчество А. С. Пушкина» и «Славянская письменность» представлены меньшей значимостью.

Уточнена специфика роли культурно-исторических фактов в детерминации социальной активности современников в представлении молодёжи на уровне диахронных (между предками и потомками) и синхронных связей (между современниками). На уровне диахронных связей эта специфика выражается в детерминации образовательно-развивающей, гражданской и духовной форм социальной активности. На уровне синхронных связей факты культурного прошлого выполняют значимую роль в качестве источника образовательно-развивающей активности современников.

Полагаем, что прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в разработке программ молодёжной политики, а также программ по приобщению личности к ресурсным возможностям культуры.

Статья поступила в редакцию 28.11.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Арендачук И. В. Динамика ценностно-смысловых характеристик социальной активности современной молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 3. С. 287–307. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-3-287-307
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. 341 с.
3. Бочарова Е. Е. Культурно-исторические факторы детерминации направленности социальной активности молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8. Вып. 4 (32). С. 348–361. DOI: 10.18500/2304-9790-2019-8-4-348-361
4. Бочарова Е. Е. Структурная организация регулятивных факторов различных форм социальной активности молодежи // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 28. № 4. С. 383–389.
5. Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006. 398 с.
6. Емельянова Т. П., Мишарина А. В. Различия в коллективной памяти поколений: социально-психологический подход // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8. Вып. 4 (32). С. 334–340. DOI: 10.18500/2304-9790-2019-8-4-334-340
7. Ирхен И. И. Ресурсный потенциал культуры России: историко-доминантная ретроспектива // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2015. № 2 (42). С. 112–117.
8. Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Культура как фактор общественного прогресса. М., 2009. 408 с.
9. Лотман Ю. М. К построению теории взаимодействия культур // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 110–120.
10. Репина Л. П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое Прошлое / The New Past. 2016. Т. 1. № 1. С. 82–99.
11. Рябикина З. И., Богомолова Е. И. Взаимосвязь личностных характеристик пользователей социальных сетей интернета с особенностями их активности в сети // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 109. URL: <http://ej.kubagro.ru/2015/05/pdf/73.pdf> (дата обращения: 15.09.2019).
12. Рязузова Е. В. Социальная психология личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой». Саратов, 2011. 304 с.
13. Троцук И. В., Сохадзе К. Г. Социальная активность молодежи: подходы к оценке форм, мотивов и факторов проявления в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2014. № 4. С. 58–74.
14. Шамионов Р. М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 379–394. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394
15. Шарковская Н. В. Социально-культурная активность – понятие современной социально-культурной деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 3 (71). С. 116–121.
16. Brown C. L. et al. Social Activity and Cognitive Functioning Over Time: A Coordinated Analysis of Four Longitudinal Studies [Электронный ресурс] // Journal of Aging Research. 2012. Article ID 287438. 12 p. URL: <http://dx.doi.org/10.1155/2012/287438> (дата обращения: 15.09.2019).

REFERENCES

1. Arendachuk I. V. [Dynamics of value-semantic characteristics of social activity of modern youth]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and pedagogics], 2018, vol. 15, no. 3, pp. 287–307. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-3-287-307
2. Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, 1988, 341 p.
3. Bocharova E. E. [Cultural and historical factors, determination of youths' social activity direction]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya raz-*

- vitiya [Proceedings of Saratov University. New series. Series: Acmeology of education. Developmental psychology], 2019, vol. 8, no. 4 (32), pp. 348–361. DOI: 10.18500/2304-9790-2019-8-4-348-361
4. Bocharova E. E. [The structural organization of regulatory factors in various forms of social activity of youth]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. The Series of Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2018, vol. 28, no. 4, pp. 383–389.
 5. Emel'yanova T. P. *Konstruirovaniye sotsial'nykh predstavlenii v usloviyakh transformatsii rossiiskogo obshchestva* [The construction of social representations in the conditions of Russian society transformation]. Moscow, 2006. 398 p.
 6. Emel'yanova T. P., Misharina A. V. [The differences in the collective memory of generations: a socio-psychological approach]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [Proceedings of Saratov University. New series. Series: Acmeology of education. Developmental psychology], 2019, vol. 8, no. 4 (32), pp. 334–340. DOI: 10.18500/2304-9790-2019-8-4-334-340
 7. Irkhen I. I. [The resource potential of culture of Russia: history and the dominant retrospective]. In: *Gumanitarnyi vektor. Seriya: Filosofiya, kul'turologiya* [Humanitarian vector. Series: Philosophy, cultural studies], 2015, no. 2 (42), pp. 112–117.
 8. Lebedeva N. M., Tatarko A. N. *Kul'tura kak faktor obshchestvennogo progressa* [Culture as a factor of social progress]. Moscow, 2009. 408 p.
 9. Lotman Yu. M. [To build a theory of cultures interaction] In: Lotman Yu. M. *Izbrannye stat'i. T. 1* [Selected papers. Vol. 1]. Tallinn, 1992, pp. 110–120.
 10. Repina L. P. [Events and images of the past in the historical and cultural memory]. In: *Novoe Proshloe / The New Past* [The New Past], 2016, vol. 1, no. 1, pp. 82–99.
 11. Ryabikina Z. I., Bogomolova E. I. [The relationship of personal characteristics of the Internet social networks users with the characteristics of their network activity]. In: *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Polythematic network electronic scientific journal of Kuban State Agrarian University], 2015, no. 109. Available at: <http://ej.kubagro.ru/2015/05/pdf/73.pdf> (accessed: 15.09.2019).
 12. Ryaguzova E. V. *Sotsial'naya psikhologiya lichnostnykh reprezentatsii vzaimodeistviya «Ya – Drugoi»* [Social psychology of personal representations of interaction “I – Another”]. Saratov, 2011. 304 p.
 13. Trotsuk I. V., Sokhadze K. G. [Social activity of young people: approaches to the evaluation forms, motives and factors manifestations in modern Russian society]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology], 2014, no. 4, pp. 58–74.
 14. Shamionov R. M. [Social activity of individuals and groups: definition, structure and mechanisms]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and pedagogics], 2018, vol. 15, no. 4, pp. 379–394. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394
 15. Sharkovskaya N. V. [Socio-cultural activity – the concept of modern socio-cultural activities]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts], 2016, no. 3 (71), pp. 116–121.
 16. Brown C. L. et al. Social Activity and Cognitive Functioning Over Time: A Coordinated Analysis of Four Longitudinal Studies. In: *Journal of Aging Research*, 2012, Article ID 287438. Available at: <http://dx.doi.org/10.1155/2012/287438> (accessed: 15.09.2019).

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00298 по теме “Психологические механизмы и факторы социальной активности молодежи”)

ACKNOWLEDGMENTS

The study was performed by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 18-18-00298 on “Psychological mechanisms and factors of social activity of youth”).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бочарова Елена Евгеньевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии образования и развития Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского;
e-mail: bocharova-e@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena E. Bocharova – candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Social Educational and Developmental Psychology, Saratov State University;
e-mail: bocharova-e@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бочарова Е. Е. Представление личности о культурно-исторических фактах и их роли в детерминации социальной активности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 1. С. 22–35.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-22-35

FOR CITATION

Bocharova E. E. Representations of personality about cultural and historical facts and their role in social activity determination. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 1, pp. 22–35.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-22-35

УДК 19.00.05

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-36-54

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Булгаков А. В.¹, Булгакова Е. А.², Шумский Д. А.²

¹ Российский государственный гуманитарный университет
125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация

² Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. На основе изучения текстов научных статей, обзоров, диссертаций, интернет-ресурсов, посвящённых среднему профессиональному образованию (СПО), выявить основные проблемы его трансформации на федеральном, региональном, ведомственном уровнях.

Процедура и методы исследования. Изучены более 100 научных источников, использован качественный и количественный анализ научных текстов: традиционный контент-анализ в сочетании с семантическим анализом по оригинальной экспресс-методике, основанной на авторской интерпретации результатов использования онлайн-программ свободного доступа на сайтах *Адвего*, *Txt.ru*, *Istio.com* и др. Методика включала фиксацию семантических показателей текста: объём, семантическое ядро, плотность, смысловая нагрузка, содержательность, гармоничность изучаемого понятия в тексте. Показатели прошли стандартизацию, что позволило сравнить социально-психологические аспекты решения проблем трансформации СПО на федеральном, региональном, ведомственном уровнях. Сравнение проводилось табулированием данных после онлайн-обработки текстов, выведения средних (m ; δ) семантических показателей текстов, их стандартизации, применения t -критерия Стьюдента.

Результаты проведённого исследования. Проведён социально-психологический анализ главных проблем СПО: качество подготовки выпускников; высокий уровень отсева обучающихся; инертность развития инструментов, увязывающих направления и специфику подготовки обучающихся и запросов рынка труда; низкий имидж; собственно социально-психологические факторы. Выделены доминирующие факторы трансформации СПО. На федеральном уровне решения проблем СПО наиболее важен фактор качества подготовки выпускников, а наименее значим социально-психологический фактор. Для региональных СПО – фактор несогласованности уровня подготовки в СПО требованиями рынка к специалисту. Для ведомственных СПО – собственно социально-психологический фактор в показателях: личность, группа, коллектив, образовательная среда, профессиональное общение, социально-психологический климат, межгрупповое взаимодействие и др. Влияние доминирующих факторов значительно различается на $p \leq 0,01$ по t -критерию Стьюдента.

Теоретическая и практическая значимость. Представленная модель диагностики процесса трансформации СПО и экспресс-методика семантического анализа могут быть использованы для проведения мониторинга различных аспектов трансформации СПО, дальнейших эмпирических социально-психологических исследований.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование (СПО), трансформация, социальная психология образования, образовательный кластер, дуальное обучение, семантический анализ

A. Bulgakov¹, E. Bulgakova², D. Shumsky²

PROBLEMS OF TRANSFORMATION OF THE SYSTEM OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION: SOCIO-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

¹ *Russian State University for the Humanities*

6 Miusskaya pl., GSP-3, Moscow 125993, Russian Federation

² *Moscow Region State University*

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Purpose: on the basis of studying texts of scientific articles, reviews, dissertations, Internet resources on secondary vocational education (SVE), to identify the main problems of its transformation at the federal, regional, departmental levels.

Procedure and methods of research: more than 100 scientific sources were studied, qualitative analysis and quantitative analysis of scientific texts were used: traditional content analysis combined with semantic analysis using the original express methodology, based on the use of the author's interpretation of the results of online programs of free access to the sites: *Advego, Txt.ru, Istio.com*, etc. The technique included semantic indicators of the text: volume, semantic core, density, semantic load, informativeness, harmony of the studied concept in those Kste. The indicators passed standardization, which allowed us to compare the socio-psychological aspects of solving the problems of transforming SVE at the federal, regional, departmental levels. The comparison was carried out through tabulating data after online word processing, deriving the average (m ; δ) semantic indicators of texts, their standardization, and applying Student's T-criterion.

Results of the study: a socio-psychological analysis of the main problems of SVE is done. It included: the quality of graduates' training; high dropout rate; the inertia of the development of tools that link the directions and specifics of training students and labor market demands; low image; and socio-psychological factors. The dominant factors of the transformation of SVE are identified. At the federal level, solving SVE problems is a factor in the quality of graduate training, and the least significant is a socio-psychological factor. For regional open source software - a factor of inconsistency in the level of training in open source software and market requirements for a specialist. For departmental VSEs, the actual socio-psychological factor in terms of personality, group, team, educational environment, professional communication, socio-psychological climate, intergroup interaction, etc. The influence of dominant factors significantly differs by $p \leq 0.01$ according to Student's T-criterion.

Theoretical / practical significance: the presented model for diagnosing the ACT transformation process and the express method of semantic analysis can be used to monitor various aspects of the SVE transformation, further empirical socio-psychological studies.

Keywords: secondary vocational education (SVE), transformation, social psychology of education, educational cluster, dual training, semantic analysis

Постановка проблемы

В статье представлены некоторые итоги совместной работы творческой группы кафедры психологии труда и организационной психологии (проф. А. В. Булгаков), научно-практической лаборатории проблем социализации (научный сотрудник Е. А. Булгакова) и кафедры социальной психологии (аспирант Д. А. Шумский)

Московского государственного областного университета, проводящей исследования проблем обеспечения качества образования Московской области, включая научную тему «Социально-психологические условия оптимальной трансформации СПО». В проведённом социально-психологическом анализе сделана попытка с позиций социальной

психологии образования увидеть происходящее с системой СПО в пространстве мирового и российского образования на пересечении культурно-исторических, технологических, социально-психологических вызовов, пронизывающих эти проблемы. Вся совокупность вызовов динамична, она быстро и часто радикально меняет представления о профессиях, профессионализме, СПО, об образовательной траектории каждого его участника.

СПО России не уступает многим зарубежным странам. Однако следующие негативные факторы серьёзно влияют на возможности системы СПО решать поставленные перед ней задачи. Во-первых, недостаточная привлекательность профессий рабочих и специалистов среднего звена. Во-вторых, истощённость ресурсного потенциала, неустойчивость взаимоотношений между участниками рынка труда. В-третьих, несформированность общероссийской системы оценки качества образования, закрытость результатов деятельности организаций СПО, непрозрачность мониторинга этой деятельности. В-четвёртых, слабость обратной связи, необходимой для повышения эффективности и доступности образовательных услуг. В результате перечисленного – фрагментарность и нескоординированность действий, отсутствие достоверной и актуальной информации для формирования и продвижения государственной и региональной политики в сфере подготовки рабочих кадров и специалистов среднего звена¹.

Вызовы, стоящие перед современной системой СПО, в значительной степени пересекаются с проблемами российских школ: это (1) ресурсное сжатие, (2) инфраструктурные сдвиги, (3) сужение

кадрового потенциала². Сейчас реализация образовательной политики в сфере СПО происходит на фоне вызовов, определённых миграционно-демографическими факторами, социально-экономическими условиями развития регионов, перманентным реформированием системы образования, активизацией общественно-профессиональных движений. Дополнительно к приведённым вызовам следует отнести: (4) трансформацию спроса, (5) учётную зарплатную политику, (5) инертность компромиссных механизмов.

В настоящее время существует острая необходимость формирования условий для создания высокопроизводительных рабочих мест и повышения качества подготовки кадров для работы на таких местах. 2/3 работодателей предпочитают доучивать и переучивать своих работников на базе собственных образовательных подразделений (мировая тенденция повышения роли внутрикорпоративной подготовки сотрудников). В инновационном секторе экономики и на высокотехнологичных производствах наблюдается разрыв между потребностями экономики в рабочих кадрах и специалистах среднего звена, их реальным наличием и соответствием их квалификаций требованиям работодателей (рынка труда)³.

В современном российском образовании существует запрос на социально-психологические средства обучения и воспитания. Объективными причина-

¹ Стратегия развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций в Российской Федерации на период до 2020 года (одобрено Коллегией Министерства образования и науки РФ (протокол от 18.07.2013 № ПК-5вн))// URL: <http://docs.cntd.ru/document/456016920> (дата обращения: 01.02.2020).

² Реформа среднего профессионального образования (отечественный и зарубежный опыт). Бюллетень о сфере образования [Электронный ресурс]. [2017]. URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:63SHYatkFRIJ:https://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/izdan-byulleten-reforma-srednego-professionalnogo-obrazovaniya+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 01.02.2020).

³ Стратегия развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций в Российской Федерации на период до 2020 года (одобрено Коллегией Министерства образования и науки РФ (протокол от 18.07.2013 № ПК-5вн)). // URL: <http://docs.cntd.ru/document/456016920> (дата обращения: 01.02.2020).

ми такого запроса являются следующие причины. Во-первых, обучение сегодня является в большей степени процессом социализации развивающейся личности, присоединением к культурному наследию человечества, чем просто приобретением знаний. Здесь на первый план выходит взаимодействие с другими людьми, и прежде всего – с референтным окружением, в котором и формируется система ценностей развивающейся личности. Во-вторых, организационно и содержательно образование является коллективной деятельностью в разноуровневой вертикальной и горизонтальной системе связей: обучающийся – обучающийся, обучающийся – преподаватель. Здесь важная роль отводится статусной позиции личности в группе и системе отношений значимости, которые опосредованно влияют на эффективность образовательного процесса через систему межличностных отношений. В-третьих, обострение в образовательном пространстве различных по форме и проявлениям межгрупповых отношений, связанных с принадлежностью к этническим группам, группам мигрантов и местных жителей, группам с различным уровнем благосостояния. В-четвёртых, нередко встречающаяся иллюзия хорошо проработанного направления в образовании – психологии управленческой деятельности. Нечасто на практике встречаются примеры уравновешенной, гармоничной системы взаимоотношений субъектов образовательного процесса [13].

Сегодня обоснованы социально-психологические задачи образования, приведены аргументы в пользу социальной психологии образования как новой предметной области научного знания на стыке социальной, возрастной и педагогической психологии [2]. Здесь важны, с одной стороны, традиционные для отечественной психологии исследования «возрастных закономерностей формирования личности в коллективе и взаимодействия между ними, а также психологических

особенностей групп и коллективов на основных стадиях онтогенеза» [12, с. 128]. С другой стороны, исследования, позволяющие вскрыть особую взаимосвязь между личностью и группой, личностью и обществом, представляющие собой интегрированную систему взаимно детерминированных развивающихся субъектов [9].

Таким образом, целесообразно использовать следующее определение социальной психологии образования. Это область социальной психологии, изучающая социально-психологические особенности людей, их поведения и деятельности, а также социальных групп, включённых в образовательное пространство и детерминирующих эффективность учебно-воспитательного процесса. Её методологический приём: изучать социально-психологические закономерности проявления личностного как группового, а группового как личностного в контексте системы образования [13].

Важным средством социальной психологии образования в сфере СПО является целенаправленная деятельность по: 1) формированию гармоничной образовательной среды; 2) повышению эффективности общения; 3) созданию «студенческого, ученического коллектива», направленного на реализацию целей и ценностей СПО; 4) реализации программ межгрупповой адаптации обучаемых и преподавателей для повышения эффективности их взаимодействия; 5) использованию знания закономерностей генезиса групп учащихся и преподавателей; 6) реализации комплексного социально-психологического сопровождения образовательного процесса; 7) внедрению современных методов социально-психологического исследования личности и группы, включая внедрение цифровизации и т. д.

Методика изучения проблем трансформации СПО

Выделим наиболее актуальное для социально-психологической теории обра-

зования противоречие – это противоречие между имеемыми представлениями и разработками социально-психологических теорий сопровождения процессов управления организациями, опытом использования их результатов и запросом современной практики в решении проблемного поля оптимальной трансформации организации СПО.

При социально-психологическом обеспечении трансформации СПО возможно использовать следующую 3-х факторную модель, включающую социально-когнитивные, динамические, социокультурные факторы трансформации.

1. *Социально-когнитивные факторы* трансформации, выявляемые на базе изучения поведенческих или личностных сигнатур (шаблонов поведения) [5]. Социально-когнитивная диагностика имеет собственную систему статистических методов, дизайна исследований и психометрику. В последние годы выполнены исследования, базирующиеся на техниках изучения предпочтений, Q-сортировке и S-R опросниках, внешнем наблюдении, самонаблюдении [30].

2. *Динамические факторы* трансформации. На уровне малой группы: лидер, ролевая структура, сплочённость. На уровне средней группы (организация) организационная культура, социально-психологический климат.

3. *Социокультурные факторы* трансформации. Трансформация системы ценностей на уровне «Социум» под влиянием экзогенных и эндогенных факторов. Здесь наблюдаются процессы архаизации и модернизации, сталкиваются традиционные и консервативные ценности с либерально-модернистскими ценностными установками. Большое разнообразие социокультурных факторов ведёт к неопределённости и неоднозначности выбора ценностных основ дальнейшего развития. Архаизация и иррационализация становятся трендами, которые в сочетании с приматом материальных ценностей над духовными, социокультурной

деградацией, замещением высоких образцов российской культуры продукцией массовой культуры являются серьёзными препятствиями модернизации во всех сферах жизнедеятельности [1].

Инструментами социальной психологии образования являются наблюдение, опрос, беседа, анкетирование, эксперимент, анализ документов, статистическая обработка данных, а также методы воздействия (социально-психологический тренинг, деловая игра, групповая дискуссия и т. д.). Особое место занимает психосемантический и семантический анализ [22].

Методика выявления проблем трансформации СПО реализовывалась традиционными для социальной психологии теоретическими и эмпирическими методами: качественным анализом, дополненным контент-анализом и семантическим анализом научной литературы, Интернет-ресурсов, анкетированием. Слабая формализация – одна из основных проблем качественных методов. В них не достаёт готовых алгоритмов для решения задач исследования. Исследователю «приходится думать», понимать, а следовательно, знать, что будет дальше. «Если ты ситуацию понял, то так оно и случится»¹. Качественный метод подводит на новые определения. Его объектом является всегда парадокс, главным инструментом – сам исследователь с его восприятием, навыками наблюдения, опытом, интуицией, уровнем знаний, социально-психологическим воображением, умением работать со своей субъективностью.

Результаты классического *качественного анализа текстов* [18] дополнялись контент-анализом (табл. 1), который определяет ключевые слова, фразы, соответствующие профессиональной деятельности специалиста, позволяет сфор-

¹ Штейнберг И. Объект качественных исследований – всегда парадокс. URL: <http://pltf.ru/2019/04/08/ilja-shtejnberg-br-obeht-kachestvennyh-issledovanij-vsegda-paradoks/?fbclid=IwAR1mh0x0YkmunwQTi9Ej9BCtrfU5uPWU5V-fGK7qhbb7cjg8Ncpk7zybfEE> (дата обращения: 25.01.2020).

мировать семантическое ядро и выявить проблемные точки представлений о СПО. Основными категориями контент-анализа были: проблемы регионального образования, система СПО, система понятий

социальной психологии образования (образовательная среда, личность студента, преподавателя, мастера, учебная группа, руководство СПО, социально-психологическое сопровождение и т. д.).

Таблица 1

Примеры единиц анализа текстов, раскрывающих проблемы СПО

Table 1

Examples of text analysis units that reveal PROBLEMS

Педагогика (социально-психологические аспекты)	Социальная психология	Общие (социально-психологические аспекты)
СПО, образование, обучение, воспитание, студент, преподаватель и т. д.	Личность, группа, коллектив, образовательная среда, общение коллектива, социально-психологический климат, межгрупповое взаимодействие, сопровождение, методы, средства	Культура, среда, цифровизация и т. д.

Источник: составлено авторами.

Качественный анализ применялся к электронным базам Российской государственной библиотеки, научной электронной базе eLIBRARY, электронным ресурсам Министерства высшего образования и науки, региональных министерств, ответственных за СПО. Особое место занимают результаты анализа трансформации СПО за последние 5–7 лет, проведённого в НИУ ВШЭ [20], РАНХиГС¹, Российском технологическом университете (МИРЭА) [17].

Традиционный качественный анализ был дополнен количественным анализом, который выполнялся с помощью специально разработанной схемы семантического анализа текстов. Под семантикой обычно понимают экспликацию смысла слов и выражений путём их толкования. Мы взяли за основу информационно-

ролевой подход, который означает, что смысл текста выражается графом, в узлах которого стоят леммы или единицы, равные по объёму словам типа числительных, выражающихся в русском языке многословной конструкцией. Отношения этого графа задаются перечнем и называются семантическими отношениями [25]. Семантический анализ может позволить создание точных сигнатур (в нашем случае устойчивые словосочетания – шаблоны, – отражающие проблемы СПО). При этом здесь оцениваются количество слов или фраз, которые определяют смысл текста, т. е. его семантическое ядро, и статистические показатели. Статистические показатели выполняют в данной ситуации вспомогательный характер – они оценивают текст. К ним относятся: количество символов с пробелами и без, количество слов, в том числе уникальных и значимых, стоп-слов, количество «воды» (не несущие смысловой нагрузки слова), грамматических ошибок, процент классической и академической «тошноты» (метафора скучности, тривиальности текста). Семантический анализ текста

¹ Реформа среднего профессионального образования (отечественный и зарубежный опыт). Бюллетень о сфере образования [Электронный ресурс]. [2017]. URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:63SHYatkFRIJ:https://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/izdan-byulleten-reforma-srednego-professionalnogo-obrazovaniya+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 01.02.2020).

реализован в программах свободного доступа в Интернете на сайтах *Адвего*, *Txt.ru*, *Istio.com* и др. [4]. При работе использованы эмпирически выявленные рекомендации: рекомендуемая «тошнота» не должна быть $\geq 3,5$; рекомендуемая «водянность» не ≥ 10 ; плотность ключевых слов должна быть такой, чтобы в облаке частотности были явно выражены интересующие нас понятия.

В таблице 2 представлена система понятий семантического анализа, выявленных нами на сайтах *Адвего*, *Txt.ru*, *Istio.com* и др. автоматизированного семантического анализа текстов. Считаем целесообразным использовать эти показатели для сравнительного семантического анализа. В качестве базы исследования были выбраны научные статьи, в которых раскрывается проблема трансформации СПО.

Таблица 2

Интерпретация понятий семантического анализа в показателях сайтов *Адвего*, *Txt.ru*, *Istio.com* и др. автоматизированного семантического анализа текстов

Table 2

Interpretation of semantic analysis concepts in *Advego* site indicators, *Txt.ru*, *Istio.com* and others. automated semantic analysis of texts

Семантические показатели текста	Показатели сайтов <i>Адвего</i> , <i>Txt.ru</i> , <i>Istio.com</i> и др.	Нормы
Объём одной статьи	количество символов	По выбору исследователя
Семантическое ядро	количество слов, в том числе уникальных и значимых	5–10–20 слов
Плотность	плотность ключевых слов	Наглядно: наличие более крупного текста
Смысловая нагрузка	количество воды	≥ 10
Содержательность	процент классической и академической тошноты	≥ 3.5
Гармоничность	результаты закона Ципфа	≥ 50

Источник: составлено авторами.

Статьи, выбранные случайным образом из интернет-баз 2012–2019 гг., были разделены на группы по критерию уровня проблем СПО: федеральные (общие для всех), региональные и ведомственные (педагогические, медицинские, технические, правовой системы и др.). Сравнение проводилось табулированием данных после онлайн-обработки текстов, выводением средних (m ; δ) семантических показателей текстов, их стандартизации, применения t -критерия Стьюдента.

Основная гипотеза исследования, проводимого с 2018 г. Д. А. Шумским, формулируется так: структура социально-психологических условий трансформации СПО представляет собой сложную, динамиче-

скую систему разноуровневых компонентов, имеющих реципрокную взаимосвязь. Оптимальная трансформация СПО будет зависеть от научно-обоснованной системы внедрения эмпирически выявленных условий, применения апробированных социально-психологических управленческих и психолого-педагогических технологий. Гипотеза исследования звучит следующим образом: имеющаяся научная литература отражает актуальные проблемы СПО. Социально-психологические факторы включены в эти проблемы, являются их составляющими. Семантический анализ через показатели семантического ядра, плотности, смысловой нагрузки, содержательность, гармоничность науч-

ных текстов позволяет выявить уровень представленности социально-психологических аспектов трансформации СПО, наметить как основные направления их изучения, так и подходы к оптимизации как на федеральном, так и на региональном уровнях, определить специфику условий в ведомственных СПО.

Результаты качественного анализа научных источников

Проблемы СПО находятся на пересечении психологических направлений: социальная психология личности, социально-психологические концепции управления организацией, психологические теории образовательной среды, социальная психология образования.

Личность учащихся СПО в различных её аспектах изучалась в работах психологов: Т. В. Бендас (2009) – гендерный аспект; М. В. Гамезо (2009) – с позиций возрастной и педагогической психологии; Л. Г. Дикая (2007) – в контексте психологии адаптации и социальной среды; Е. П. Ильин (2011) – в области психологии общения и межличностных отношений; Т. А. Ратанова (2008) рассмотрела психодиагностические методы изучения личности; Л. Б. Шнейдер (2007) – профессиональную идентичность, методы диагностики.

Учёные использовали знание и понимание проблем: а) психологических теорий личности (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, И. С. Кон, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Э. Фромм и др.); социальной среды и развития личности (А. С. Макаренко, А. М. Мудрик, А. Я. Найд и др.); становления личности в социуме (В. Д. Семенов, Н. А. Томин, И. А. Филиппова и др.); б) концепций социальной адаптации личности (Г. А. Гусев, И. А. Милославова, Л. М. Растова, Р. Барнер, А. Маслоу, К. Роджерс и др.) и социально-психологической адаптации (Д. А. Андреева, Ф. Б. Березин, А. В. Булгаков, Н. М. Морозов, Л. Г. Егоров, Ж. Г. Сенокосов, А. С. Страданченков и др.).

Среди современных исследований выделяются работы социологов по проблеме модернизации и реформирования СПО в контексте трансформации социально-профессиональной структуры российского общества и социальной политики (Г. А. Чернышёва, 2011; О. Л. Шарова, 2013), управления качеством СПО в условиях трансформации (Т. В. Дуран, Н. Б. Костина, 2018), о региональном аспекте трансформации СПО (Е. Н. Чикилева, 2017; Н. М. Арсентьева, И. И. Харченко, 2016).

Задачи системы СПО в условиях перехода к цифровой экономике, решаемые педагогами изложены в работах А. Ю. Филипповича, А. М. Кондакова (2018). Ими рассматривается цифровизация образовательных и управленческих процессов в организациях СПО, позволяющая повысить их эффективность и обеспечить населению доступ к профессиональной подготовке независимо от места жительства. Констатируется, что переход к цифровой экономике требует не только изменений в технологическом обеспечении организаций СПО, но и подготовки компетентных специалистов, способных работать в новых условиях тотальной цифровизации и автоматизации процессов, высокой степени неопределённости и скорости изменений.

В работах С. Д. Дерябо, Д. А. Иванова, Е. Б. Лактионовой, В. В. Логиновой, Г. А. Мкртычяна, В. И. Панова, А. Н. Тубельского, В. А. Ясвина и др. раскрыты содержательные основания психолого-педагогической экспертизы, которые возможно использовать для изучения и проектирования образовательных сред СПО.

Качественный анализ дополняют количественные данные результатов публикационной активности учёных по проблемам СПО. Выявлена устойчивая тенденция роста интереса к этой области за последние пять лет: 555 научных работ в 2015 г. и 957 – в 2019 г. Вместе с этим в психологии представлены фактически не значимо всего 2 % научных ра-

бот по сравнению с педагогикой – 90 %, юриспруденцией – 4 %, социологией – 2 %. В последнее пятилетие защищено всего одна кандидатская диссертация [6]. Подчеркнём, что защита проходила в Московском государственном областном университете.

В результате исследований НИУ ВШЭ и РАНХиГС сформулирован перечень ключевых проблем системы СПО, который включает в себя следующие позиции: 1) качество подготовки выпускников СПО; 2) высокий уровень отсева обучающихся системы СПО; 3) инертность развития инструментов, увязывающих направления и специфику подготовки обучающихся СПО и запросов рынка труда; 4) низкий имидж организаций СПО в обществе.

Зарубежный опыт трансформации СПО [23; 26]. Система СПО в большинстве стран мира реализует социально-образовательную функцию. Это «образовательный сейф», который позволяет увеличить время нахождения молодёжи в системе образования. В результате ожидается появление у молодёжи возможности избежать скатывания в бедность, обеспечение ей минимальной государственной поддержки, снижение риска асоциального поведения. Кроме того, СПО воспринимается как важнейший этап подготовки к обучению в вузе. Отличительный признак зарубежной системы СПО – обучение на рабочем месте. Данная специфика распространяется и на старшие классы школы, которые рассматриваются за рубежом как часть системы профессионального образования [32]. Сегодня здесь наблюдается трансформация гимназий, лицеев в связи с формированием возможностей получения школьниками СПО. Раньше гимназия являлась шагом к поступлению в вуз, ступенью подготовки элиты общества, в настоящее время ситуация изменилась: главное требование к выпускникам – приобретение профессий и квалификаций, необходимых для дальнейшего трудоустройства [29]. При этом

система СПО сталкивается с конфликтом между предпочтениями работодателей и интересами обучающихся, проблемой подготовки образовательных программ, допускающих привлечение работодателей к их реализации, проблемой кадровой обеспеченности [31].

Отечественный опыт трансформации СПО. Анализ результатов мониторинга качества подготовки кадров в организациях СПО, выполняемый Российским технологическим университетом (МИРЭА) на 2017 г., выявил [17] следующие позитивные тенденции в повышении престижа СПО. 1) За последние три года число обучающихся в системе СПО выросло на 7,1 % и составило почти 3 млн человек. Рост приёма на обучение в техникумы и колледжи составил 4,5 %. Подчёркивается, что это увеличение происходит в условиях демографической ямы, сокращения численности населения в возрасте от 15 до 19 лет. 2) Сокращается разрыв между средним и высшим образованием, произошло повышение «качества абитуриентов на входе»: в 2017 г. почти 30 % поступающих в учреждения СПО имели балл аттестата более 4. 3) Расширен спектр профессий в системе СПО. Это 485 профессий и специальностей. 50 % первокурсников поступили на «Инженерное дело, технологии и технические науки», Конкурс на специальность «Оптические и оптико-электронные приборы и системы» составил 5,89 человека на место. По специальности «Аэрофотогеодезия» этот показатель составил 5,63, а по «Геология и разведка нефтяных и газовых месторождений» – 5,45. 4) С 2016 г. организации СПО активно проводят модернизацию оборудования, которое используется в учебном процессе, а также вычислительной техники благодаря программе «Цифровая экономика Российской Федерации». Стоимость вычислительной техники в расчёте на одного студента выросла с 4,5 тыс. руб. до 8 тыс. руб., на 1000 студентов приходится 257 ПКМ, имеющих выход в ин-

тернет. Не каждый вуз имеет такие показатели. 5) Студенты СПО участвуют в чемпионатах по рабочим профессиям по стандартам WorldSkills. Количество участников этих соревнований достигло 15000 студентов. 6) Происходят изменения в кадровом составе СПО: снизился до 44 лет средний возраст педагогических работников, а 33 % педагогических работников имеют возраст до 40 лет. 7) Трансформация СПО приводит к оперативному решению проблем с рабочими местами на региональных предприятиях. Выявлен рост заключённых договоров между учебными заведениями и предприятиями с 22826 в 2016 до 23583 в 2017 гг.

Анализ региональных программ развития СПО показал, что главным фактором трансформации является демографический фактор. Находясь под воздействием негативной демографической динамики, региональные системы СПО успешно адаптировались к ней. Так, контингент СПО сокращался меньшими темпами, чем численность молодёжи. Выявлены и искажающие статистику факторы: 1) гораздо бóльшая часть молодёжи, формально учтённая статистикой в качестве студентов СПО, на самом деле осваивает в возрасте 15–16 лет программу средней школы; 2) не учитывается межрегиональная образовательная миграция, её максимальная интенсивность приходится на возраст 17–18 лет, в котором основная часть российской молодёжи оканчивает среднюю школу и поступает в вузы [11]. Поэтому необходимо делать поправку на приток молодёжи в те регионы, которые традиционно являются центрами притяжения за счёт расположенных в них крупных университетов.

Система профессионального образования в Московской области включает в себя 63 профессиональных образовательных организации, в том числе подведомственных: Министерству образования Московской области – 49; Министерству здравоохранения Московской области – 5;

Министерству культуры Московской области – 4; Министерству физической культуры и спорта Московской области – 5.

В СПО Московской области можно пройти обучение по специальностям: образования и педагогики, здравоохранения, культуры и искусства, сферы обслуживания, строительства, технологии продовольственных продуктов и потребительских товаров, транспортных средств, сельского хозяйства, экономики и управления, автоматики и управления, электронной и вычислительной техники.

Кадровый состав организаций профессионального образования насчитывает около 6 тыс. педагогических работников, из них 70 % имеют высшую или первую квалификационные категории. Контингент обучающихся составляет более 60 тыс. студентов. Подготовка ведётся по 157 профессиям и специальностям. Ежегодный выпуск составляет более 17 тыс. человек, из них по полученной специальности трудоустраивается до 57 %.

Результаты семантического анализа

Были изучены 25 статей, освещающих решение проблем СПО на федеральном уровне, 40 статей – на региональном и 15 – на ведомственном. Проверялась семантическая наполненность выявленных в ходе качественного анализа проблем СПО в обзорах ведущих научных организаций. Результаты представлены в табл. 3.

Далее результаты были проанализированы по критерию решения проблем СПО.

Для федеральных СПО (рис. 1) доминирующим фактором трансформации является фактор качества подготовки выпускников, наименее значимым – социально-психологический фактор. Вывод делается по близости / разбросу показателей семантического анализа. Выявлена близость динамик гармоничности и плотности, содержательности и смысловой нагрузки факторов трансформации СПО.

Таблица 3

**Представленность в научных текстах социально-психологических аспектов
трансформации СПО, по результатам семантического анализа,
в стенах (n = 80 научных источников)**

Table 3

**Representation in scientific texts of socio-psychological aspects of the transformation of
SPO, according to the results of semantic analysis, in the walls (n = 80 scientific sources)**

	Уровни решения проблем														
	Федеральный					Региональный					Ведомственный				
	ГРУППЫ ПРОБЛЕМ СПО														
	I	II	III	IV	V	I	II	III	IV	V	I	II	III	IV	V
Объём одной статьи	85–90 тыс. слов														
Семантическое ядро	5–20 слов														
Плотность	7	7	3	6	3	7	7	3	6	6	7	7	3	5	6
Смысловая нагрузка	7	7	5	7	5	6	6	6	6	6	6	6	6	5	6
Содержательность	6	7	7	8	3	7	6	6	6	5	7	6	6	5	5
Гармоничность	7	6	5	4	3	8	7	5	7	5	8	7	5	6	5

Примечание. Группы проблем СПО: I – уровень подготовки выпускников; II – отсев обучающихся СПО; III – несогласованность подготовки в СПО и запросов рынка; IV – имидж СПО; V – социально-психологические проблемы в показателях: личность, группа, коллектив, образовательная среда, профессиональное общение, социально-психологический климат, межгрупповое взаимодействие, сопровождение, методы, средства.

Источник: составлено авторами

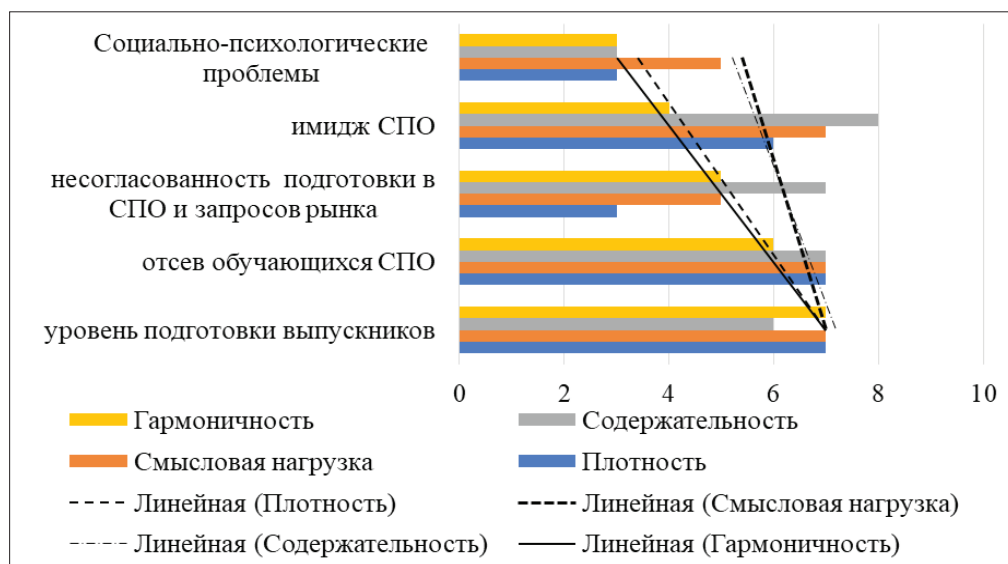

Рис. 1. Результаты семантического анализа научных статей, раскрывающих проблемы СПО федерального уровня, в стенах (n = 25 научных источников)

Fig. 1. The results of semantic analysis of scientific articles that reveal the problems of the Federal level SPO in the walls (n = 25 scientific sources)

Эти пары расходятся в статьях (имеют различия на уровне $p \leq 0.01$ по t-критерию Стьюдента), раскрывающих проблемы федерального уровня.

Содержательно новых проблем выявлено не было. Вывод: руководство видит проблемы традиционно, трансформация идёт по мере «поступления проблем», социально-психологические факторы понимаются, но не рассматриваются как ресурс управления по принципу «каждый должен заниматься своим делом». С одной стороны, такой подход понятен, с другой – беспокоит значительный разрыв между уровнями управления СПО, между социологическим подходом, измеряемым понятно и привычно (оценки, отклики, трудоустройство, отсеив и др.), и социально-психологическим (личность, группа, коллектив, образовательная среда, профессиональное общение, социально-психологический климат, межгрупповое взаимодействие и др.).

Для региональных СПО (рис. 2) доминирующим фактором трансформации является фактор несогласованности уровня подготовки в СПО и требований рынка к специалисту. Тренды факторов сходятся именно здесь. На социально-психологические факторы указывают показатели их гармоничности и содержательности. Требования социологических факторов отсева учащихся СПО и уровня подготовки расходятся веером, различаются на уровне $p \leq 0.01$ по t-критерию Стьюдента.

Содержательно это система причин запаздывающей реакции СПО на происходящие в экономике преобразования. К ним относятся несоответствие учебных программ требованиям работодателей, неудовлетворительное качество подготовки выпускников, нарушенная пропорция непрерывного образования «рабочий – техник – инженер», необоснованное сокращение мастеров профессионального

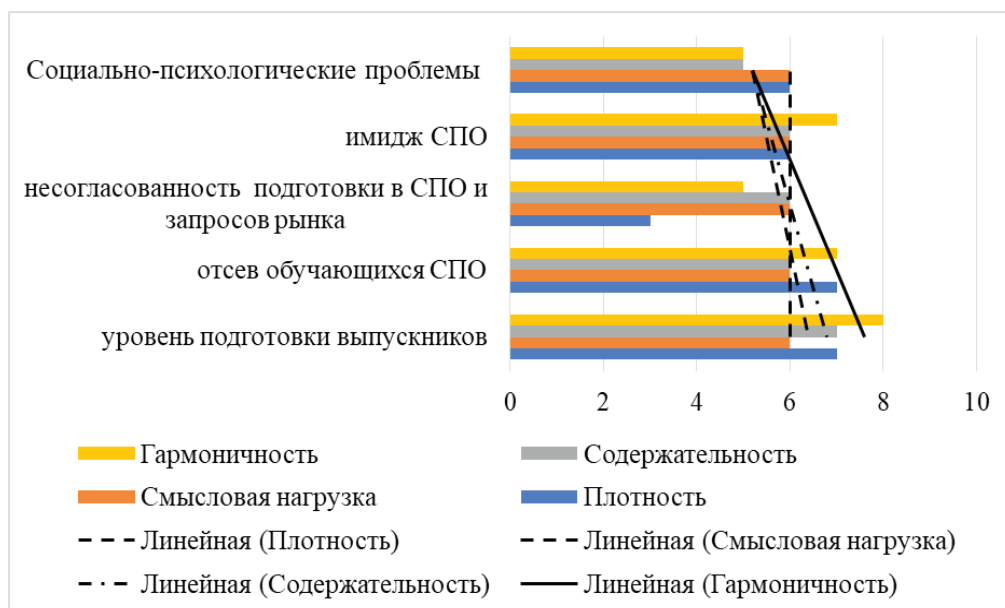

Рис. 2. Результаты семантического анализа научных статей, раскрывающих проблемы СПО регионального уровня, в стенах (n = 40 научных источников)

Fig. 2. The results of semantic analysis of scientific articles that reveal the problems of regional SPO in the walls (n = 40 scientific sources)

обучения, низкая заинтересованность работодателей совместно с педагогами решать проблемы СПО и др. [16; 28].

Кластер СПО и предприятия – один из способов решения вышеуказанных региональных проблем [10; 27]. Цель кластера: интеграция работодателя и образовательной организации. Здесь должен быть задействован механизм социального партнёрства, который, исходя из отечественного и зарубежного опыта, оптимизирует деятельность СПО. Здесь одновременно важны два вектора формирования партнёрских связей учебного заведения с предприятиями – восстановительный и кластерный. Первый направлен на возрождение традиций и взаимоотношений неформализованного диалога. Второй – на конструирование взаимодействия нового типа социального диалога и социального партнёрства – образовательный кластер.

На региональном уровне остро ставится вопрос о дуальном обучении [8; 15; 21; 24] – такой форме организации про-

фессионального образования, при которой теоретическая подготовка проходит в СПО, практическая – на предприятии. По сути, это комбинация теоретического и практического обучения. Основным принципом дуального обучения является равная ответственность учебных заведений и предприятий за качество подготовки кадров. Такая модель позволяет осуществить реальную социализацию молодёжи, входящей во взрослую жизнь без всякого адаптационного периода [14].

Для ведомственных СПО (рис. 3) доминирующим фактором трансформации является социально-психологический (показатели «плотность», «содержательность», «гармоничность»). Вместе с тем он на уровне $p \leq 0,01$ по t-критерию Стьюдента различается по показателю смысловой нагрузки текстов.

Анализ научных статей по проблемам СПО различных ведомств [3] указывает явную «разбалансировку» элементов системы отбора и подготовки в СПО. Выделены причины разбалансировки:

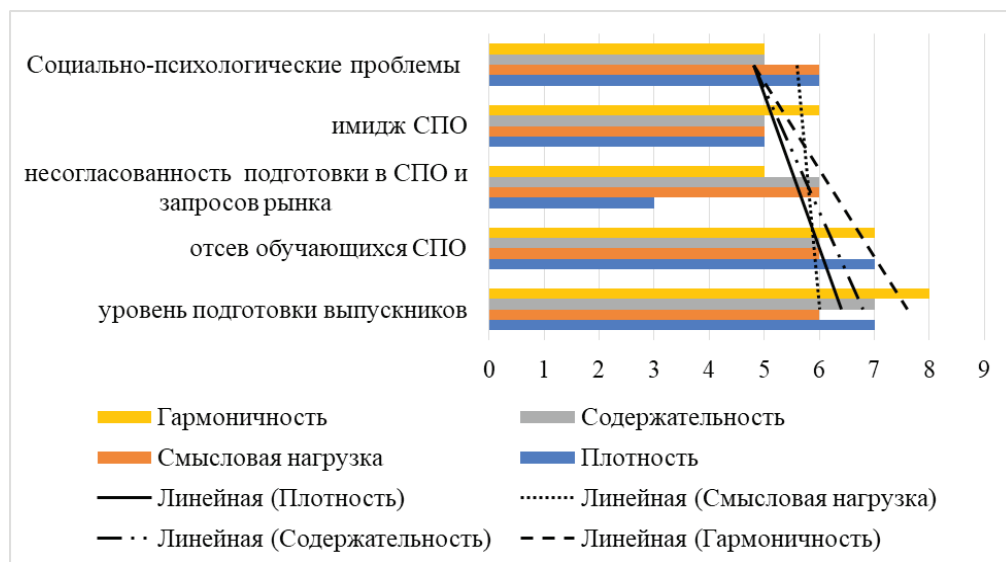

Рис. 3. Результаты семантического анализа научных статей, раскрывающих проблемы СПО ведомственного уровня, в стенах (n = 15 научных источников)

Fig. 3. The results of semantic analysis of scientific articles that reveal the problems of departmental level SPO in the walls (n = 15 scientific sources)

плохая общеобразовательная подготовка лиц, поступающих в СПО, в сочетании с неоднозначностью требований к образованию будущих специалистов [19]; фактическая невозможность диалога в межгрупповом взаимодействии преподавателей и обучающихся в СПО, основанном на исключительно знаниевой парадигме государственных стандартов; подготовка будущих специалистов по направлениям, отнесённым к сфере деятельности других ведомств (силовых, правовых, социальных); исключение из проблематики формирования образовательной среды истории своего ведомства, «среды», включающей коллективизм, лидерство, оптимальную ролевую структуру группы, служение [7].

Обозначены направления решения социально-психологических проблем. Во-первых, выход ведомственных СПО из зоны «комфорта»: закрытости, отсутствия внешнего общественного контроля, иногда встречающегося самоуправления. Включение ведомственных СПО в тесную взаимосвязь с имеющейся культурно-образовательной средой (организационная культура, мифы, традиции организации). Во-вторых, учитывая то, что ведомственные СПО готовят специалистов к особому виду служения в медицине, полиции, МЧС и др., необходимо сразу ориентировать обучаемых на непрерывность обучения, выходящего далеко за рамки ведомственных образовательных организаций. В-третьих, необходимо формировать устойчивый интерес к профессии с учётом психолого-педагогических положений о социальной ситуации развития. Как результат, возможность формирования в ведомственных СПО гармоничной во всех отношениях (духовный мир, интеллект, здоровье) личности специалиста.

Выводы

Социально-психологический фактор трансформации СПО может быть реализован в полях образовательной среды, эффективного общения, учебного

коллектива, сплочённого вокруг целей и ценностей образования, социально-психологического климата и организационной культуры в учебных группах и СПО, межличностного и межгруппового взаимодействия обучаемого и преподавателя, социально-психологического сопровождения образовательного процесса и т. д.

Трёхфакторная модель диагностики процесса трансформации СПО, включающая социально-когнитивные, динамические, социокультурные факторы, может быть использована как для теоретических, так и для эмпирических исследований проблем СПО. На её основе разработана методика выявления проблем региональной системы СПО. Основу составили традиционные качественный анализ, дополненный контент-анализом, и семантический анализ научной литературы, интернет-ресурсов.

Проведённое исследование показало, что имеющаяся научная литература отражает актуальные проблемы СПО. Несмотря на единичные диссертационные работы, выполненные социальными психологами в области социальной психологии образования за последние 5–7 лет, аналитические обзоры НИУ ВШЭ, РАНХиГС, МИРЭА, достаточно глубоко раскрывающие проблемы СПО, значительное количество научных статей в определённой степени компенсирует некоторое запаздывание научно обоснованных рекомендаций по оптимизации трансформации СПО, является своего рода мониторингом его хода.

Семантический анализ научных текстов по специально разработанной авторской методике, включающей такие показатели, как семантическое ядро, плотность, смысловая нагрузка, содержательность, гармоничность научных текстов, позволяет дополнить традиционно проводимый качественный анализ научных источников по той или иной проблеме. В данном исследовании семантический анализ выявил представленность социально-психологических аспектов

трансформации СПО на федеральном, региональном, ведомственном уровнях. Социально-психологические факторы включены в эти проблемы, являются их составляющими. Выделяются доминирующие факторы трансформации СПО. Так, для федеральных СПО доминирующим является фактор качества подготовки выпускников, а наименее значимым – социально-психологический фактор. Для региональных СПО – фактор несогласованности уровня подготовки в СПО с требованиями рынка к специалисту. Для ведомственных СПО – собственно социально-психологический фактор в показателях: личность, группа, коллектив, образовательная среда, профессиональное общение, социально-психологический климат, межгрупповое взаимодействие и др. Проведена статистическая проверка значимости различий между этими группами факторов.

Сформулированы основные направления оптимизации процесса трансформации СПО на федеральном, региональном, ведомственном уровнях.

Для учёных Московского государственного областного университета наиболее важным является региональный уровень. Для большинства регионов, включая Московскую область, важна среднесрочная перспектива программ развития СПО. Здесь необходимо учитывать: естественное изменение демографии, ход обновления учебного оборудования, ремонт зданий и др. составляющие образовательной инфраструктуры, целенаправленную подготовку молодых преподавателей и мастеров производ-

ственного обучения. Целесообразно дифференцировать программы обучения квалифицированных рабочих и программы повышенного уровня для подготовки специалистов среднего звена. Цель – устранить диспропорции в триаде «рабочий – техник – инженер».

Важно на деле реализовать принцип полипрофессионального образования, для чего следует укрупнить образовательные структуры на основе сетевого взаимодействия. В регионах следует развивать СПО двух типов: территориальные многопрофильные колледжи с гибкими вариативными программами и СПО прикладных квалификаций в конкретных отраслях (металлургической, химической, строительной и т. д.), исходя из особенностей развития экономики территорий. Шире использовать модели образовательного кластера, которые предусматривают: 1) мониторинг мнений работодателей о выпускниках СПО, их профессиональных и личностных качеств; 2) изменение организации производственной практики, нацеливание её на повышение уровня мотивации к выбранной профессии; 3) организацию мероприятий социально-психологического сопровождения: постоянно действующего круглого стола участников образовательного кластера, направленного на согласование требований предприятия-заказчика к профессиональным знаниям и навыкам выпускника СПО, конференций, деловых встреч, экскурсий, влияющих на взаимное уважение и сотрудничество.

Статья поступила в редакцию 30.10.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев Е. А. Социокультурные факторы трансформации системы ценностей российского общества // Всероссийский форум молодых ученых, Екатеринбург, 27–28 апреля 2017 г.: сборник материалов. Екатеринбург, 2017. С. 8–12.
2. Акопов Г. В. Социальная психология образования. М., 2000. 296 с.
3. Баранников К. А. Обзор современного состояния среднего профессионального образования в России (статистика и аналитические замечания) // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 7. С. 16–19.
4. Булгаков А. В. Семантический анализ как экспресс-методика оценки представлений о риске в профессиональной деятельности // Вестник Московского государственного областного уни-

- верситета (электронный журнал). 2019. № 4. URL: <https://vestnik-mgou.ru> (дата обращения: 01.02.2020).
5. Виноградов А. Г. Методический арсенал социально-когнитивной теории личности // Психология. Журнал Высшей школы экономики: [сайт]. 2014. Т. 11. № 3. URL: <https://psyjournal.hse.ru/2014-11-3/139104922.html> (дата обращения: 01.02.2020).
 6. Еронин А. О. Социально-психологические условия формирования позитивного имиджа среднего профессионального образования: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2015. 26 с.
 7. Закотнова Д. В. Перспективы системы среднего профессионального образования в ходе модернизации социально-экономической системы современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2014. № 1 (138). С. 228–233.
 8. Язева О. Д. Теоретические аспекты внедрения практико-ориентированного (дуального) обучения в образовательный процесс колледжа // Инновационное развитие профессионального образования. 2017. № 2 (14). С. 53–57.
 9. Ильин В. А. Психосоциальная теория как полидисциплинарный подход к анализу социальных процессов в современном обществе: дис. ... докт. психол. наук. М., 2009. 392 с.
 10. Карпов И. В. Образовательно-производственный кластер как форма социального партнерства (Миасская модель) // Профессиональное образование и рынок труда. 2014. № 7. С. 32–35.
 11. Кашницкий И. С., Мкртчян Н. В., Лешуков О. В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. № 3. С. 169–203.
 12. Коллектив и личность / под ред. Е. В. Шороховой, К. К. Платонова. М., 1975. 264 с.
 13. Крушельницкая О. Б., Орлов В. А., Сачкова М. Е. Социальная психология образования как отрасль научного знания [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2013. Т. 5. № 2. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n2/61292.shtml (дата обращения: 19.01.2020).
 14. Кустова Е. И., Казанская В. Г. Особенности личности учащихся среднего профессионального образования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2016. № 4–1. С. 150–157.
 15. Листвин А. А. Дуальное обучение в России: от концепции к практике // Образование и наука. 2016. № 3 (132). С. 44–56.
 16. Листвин А. А. Антиномии среднего профессионального образования // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 2 (71). С. 110–114.
 17. Максимов Г. Головой и руками. В России зафиксирован рост популярности среднего профессионального образования // ФедералПресс: [сайт]. URL: <https://fedpress.ru/article/2164349> (дата обращения: 10.12.2018).
 18. Митина О. В., Евдокименко А. С. Методы анализа текста: методологические основания и программная реализация // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2010. № 40 (216). С. 29–38.
 19. Михайлов А. В. Социально-психологическая динамика первичной профессионализации студентов ССУЗ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2014. № 16 (702). С. 62–74.
 20. Молодые профессионалы для новой экономики: среднее профессиональное образование в России / Ф. Ф. Дудырев, О. А. Романова, А. И. Шабалин, И. В. Абанкина; под ред. Ф. Ф. Дудырева, И. Д. Фрумина. М., 2019. 272 с.
 21. Особенности построения моделей реализации дуального образования (обучения) на региональном уровне / В. А. Бурляева, И. В. Буркина, К. В. Булах, К. А. Чебанов // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 349–351.
 22. Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический анализ политического менталитета общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16: Психология. Педагогика. 2015. № 3. С. 27–40.
 23. Рязанцева М. В., Смирнов В. М. Зарубежный опыт социального партнерства на рынке труда и в профессиональном образовании // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 9 (71). С. 125–134.
 24. Сафонов А. О., Ащеулов Ю. Б., Остапенко Р. И. Опыт реализации дуальной модели обучения в Воронежском государственном промышленно-гуманитарном колледже // Госсоветник. 2018. № 3 (23). С. 24–31.

25. Сокирко А. В. Семантические словари в автоматической обработке текста: По материалам системы ДИАЛИНГ: дис. ... канд. техн. наук. М., 2001. 114 с.
26. Трегубова Т. М. Зарубежный опыт развития профессиональных учебных заведений и его использование в отечественной теории и практике профессионального образования // Казанский педагогический журнал. 2005. № 4. С. 57–64.
27. Тюрина Н. А. Кластер как форма интеграции образования и производства // Инновационное развитие профессионального образования. 2014. № 1 (05). С. 92–98.
28. Ушаков А. А. Профессионализм педагога как детерминант повышения качества образовательных услуг в условиях конкурентоспособности системы среднего профессионального образования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2012. № 1. С. 146–152.
29. Capsada Q. Preparing students for the future // Education Policy Outlook. 2015. No 17. P. 57–75.
30. Cervone D., Shadel W. G., Jencius S. Social-cognitive theory of personality assessment // Personality and Social Psychology Review. 2001. No. 5 (1). P. 33–51. DOI: 10.1207/S15327957PSPR0501_3
31. Education at a Glance 2014: OECD Indicators. Paris: OECD Publishing, 2014. 566 p.
32. Reducing early school leavers: Key messages and policy support. Education and Training, November, 2013, 46 p. // file:///C:/Users/User/Downloads/early-school-leaving-group2013-report_en.pdf. Дата обращения 01.02.2020.

REFERENCES

1. Avdeev E. A. [Socio-cultural factors of transformation of system of values of Russian society]. In: *Vserossiiskii forum molodykh uchenykh, Ekaterinburg, 27–28 aprelya 2017 g.* [All-Russian forum of young scientists, Yekaterinburg, April 27th–28th, 2017]. Ekaterinburg, 2017, pp. 8–12.
2. Akopov G. V. *Sotsial'naya psikhologiya obrazovaniya* [Social psychology of education]. Moscow, 2000. 296 p.
3. Barannikov K. A. [Review of current status of secondary vocational education in Russia (statistics and analytical comments)]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the MIA of Russia], 2009, no. 7, pp. 16–19.
4. Bulgakov A. V. [Semantic analysis as a rapid method for the assessment of perceived risk in professional activities]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2019, no. 4. Available at: <https://vestnik-mgou.ru> (accessed: 01.02.2020).
5. Vinogradov A. G. [Methodological Toolkit of social-cognitive theory of personality]. In: *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher school of Economics], 2014, vol. 11, no. 3. Available at: <https://psy-journal.hse.ru/2014-11-3/139104922.html> (accessed: 01.02.2020).
6. Eronin A. O. *Sotsial'no-psikhologicheskie usloviya formirovaniya pozitivnogo imidzha srednego professional'nogo obrazovaniya: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk* [Socio-psychological conditions of formation of positive image of vocational education: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2015. 26 p.
7. Zakotnova D. V. [The prospects of system of secondary professional education in the modernization of the socio-economic system of modern Russia]. In: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika* [Bulletin of Adyghe State University. Series 5: Economics], 2014, no. 1 (138), pp. 228–233.
8. Zyazeva O. D. [Theoretical aspects of the introduction of practice-oriented (dual) training in the educational process of the College]. In: *Innovatsionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniya* [Innovative development of professional education], 2017, no. 2 (14), pp. 53–57.
9. Il'in V. A. *Psikhosotsial'naya teoriya kak polidistsiplinarnyi podkhod k analizu sotsial'nykh protsessov v sovremennom obshchestve: dis. ... dokt. psikh. nauk* [Psycho-social theory as a multidisciplinary approach to the analysis of social processes in modern society: D. thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2009. 392 p.
10. Karpov I. V. [Educational-industrial cluster as a form of social partnership (Miass model)]. In: *Professional'noe obrazovanie i rynek truda* [Vocational education and the labour market], 2014, no. 7, pp. 32–35.
11. Kashnitsky I. S., Mkrtchyan N. V., Leshukov O. V. [Interregional migration of young people in Russia:

- an integrated analysis of demographic statistics]. In: *Voprosy obrazovaniya* [Issues of education], 2016, no. 3, pp. 169–203.
12. Shorohova E. V., Platonov K. K., eds. *Kollektiv i lichnost'* [Collective and personality]. Moscow, 1975. 264 p.
 13. Krushel'nitskaya O. B., Orlov V. A., Sachkova M. E. [Social psychology of education as a branch of scientific knowledge]. In: *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2013, vol. 5, no. 2. Available at: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n2/61292.shtml (accessed: 19.01.2020).
 14. Kustova E. I., Kazanskaya V. G. [Personality characteristics of students of secondary professional education]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin], 2016, no. 4–1, pp. 150–157.
 15. Listvin A. A. [Dual training in Russia: from concept to practice]. In: *Obrazovanie i nauka* [Education and science], 2016, no. 3 (132), pp. 44–56.
 16. Listvin A. A. [Antinomies of secondary vocational education]. In: *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2016, no. 2 (71), pp. 110–114.
 17. Maksimov G. [By head and hands. The growth of popularity of vocational education is recorded in Russia]. In: *FederalPress* [FederalPress]. Available at: <https://fedpress.ru/article/2164349> (accessed: 10.12.2018).
 18. Mitina O. V., Evdokimenko A. S. [Methods of text analysis: methodological foundations and software implementation]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology], 2010, no. 40 (216), pp. 29–38.
 19. Mikhailov A. V. [The socio-psychological dynamics of primary professionalization of college students]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical science], 2014, no. 16 (702), pp. 62–74.
 20. Dudyrev F. F., Romanova O. A., Shabalin A. I., Abakina I. V. *Molodye professionaly dlya novoi ekonomiki: srednee professional'noe obrazovanie v Rossii* [Young professionals for the new economy: secondary vocational education in Russia]. Moscow, 2019. 272 p.
 21. Burlayaeva V. A., Burkina I. V., Bulakh K. V., Chebanov K. A. [Peculiarities of constructing models of dual education (learning) implementation at the regional level]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], 2018, no. 6 (73), pp. 349–351.
 22. Petrenko V. F., Mitina O. V. [Psycho-semantic analysis of political mentality of society]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16: Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of Saint Petersburg University. Series 16: Psychology. Pedagogy], 2015, no. 3, pp. 27–40.
 23. Ryazantseva M. V., Smirnov V. M. [Foreign experience of social partnership in the labour market and in vocational education]. In: *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional problems of transforming the economy], 2016, no. 9 (71), pp. 125–134.
 24. Safonov A. O., Ashcheulov Yu. B., Ostapenko R. I. [The experience of implementing the dual training model in Voronezh State Industrial-Humanitarian College]. In: *Gossovetnik* [State Advisor], 2018, no. 3 (23), pp. 24–31.
 25. Sokirko A. V. *Semanticheskie slovari v avtomaticheskoi obrabotke teksta: Po materialam sistemy DIALING: dis. ... kand. tekhn. nauk* [Semantic dictionaries in automatic text processing: the materials of the system DIALING: PhD thesis in Engineering sciences]. Moscow, 2001. 114 p.
 26. Tregubova T. M. [Foreign experience of development of vocational educational institutions and its use in the domestic theory and practice of vocational education]. In: *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal* [Kazan pedagogical journal], 2005, no. 4, pp. 57–64.
 27. Tyurina N. A. [Cluster as a form of integration of education and production]. In: *Innovatsionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniya* [Innovative development of professional education], 2014, no. 1 (05), pp. 92–98.
 28. Ushakov A. A. [The professionalism of the teacher as a determinant of improvement of quality of educational services in the conditions of competitiveness of system of secondary professional education]. In: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya* [Bulletin of Adyge State University. Series 3: Education and psychology], 2012, no. 1, pp. 146–152.
 29. Capsada Q. Preparing students for the future. In: *Education Policy Outlook*, 2015, no. ??, pp. 57–75.

30. Cervone D., Shadel W. G., Jencius S. Social-cognitive theory of personality assessment. In: *Personality and Social Psychology Review*, 2001, no. 5 (1), pp. 33–51. DOI: 10.1207/S15327957PSPR0501_3
31. Education at a Glance 2014: OECD Indicators. Paris, OECD Publishing, 2014. 566 p.
32. Reducing early school leavers: Key messages and policy support. Education and Training, November, 2013, 46 p. (оформить как книгу или статью)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Булгаков Александр Владимирович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии Московского государственного областного университета, профессор кафедры социальной психологии Российского государственного гуманитарного университета;

e-mail: av_bulgakow@mail.ru

Булгакова Екатерина Александровна – кандидат психологических наук, научный сотрудник научно-практической лаборатории проблем социализации Московского государственного областного университета;

e-mail: ea-bulgakowa@yandex.ru

Шумский Дмитрий Анатольевич – аспирант кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;

e-mail: loko2000@bk.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Alexander V. Bulgakov – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Labor Psychology and Organizational Psychology, Moscow State Regional University, Professor of the Department of Social Psychology, Russian State University for the Humanities;

e-mail: av_bulgakow@mail.ru

Ekaterina A. Bulgakova – candidate of psychological sciences, researcher at the scientific and practical laboratory of socialization problems, Moscow State Regional University;

e-mail: ea-bulgakowa@yandex.ru

Dmitry A. Shumsky – graduate student of the Department of Social Psychology, Moscow State Regional University;

e-mail: loko2000@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Булгаков А. В., Булгакова Е. А., Шумский Д. А. Проблемы трансформации системы среднего профессионального образования: социально-психологический анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 1. С. 36–54.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-36-54

FOR CITATION

Bulgakov A. V., Bulgakova E. A., Shumsky D. A. Problems of transformation of the system of secondary vocational education: socio-psychological analysis. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 1, pp. 36–54.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-36-54

УДК 159.9.072.432

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-55-64

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ДОСУГОВОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Воробьева А. Е., Акбарова А. А.*Институт психологии Российской академии наук**129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Выявить роль смысловых ориентаций и мотивации достижения успеха и избегания неудач в досуговой активности молодежи.

Процедура и методы исследования. Авторами было выполнено эмпирическое исследование при участии молодежи московского региона (124 чел.) с использованием авторской анкеты, СЖО Д. А. Леонтьева, МУН А. А. Реана.

Результаты проведенного исследования. Корреляционный анализ показал, что компоненты смысловых ориентаций положительно связаны с предпочтением более активных форм досуга, преобладанием положительных эмоций в связи с досуговой активностью, развивающими смыслами досуга, ориентацией на социально полезный досуг, а мотивация достижения положительно связана со значимостью некоторых препятствий к проведению досуга и отрицанием форм досуга, наносящих ущерб личности и семье.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные данные позволяют расширить научные представления о психологических факторах досуговой активности.

Ключевые слова: психология досуга, досуговая активность, смысловые ориентации, мотивация достижения успеха, мотивация избегания неудач

PERSONAL LEISURE ACTIVITY FACTORS OF YOUTH

A. Vorobieva, A. Akbarova*The Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences**13-1, Yaroslavskaya ul., Moscow 129366, Russian Federation*

Abstract.

Purpose: To identify the role of life-orientation and motivation to achieve success and avoid failure in leisure activities of youth.

Procedure and methods: The authors performed an empirical study on the example of the youth of the Moscow region (124 people) using the author's questionnaire, SJO by D.A. Leontiev, MSF by A.A. Rean.

Results: Correlation analysis showed that the components of life-orientation orientations are positively associated with the preference for more active forms of leisure, the predominance of positive emotions in connection with leisure activities, developing senses of leisure, orientation to socially useful leisure, and the motivation to achieve is positively associated with the significance of some obstacles to spending leisure time and denying forms of leisure that damage the individual and family.

Theoretical significance: The data obtained allow us to expand the scientific understanding of the psychological factors of leisure activity.

Keywords: psychology of leisure, leisure activity, life orientation, motivation to achieve success, motivation to avoid failure

Постановка проблемы

Психологических исследований в области досуговой активности крайне мало, в то время как отечественные социологи уделяют большое внимание проблемам молодёжного досуга [2; 3; 6; 9; 10; 12; 14]. Досуг молодёжи анализируется также в работах философов, педагогов, филологов и др. Так, например, филологический анализ показал, что молодёжь при определении лексемы «досуг» учитывает, как правило, развлекательную сторону, а также определяет досуг как время для получения дополнительной профессии, развития творческих и интеллектуальных способностей и т. д. [17]. Говоря о развивающем и развлекательном типах досугового поведения молодёжи, философы констатируют, что развивающий тип досуга распространён недостаточно, что обусловлено, с их точки зрения, как психоэмоциональными особенностями молодёжи, так и социокультурными и социально-экономическими факторами развития общества [1]. В целом же, начиная с 80-х гг. XX в., отмечается тенденция постепенного отхода молодёжи от традиционных форм проведения свободного времени [21]. В дальнейшем эта тенденция продолжается. Изменилось процентное соотношение между традиционными видами досуга, а также возникли его качественно новые виды, связанные с техническим прогрессом (например, широкое распространение компьютеров). Основные виды досуга стали другими не столько по форме, сколько по содержанию. Так, по данным общероссийского исследования, осуществлённого Российским независимым институтом социальных и национальных проблем по заказу Министерства образования РФ в конце 2001 г., досуг молодого поколения отличается от досуга их родителей, и в первую очередь это касается развлекательного, рекреационного и культурного времяпрепровождения. Молодёжь чаще позволяет себе выход в кафе, бары,

рестораны (22,7 % по сравнению с 4,2 % у взрослых). Компьютер также играет более существенную роль при организации досуга молодёжи (24,4 % по сравнению с 5,5 % у взрослых). Популярность досуга, опосредованного компьютером, растёт [7]. Кроме этого, проведённый А. С. Батнасуновым опрос, нацеленный на выявление структурно-функциональных изменений досуга нынешней молодёжи по сравнению с досугом молодёжи 60–70-х гг. XX в., показал, что в современной социокультурной ситуации наблюдается тенденция к «одомашниванию» досуга: 50 % современной молодёжи (по сравнению с 31 % молодежи 60–70-х гг. XX в.) проводят свой досуг дома [2]. По данным на 2010 г., самой популярной формой досуга молодёжи в регионах является домашний, что связано с низким уровнем доходов населения [4]. Однако смыслы досуга в целом и отдельных его видов могут быть различными. Если молодой человек во время домашнего досуга занят самообразованием, чтением, работой за компьютером, различными хобби, т. е. тем, что содержит развивающий компонент, данный тип досуга можно охарактеризовать как «развивающий» [8].

В 2001 г. также было выявлено, что развивающая направленность досугового поведения характерна для 11 % молодых россиян, развлекательная – для 58,1 %, домашняя – для 50 %, спортивная – для 39 %, общественно-политическая – для 25 %, разрушающая – для 0,3 % [2]. В исследовании 2010 г. досуг молодёжи в регионах было показано, что образовательный, культурно и физически развивающий досуг популярен у небольшого числа респондентов (12–20 %) [4]. Среди неработающих студентов более предпочтительными оказываются развлекательные виды досуга, а среди работающих – рекреационные [7].

По данным социологического исследования досуга молодёжи (16–30 лет) в регионах России (Ульяновская и Пензенская области, республика Мордовия), удовлет-

ворённость досугом снижается у молодёжи с возрастом, с появлением работы [4]. Зарубежные исследователи также отмечают тенденцию снижения удовольствия от досуга с возрастом [19]. По мнению некоторых авторов, досуговые практики наиболее разнообразны и имеют особое значение именно в жизни молодёжи в отличие от других возрастных групп [5]. К тому же в современном обществе происходит размывание границ между работой и свободным временем [13], от которого страдает именно сфера досуга.

В зарубежной психологии проблема досуга не случайно рассматривается в связи с мотивацией [18; 20; 22; 23]. Российские исследователи также отмечают, что трансформация досуга в современном обществе у молодого поколения связана с изменением его мотивационной сферы, с появлением новых приоритетов в области досуга [2]. В одном из отечественных исследований [16] было выявлено 4 мотивационных блока, которые определяют содержание свободного времени личности: аффилиативный, рекреационный, развития, гедонистический. Удалось также показать взаимосвязь между мотивами выбора занятия в свободное время и ценностями: выбор, обусловленный аффилиативными мотивами, связан с такой жизненной ценностью, как хорошая и благополучная семья. Не менее важной для наполнения свободного времени оказалась степень самоактуализации личности: при высоких показателях самоактуализации, совпадении мотивационно-потребностных профилей в ситуациях занятости и свободного времени личность ориентирована на удовлетворение мотивов саморазвития и аффилиации, характерно принятие на себя ответственности за организацию свободного времени; при низких показателях самоактуализации мотивационно-потребностные профили в ситуациях занятости и свободного времени различаются, личность ориентирована на удовлетворение мотивов гедонизма и рекреации в

свободное время, характерны избегание ответственности за организацию своего свободного времени и перенесение её на внешние условия и других людей [16].

Учитывая продолжающуюся тенденцию изменения досуговой активности молодёжи и её мотивационной сферы, обуславливающей характер этой активности, а также значимую роль самоактуализации личности при организации её досуговой активности, мы считаем необходимым продолжить эту линию исследований в своей работе, проанализировав роль смысложизненных ориентаций и мотивации достижения успеха в досуговой активности современной российской молодёжи (на примере столичного региона).

Цель исследования: проанализировать личностные факторы досуговой активности молодёжи.

Предмет исследования: личностные факторы досуговой активности молодёжи.

Объект исследования: досуговая активность молодёжи.

Гипотезы исследования:

1) Компоненты смысложизненных ориентаций положительно связаны с предпочтением более активных форм досуга, преобладанием положительных эмоций в связи с досуговой активностью, развивающими смыслами досуга, ориентацией на социально полезный досуг.

2) Мотивация боязни неудачи положительно связана с предпочтением пассивных форм досуга, значимостью препятствий к проведению досуга, отрицанием форм досуга, наносящих ущерб личности, здоровью, материальному положению, семье.

Методы исследования: 1) авторская анкета, направленная на изучение смыслов досуга, предпочитаемых форм досуговой активности, эмоциональных переживаний, связанных с досугом, представлений о неприемлемых формах досуга и т. д.; 2) тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева [11]; 3) опросник мотивации успеха и боязни неудачи (МУН) А. А. Реана [15].

Выборка: молодёжь в возрасте 17–29 лет, проживающая в Москве и Московской области, 124 человека, из них мужчин 52 человека, женщин 72 человека. Из них 84 человека только учатся, 34 человека учатся и работают одновременно, 6 человек только работают.

Результаты

Анализ значимых корреляций (коэффициент корреляции Спирмена) между ответами на вопросы авторской анкеты о досуговой активности и показателями методик СЖО и МУН позволил выделить следующие закономерности.

Чем больше выражен **локус контроля Я** («хозяин жизни»), тем меньшими ограничениями для проведения досуга являются недостаток денег ($r = -0,23$), неуверенность в своих способностях ($r = -0,32$), затруднение в выборе ($r = -0,29$), меньше ассоциаций понятия «досуг» с характеристиками «скучный» ($r = -0,2$), «подавляющий» ($r = -0,2$), больше ассоциаций понятия «досуг» с характеристикой «интересный» ($r = 0,23$), больше несогласия с тем, что досуг даёт человеку возможность забыть о тяжелой жизни ($r = -0,25$), большее предпочтение спортивных занятий ($r = 0,25$), обучения (семинары, курсы, тренинги) ($r = 0,2$), посещения кафе и ресторанов ($r = 0,2$), косметических и подобных этому процедур ($r = 0,2$) в свободное время, больше приемлем досуг, требующий значительных расходов ($r = 0,23$), большее согласие с тем, что их досуг *приносит пользу другим людям и окружающей среде* ($r = 0,22$), позволяет реализовать свой потенциал ($r = 0,37$), приносит им самим пользу ($r = 0,34$), даёт радость созидания ($r = 0,25$), вызывает гордость ($r = 0,31$), меньшее согласие с тем, что их досуг заставляет чувствовать разочарование ($r = -0,3$), отчаяние ($r = -0,23$) и вину ($r = -0,28$), делает измученным ($r = -0,2$).

Чем больше управляемость жизни («**локус контроля – жизнь**»), тем меньшими ограничениями для проведения досуга являются недостаток денег ($r = -0,26$), неуве-

ренность в своих способностях ($r = -0,35$), затруднение в выборе ($r = -0,28$), меньше ассоциаций понятия «досуг» с характеристиками «скучный» ($r = -0,23$), «разлагающий» ($r = -0,21$), больше ассоциаций понятия «досуг» с характеристикой «интересный» ($r = 0,2$), большее предпочтение *кулинарии* ($r = 0,18$), поездок по России ($r = 0,21$) и за рубеж ($r = 0,24$), спортивных занятий ($r = 0,36$), экстремальных видов активности (стритрейсинг, альпинизм, прыжки с парашютом, страйкбол и т. д.) ($r = 0,23$), посещения кафе и ресторанов ($r = 0,23$), косметических и подобных этому процедур ($r = 0,23$), *фотосессий* ($r = 0,21$), встреч с друзьями, родственниками, знакомыми ($r = 0,2$) в свободное время, *занятия волонтерством* ($r = 0,17$), меньшее предпочтение интернет-досуга (просмотр видео, чтение статей, соцсети и т. д.) ($r = -0,2$), больше приемлем досуг, требующий значительных расходов ($r = 0,2$), большее согласие с тем, что их досуг позволяет реализовать свой потенциал ($r = 0,33$), приносит им самим пользу ($r = 0,27$) даёт радость созидания ($r = 0,22$), вызывает гордость ($r = 0,39$), меньшее согласие с тем, что их досуг заставляет чувствовать разочарование ($r = -0,32$), отчаяние ($r = -0,26$), тревогу ($r = -0,22$) и вину ($r = -0,3$), делает измученным ($r = -0,19$).

Чем больше выражены **цели** в жизни, тем меньшими ограничениями для проведения досуга являются недостаток денег ($r = -0,2$), неуверенность в своих способностях ($r = -0,21$), затруднение в выборе ($r = -0,22$), больше ассоциаций понятия «досуг» с характеристикой «интересный» ($r = 0,2$), большее предпочтение спортивных занятий ($r = 0,27$), обучения (семинары, курсы, тренинги) ($r = 0,22$), посещения кафе и ресторанов ($r = 0,18$), косметических и подобных этому процедур ($r = 0,22$), общения с друзьями и родственниками по телефону ($r = 0,19$) в свободное время, большее согласие с тем, что их досуг позволяет реализовать свой потенциал ($r = 0,36$), приносит им самим пользу ($r = 0,24$), даёт радость созидания

($r = 0,22$) и вызывает гордость ($r = 0,25$), меньшее согласие с тем, что их досуг заставляет чувствовать разочарование ($r = -0,18$) и вину ($r = -0,18$).

Чем больше выражены интерес и эмоциональная насыщенность жизни («**процесс жизни**»), тем меньшими ограничениями для проведения досуга являются недостаток денег ($r = -0,24$) и *здоровья* ($r = -0,21$), неуверенность в своих способностях ($r = -0,32$), затруднение в выборе ($r = -0,32$) и отсутствие в районе нужной инфраструктуры ($r = -0,22$), меньше ассоциаций понятия «досуг» с характеристиками «скучный» ($r = -0,22$), «подавляющий» ($r = -0,2$), «разлагающий» ($r = -0,23$), больше ассоциаций понятия «досуг» с характеристикой «интересный» ($r = 0,23$), большее предпочтение поездок по России ($r = 0,26$) и за рубеж ($r = 0,25$), прогулок в парке и на природе ($r = 0,2$), спортивных занятий ($r = 0,23$), экстремальных видов активности (стритрейсинг, альпинизм, прыжки с парашютом, страйкбол и т. д.) ($r = 0,18$), посещения кафе и ресторанов ($r = 0,21$), *ночных клубов* ($r = 0,18$), *концертов, музыкальных фестивалей* ($r = 0,2$), косметических и подобных этому процедур ($r = 0,25$), *фотосессий* ($r = 0,27$), общения с друзьями и родственниками по телефону ($r = 0,18$), встреч с ними же в свободное время ($r = 0,22$), *занятия волонтерством* ($r = 0,17$), больше приемлем досуг, требующий значительных расходов ($r = 0,24$), большее согласие с тем, что их досуг приносит пользу другим людям и окружающей среде ($r = 0,27$), позволяет реализовать свой потенциал ($r = 0,37$), приносит им самим пользу ($r = 0,34$), даёт радость созидания ($r = 0,31$), вдохновляет ($r = 0,26$), вызывает гордость ($r = 0,44$) и позволяет чувствовать себя счастливым ($r = 0,2$), меньшее согласие с тем, что их досуг заставляет чувствовать разочарование ($r = -0,31$), отчаяние ($r = -0,23$), тревогу ($r = -0,23$) и вину ($r = -0,35$), делает измученным ($r = -0,24$).

Чем больше удовлетворённость самореализацией («**результативность** **жиз-**

ни»), тем меньшими ограничениями для проведения досуга являются недостаток денег ($r = -0,23$), неуверенность в своих способностях ($r = -0,31$), затруднение в выборе ($r = -0,26$), а также отсутствие в районе нужной инфраструктуры ($r = -0,22$), меньше ассоциаций понятия «досуг» с характеристиками «скучный» ($r = -0,3$), «подавляющий» ($r = -0,23$), «разлагающий» ($r = -0,25$), больше ассоциаций понятия «досуг» с характеристикой «интересный» ($r = 0,18$), большее предпочтение поездок по России ($r = 0,21$) и за рубеж ($r = 0,19$), прогулок в парке и на природе ($r = 0,21$), спортивных занятий ($r = 0,24$), экстремальных видов активности (стритрейсинг, альпинизм, прыжки с парашютом, страйкбол и т. д.) ($r = 0,2$), посещения кафе и ресторанов ($r = 0,23$), косметических и подобных этому процедур ($r = 0,22$), *фотосессий* ($r = 0,25$), встреч с друзьями, родственниками, знакомыми ($r = 0,26$) в свободное время, больше приемлем досуг, требующий значительных расходов ($r = 0,26$), большее согласие с тем, что их досуг позволяет реализовать свой потенциал ($r = 0,32$), приносит им самим пользу ($r = 0,26$), даёт радость созидания ($r = 0,22$), вдохновляет ($r = 0,21$), вызывает гордость ($r = 0,4$) и позволяет чувствовать себя счастливым ($r = 0,27$), меньшее согласие с тем, что их досуг заставляет чувствовать разочарование ($r = -0,37$), отчаяние ($r = -0,31$), тревогу ($r = -0,23$) и вину ($r = -0,35$), делает измученным ($r = -0,3$).

Чем больше выражен **общий показатель осмысленности** жизни, тем меньшими ограничениями для проведения досуга являются недостаток денег ($r = -0,28$), неуверенность в своих способностях ($r = -0,36$), затруднение в выборе ($r = -0,31$), а также отсутствие в районе нужной инфраструктуры ($r = -0,2$), меньше ассоциаций понятия «досуг» с характеристиками «скучный» ($r = -0,24$), «разлагающий» ($r = -0,21$), больше ассоциаций понятия «досуг» с характеристикой «интересный» ($r = 0,22$), большее предпочте-

ние поездок по России ($r = 0,25$) и за рубеж ($r = 0,22$), прогулок в парке и на природе ($r = 0,2$), спортивных занятий ($r = 0,31$), посещения кафе и ресторанов ($r = 0,24$), косметических и подобных этому процедур ($r = 0,24$), *фотосессий* ($r = 0,23$), общения с друзьями и родственниками по телефону ($r = 0,21$), встреч с ними же в свободное время ($r = 0,22$), *занятия волонтерством* ($r = 0,17$), меньшее предпочтение интернет-досуга (просмотр видео, чтение статей, соцсети и т. д.) ($r = -0,18$), больше приемлем досуг, требующий значительных расходов ($r = 0,26$), большее согласие с тем, что досуг *приносит пользу другим людям и окружающей среде* ($r = 0,26$), позволяет реализовать свой потенциал ($r = 0,38$), приносит им самим пользу ($r = 0,32$), даёт радость созидания ($r = 0,25$), вдохновляет ($r = 0,19$), вызывает гордость ($r = 0,4$), меньшее согласие с тем, что их досуг заставляет чувствовать разочарование ($r = -0,33$), отчаяние ($r = -0,28$), тревогу ($r = -0,21$) и вину ($r = -0,35$), делает измученным ($r = -0,25$).

Чем больше выражена мотивация **достижения успеха**, тем меньшими ограничениями для проведения досуга являются недостаток денег ($r = -0,31$), неуверенность в своих способностях ($r = -0,2$), затруднение в выборе ($r = -0,2$), и тем большим *ограничением для проведения досуга является приоритет интересов семьи* ($r = 0,2$), большее предпочтение поездок по России ($r = 0,2$), спортивных занятий ($r = 0,31$), обучения (семинары, курсы, тренинги) ($r = 0,21$) в свободное время, *занятия волонтерством* ($r = 0,18$), *меньше приемлем досуг, требующий длительных отлучек из семьи* ($r = -0,23$), *не связанный с саморазвитием* ($r = -0,2$), большее согласие с тем, что их досуг *приносит пользу другим людям и окружающей среде* ($r = 0,27$), позволяет реализовать свой потенциал ($r = 0,3$), приносит им самим пользу ($r = 0,3$).

Первая гипотеза исследования в основном подтвердилась: компоненты смысловых ориентаций оказались по-

ложительно связаны с предпочтением более активных форм досуга, преобладанием положительных эмоций в связи с досуговой активностью, развивающими смыслами досуга, некоторой ориентацией на социально полезный досуг (только в виде волонтерства). Вторая гипотеза исследования скорее не подтвердилась: мотивация достижения успеха оказалась положительно связана со значимостью некоторых препятствий к проведению досуга (интересы семьи) и отрицанием форм досуга, наносящих ущерб личности (её саморазвитию) и семье (разлука с ней).

Обращают на себя внимание общие закономерности, выявленные в результате корреляционного анализа: несмотря на то, что большая часть выборки представлена неработающей молодёжью, деньги для них не являются ограничителем при выборе досуговой активности. По-видимому, их расходы в досуговой сфере обеспечивают родители и другие члены ближайшего окружения [7].

Не было обнаружено значимых корреляций осмысленности жизни и мотивации достижения успеха с большинством развивающих форм досуга, упомянутых в авторской анкете (посещение музеев, театров, религиозных мероприятий, занятия рукоделием, творчеством), также не обнаружены корреляции с большинством просоциальных форм досуга (забота о бездомных животных, политическая активность). Несмотря на то, что респонденты отмечают, что досуг позволяет им реализовать свой потенциал и даёт радость созидания, виды избранной ими досуговой активности за редким исключением (фотосессии, кулинария) не предполагают созидания чего-либо. Невыраженность такого препятствия для проведения досуга, как неуверенность в своих способностях, скорее всего, объясняется тем, что среди избранных нашими респондентами форм досуга отсутствуют те, которые требуют освоения сложных навыков (рукоделие и творчество). Вероятно, отсутствие значимых корреля-

лений досуговой активности с негативными эмоциональными переживаниями объясняется тем, что молодёжь в основном не выбирает просоциальных форм досуга, занятие которыми может вызвать такие переживания. По ответам респондентов отмечаем, что их досуговая активность больше направлена на их самореализацию и получение пользы для себя, чем на пользу окружающим.

Заключение

Досуг молодёжи исследуется в различных отраслях гуманитарного знания. По данным социологических исследований 2001–2010 гг., наблюдается тенденция к «одомашниванию» молодёжного досуга.

Мотивационная сфера молодёжи и степень её самоактуализации определяют направленность её досуговой активности.

Чем больше выражены осмысленность и результативность жизни у молодёжи, тем более разнообразен её досуг (связан с внедомашней активностью, общением с большим количеством людей, посещением различных мест и мероприятий, расходами), больше положительных переживаний, связанных с досуговой

активностью (интересный, вдохновляет, вызывает гордость, делает счастливым), также субъективно отсутствуют препятствия для реализации досуговой активности (такие как недостаток денежных средств, отсутствие нужной инфраструктуры, неопределённость в предпочтениях, неуверенность в своих способностях).

Чем больше выражены интерес и эмоциональная насыщенность жизни у молодёжи, тем больше они предпочитают виды досуга, связанные с получением интенсивных эмоциональных переживаний и не связанные с получением конкретного результата (посещение концертов, ночных клубов, фестивалей).

Чем больше выражена мотивация достижения успеха у молодёжи, тем больше их ориентация при выборе досуговой активности на интересы семьи и саморазвитие.

Молодёжь старается не усложнять своей досуговой активности: избегает тех видов досуга, которые требуют освоения сложных навыков или связаны не только с позитивными, но и с негативными переживаниями.

Статья поступила в редакцию 23.12.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Асорбина Т. В. Влияние досуга на формирование стратегии жизни российской молодежи: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д., 2015. 39 с.
2. Батнасунов А. С. Досуг как сфера жизнедеятельности современной российской молодежи: дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2004. 159 с.
3. Бирюкова А. В. Рекреация подростков в структуре показателей качества жизни: автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2009. 22 с.
4. Букин В. П., Атаева Т. А. Структура досуга молодежи российской провинции: социологический анализ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2010. № 1 (13). С. 99–109.
5. Вагапова А. Р. Предпочитаемые формы досуга студенческой молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2017. Т. 6. Вып. 2 (22). С. 164–167.
6. Гончарова Н. Г. Трансформация досуговой деятельности современной российской студенческой молодежи: дис. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2009. 165 с.
7. Ионова О. В. Ценности досуговой сферы студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 2 (38). С. 153–159.
8. Каплан М. Основные модели досуга. М., 2008. 198 с.
9. Коленькова М. А., Чаевич А. В. Досуговая инфраструктура столичного региона: типология и социализирующее влияние на студенческую молодежь // Сервис в России и за рубежом. 2016. Т. 10. Вып. 9 (70). С. 28–40.

10. Котельникова Н. В. Инновационные тенденции в сфере молодежного досуга в современной России: дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2003. 163 с.
11. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М., 2006. 18 с.
12. Либерова М. С. Изменение форм досуга молодежи российской провинции: социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. М., 2009. 231 с.
13. Лузянина М. С. Роль представлений об отдыхе в саморегуляции функциональных состояний: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2015. 37 с.
14. Суровицкая А. В. Досуг провинциальной молодежи как аспект муниципальной молодежной политики // Власть. 2010. № 1. С. 70–73.
15. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002. 490 с.
16. Чистилин А. Н. Личностная обусловленность содержания свободного времени: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2004. 22 с.
17. Шевелева Е. Н. Процессы неологизации в лексической подсистеме тематической сферы «досуг» в современном русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. Вып. 51. № 8 (223). С. 153–157.
18. Crandall R., Nolan M., Morgan L. Leisure and social interaction // Social psychological perspectives on leisure and recreation / ed. S. Iso-Ahola. Springfield: C. C. Thomas, 1980. P. 261–284.
19. Freedman J. L. Happy People. New York, 1978. 260 p.
20. Havighurst R. J. Successful aging // The Gerontologist. 1961. № 1 (1). P. 8–13.
21. Rapaport R., Rapaport R. N. Leisure and the Family Life Cycle. London: Routledge: Kegan Paul, 1975. 396 p.
22. Rubenstein C. Vacations: Expectations, Satisfaction, Frustrations, Fantasies // Psychology Today. 1980. № 14. P. 62–66.
23. Stebbins R. A. Amateurs: On the Margin Between Work and Leisure. Beverly Hills, CA, 1979. 280 p.

REFERENCES

1. Asorbina T. V. *Vliyanie dosuga na formirovanie strategii zhizni rossiiskoi molodezhi: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [The influence of leisure activities on the formation of life strategies of Russian youth: abstract of PhD thesis in Philosophical sciences]. Rostov-on-don, 2015. 39 p.
2. Batnasunov A. S. *Dosug kak sfera zhiznedeyatel'nosti sovremennoi rossiiskoi molodezhi: dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Leisure as a sphere of activity of modern Russian youth: PhD thesis in Sociological sciences]. Stavropol, 2004. 159 p.
3. Biryukova A. V. *Rekreatsiya podrostkov v strukture pokazatelei kachestva zhizni: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Recreation of teens in the structure of life quality indicators: abstract of PhD thesis in Sociological sciences]. St. Petersburg, 2009. 22 p.
4. Bukin V. P., Ataeva T. A. [The structure of leisure of young people in the Russian province: sociological analysis]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki* [Proceedings of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences], 2010, no. 1 (13), pp. 99–109.
5. Vagapova A. R. [Preferred forms of students' leisure]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [Proceedings of Saratov University. New series. Series: Acmeology of education. Developmental psychology], 2017, vol. 6. no. 2 (22), pp. 164–167.
6. Goncharova N. G. *Transformatsiya dosugovoi deyatel'nosti sovremennoi rossiiskoi studentcheskoi molodezhi: dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Transformation of leisure activities of modern Russian student youth: PhD thesis in Sociological sciences]. Novocherkassk, 2009. 165 p.
7. Ionova O. V. [Values of leisure areas of students]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki* [Proceedings of higher educational institutions. Povolzhsky region. Social Sciences], 2016, no. 2 (38), pp. 153–159.
8. Kaplan M. *Osnovnye modeli dosuga* [Basic models of leisure]. Moscow, 2008. 198 p.
9. Kolen'kova M. A., Chaevich A. V. [Leisure facilities in the capital region: typology and socializing influence on students]. In: *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and abroad], 2016, vol. 10, no. 9 (70), pp. 28–40.

10. Kotelnikova N. V. *Innovatsionnye tendentsii v sfere molodezhnogo dosuga v sovremennoi Rossii: dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Innovative trends in the field of youth leisure in modern Russia: PhD thesis in Sociological sciences]. Krasnodar, 2003. 163 p.
11. Leont'ev D. A. *Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZHO)* [Test of life-meaningful orientations (WCS)]. Moscow, 2006. 18 p.
12. Liberova M. S. *Izmenenie form dosuga molodezhi Rossiiskoi provintsii: sotsiologicheskii analiz: dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Changing forms of leisure of youth of the Russian province: sociological analysis: PhD thesis in Sociological sciences]. Moscow, 2009. 231 p.
13. Luzyanina M. S. *Roľ predstavlenii ob otdyke v samoregulyatsii funktsional'nykh sostoyanii: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk* [The role of representations about the self-regulation of functional states: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2015. 37 p.
14. Surovitskaya A. V. [The leisure of provincial youth as an aspect of municipal youth policy]. In: *Vlast'* [Power], 2010, no. 1, pp. 70–73.
15. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i mal'kh grupp* [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups]. Moscow, 2002. 490 p.
16. Chistilin A. N. *Lichnostnaya obuslovlennost' soderzhaniya svobodnogo vremeni: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk* [Personal conditionality of the content of free time: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Krasnodar, 2004. 22 p.
17. Sheveleva E. N. [The processes of neologization in the lexical subsystem of thematic fields of "leisure" in modern Russian language]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. The history of art], 2011, vol. 51, no. 8 (223), pp. 153–157.
18. Crandall R., Nolan M., Morgan L. Leisure and social interaction. In: Iso-Ahola S., ed. *Social psychological perspectives on leisure and recreation*. Springfield, C. C. Thomas, 1980, pp. 261–284.
19. Freedman J. L. *Happy People*. New York, 1978. 260 p.
20. Havighurst R. J. Successful aging. In: *The Gerontologist*, 1961, no. 1 (1), pp. 8–13.
21. Rapaport R., Rapaport R. N. *Leisure and the Family Life Cycle*. London, Routledge, Kegan Paul, 1975. 396 p.
22. Rubenstein C. Vacations: Expectations, Satisfaction, Frustrations, Fantasies. In: *Psychology Today*, 1980, no. 14, pp. 62–66.
23. Stebbins R. A. *Amateurs: On the Margin Between Work and Leisure*. Beverly Hills, CA, 1979. 280 p.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-36-01024a2 «Личностные и социально-экономические факторы досуговой активности городских жителей».

ACKNOWLEDGMENTS

The work is carried out with the financial support of the RFBR in the framework of the research project No. 17-36-01024a2 "Personal and socio-economic factors of leisure activity of urban residents"

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воробьева Анастасия Евгеньевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: aeVorobieva@yandex.ru

Акбарова Анастасия Азаматовна – соискатель лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН;
e-mail: anastasia.akbarova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anastasia E. Vorobieva – PhD in Psychology, senior researcher, the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
e-mail: aeVorobieva@yandex.ru

Anastasia A. Akbarova – PhD student of the Laboratory of Social and Economic Psychology, the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
e-mail: anastasia.akbarova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Воробьева А. Е., Акбарова А. А. Личностные факторы досуговой активности молодежи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 1. С. 55–64.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-55-64

FOR CITATION

Vorobieva A. E., Akbarova A. A. Personal leisure activity factors of youth. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 1, pp. 55–64.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-55-64

УДК 316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-65-75

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПЕРЕГОВОРНОЙ СИТУАЦИИ И ПУТИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Гасимов А. Ф., Володарская И. А.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Целью работы является изучение роли комплекса индивидуальных характеристик личности переговорщика в прогнозировании хода предстоящих переговоров как разновидности общения в ситуации неопределённости.

Процедура и методы исследования. Проведено эмпирическое исследование с помощью следующих методов: теста эмоционального интеллекта Мэйера-Сэловея-Карузо, опросника «Культурный интеллект», Диагностического теста отношения, Методики оценивания переговорного стиля, опросника «Толерантность-интолерантность к неопределённости», опросника «I7».

Результаты проведённого исследования. Показано, что учёт индивидуальных характеристик личности участника переговоров может способствовать снижению неопределённости предстоящих переговоров путём прогнозирования их хода.

Теоретическая и/или практическая значимость. Описана специфика переговоров; выделены комплексы индивидуальных характеристик личности участника переговоров, влияющих на прогнозирование хода переговорного процесса и снижающих его вероятностную неопределённость.

Ключевые слова: переговоры, прогнозирование, индивидуальные характеристики личности, неопределённость

UNCERTAINTY OF THE NEGOTIATION SITUATION AND WAYS TO OVERCOME IT

A. Gasimov, I. Volodarskaya

*Lomonosov Moscow State University
11-9, Mokhovaya ul., Moscow 125009, Russian Federation*

Abstract.

The purpose of this work is to study the role of a set of individual characteristics of the negotiator's personality in predicting the course of upcoming negotiations as a type of communication in the situation of uncertainty.

Methodology and Approach. An empirical study was conducted using the following methods: the Mayer-Salovey-Caruso emotional intelligence test, the "Cultural intelligence" questionnaire, the relations diagnostic test, the Methods of the negotiation style evaluation, the questionnaire "Tolerance-intolerance to uncertainty", the "I7" questionnaire.

Results. It is shown that taking into account the individual characteristics of the negotiations participants can help to reduce the uncertainty of the forthcoming negotiations by predicting their course.

Theoretical and Practical Implications. The specifics of negotiations are described; the complexes of individual characteristics of the negotiators' personality that affect the forecasting of the negotiation process and reduce its probabilistic uncertainty are identified.

Keywords: negotiations, predicting, individual personality characteristics, uncertainty

Введение

Современная социокультурная ситуация развития человечества характеризуется столкновением двух парадигм: конфликтов, деструкции и распада, с одной стороны; согласия, толерантности и консолидации – с другой. Одним из вызовов современности выступает «накопление согласия, рост доверия, баланс интересов противоборствующих сторон, поддержка процессов социальной консолидации и групповой сплоченности» [9, с. 12]. Конфликт, понимаемый как базовая модель развития цивилизации, постепенно заменяется установкой на конструирование социальной толерантности и культуры переговоров, нацеленной на достижение компромиссного решения между непохожими друг на друга людьми и группами. В этих условиях особое значение приобретает выявление особенностей восприятия субъектом происходящих изменений и оснований для выработки личностью стратегии успешного поведения в ситуации новизны социального контекста [1; 16].

Существуют разнообразные трактовки содержания понятия «переговоры»: «универсальное и древнее средство общения, которое способствует нахождению согласия там, где интересы не сходятся, а взгляды либо мнения расходятся» [2, с. 11]; «обсуждение для заключения соглашения между кем-либо по какому-либо вопросу; обмен сведениями, мнениями» [12, с. 8]; «совместная практическая деятельность двух или более участников в условиях одновременного совпадения и расхождения интересов сторон, опосредованная общением и направленная на решение той или иной проблемы» [13, с. 31]; «процесс сближения позиций противоположных сторон через обмен важными и значимыми для каждой из сторон аспектами» [27, с. 17]. В указанных определениях основной акцент сделан на том, что переговоры являются орудием разрешения конфликтов и споров в целях заключения договорённостей и оформ-

ления взаимных обязательств, однако существует взгляд на переговоры как на средство достижения собственных (одного из переговорщиков) целей за счёт «принуждения людей к использованию вашей воли; убеждения людей думать так, как вы этого хотите; убеждения людей воспринимать то, что вы хотите, чтобы они воспринимали; убеждения людей чувствовать то, что вы хотите, чтобы они чувствовали» [7, с. 9].

Различные точки зрения на определение понятия «переговоры» показывают, что этот феномен весьма многозначен и многофункционален – в его содержание включаются такие характеристики, как наличие противоречия или конфликта и стремление сторон к его разрешению, совпадение или несовпадение интересов и желаний участников снять это противоречие или достичь компромисса.

Переговоры, являясь неоднородным процессом, включают в себя следующие основные стадии:

1. Подготовка к переговорам. Существенными компонентами подготовительного этапа являются не только формулирование собственных позиций и предложений, выбор тактики и стратегии, но и уточнение информации о другой стороне, её позициях, целях и интересах, изучение доступной информации о личностных характеристиках партнёра, прогнозирование и анализ возможных вариантов решений, которые могут быть приняты в ходе переговоров.

2. Ведение (ход) переговоров, включающее уточнение позиций сторон и обмен мнениями по обсуждаемой проблеме.

3. Определение возможного решения и заключение договорённостей, если таковые были достигнуты в ходе переговоров.

4. Анализ результатов хода переговоров и выполнение достигнутых договорённостей.

Особенностями каждого из этапов выступают различия в характере деятельности, решаемых задачах и типах взаимодействия участников. При этом

переговоры являются единым процессом, в котором ни один из этапов не может рассматриваться независимо от других [13; 12; 33].

Несмотря на значимость подготовительного этапа для достижения успеха в переговорах, недостаточно разработанными остаются психологические аспекты одного из содержательных элементов этапа подготовки к переговорам – этапа прогнозирования хода предстоящих переговоров. Переговоры на этом этапе характеризуются как неопределённостью самой ситуации, так и дефицитом информации о партнере и роли индивидуальных характеристик личности переговорщиков в процессе прогнозирования.

В психологических исследованиях неопределённость изучалась в различных направлениях.

В рамках концепции биологической активности неопределённость понималась как степень свободы в движениях человека: между мышечным напряжением и результирующим движением отсутствует однозначная зависимость [6].

В связи с неполнотой знаний о реальности, непредсказуемостью ситуации для субъекта и проблемой персонализации личности – ситуации, в которой происходит смена социальных позиций, ведущая за собой перестройку мотивационно-смысловой сферы с учётом изменения социальных факторов: социально-экономической обстановки, нестабильности и неясности перспектив развития и т. д. [3].

Как основа процессов самоопределения и прогнозирования возможного [21].

Как ситуация потери или кризиса идентичности [18].

Ситуация неопределённости исследуется в психологии в связи с различными характеристиками и аспектами поведения личности в подобных ситуациях – неопределённость связана с неполнотой знаний, мотивами, стратегиями и тактиками выполнения деятельности, осуществлением личностного выбора принятия решения, эмоциональностью личности и уровнем

её толерантности к неопределённости, установками личности и её ценностями.

Отмеченные психологические характеристики феномена «неопределённость» находят своё отражение в переговорном процессе как разновидности общения, характеризующегося неопределённостью. Мы полагаем, что неопределённость ситуации переговоров обусловлена следующими факторами:

- совпадением или расхождением интересов сторон: «при полном совпадении интересов, а также согласии относительно путей достижения целей, стороны переходят к совместным действиям, к кооперации. При полном противоречии интересов наблюдается конкуренция. Именно совпадение интересов делает переговоры возможными, а их расхождение побуждает стороны к проведению переговоров» [13, с. 32];

- взаимозависимостью интересов и деятельности участников переговоров;

- равноправием участников на ведение переговоров и принятие решений, но не равенством их позиций;

- вариативностью путей достижения целей переговоров;

- недостатком или неполнотой информации относительно целей, интересов, позиций и личностных характеристик друг друга;

- неоднородностью переговорного процесса, обусловленного наличием стадий, отличающихся по задачам, решаемым участниками переговоров;

- постоянным изменением переговорной ситуации в зависимости от действий партнёров и целенаправленным влиянием переговорщиков на ситуацию в целях её изменения в нужном им направлении;

- неизвестностью имеющихся у партнёра альтернатив обсуждаемому решению, необходимостью либо выбора только одного варианта действия в условиях недостатка информации о последствиях выбора каждого из вариантов, либо самостоятельной разработки альтернатив и выдвижения гипотез о последствиях их применения;

– уверенностью субъекта в своём интеллектуально-личностном потенциале и готовностью полагаться на него;

– толерантностью к неопределённости как стремлением к новизне и её принятием, что может выступать фактором успеха в переговорах [12; 13].

Таким образом, переговоры можно рассматривать как пример решения задачи в условиях неопределённости, характеризующейся, в частности, недостатком информации о партнёре и ситуации в целом. Успех переговоров во многом зависит от прогнозирования их хода, на которое оказывает влияние вероятностная неопределённость переговорной ситуации [12; 13; 33].

Анализ исследований по проблеме прогнозирования показал, что понятие «прогнозирование» часто используется в одном ряду с понятием «предвосхищение». Понятие «предвосхищение» (от лат. слова *anticipatio* «антиципация» – ‘видеть вперёд’) было введено в психологическую науку В. Вундтом, который трактовал его как способность человека представить возможный результат своей деятельности до её осуществления [26]. Предвосхищение как более широкое явление может иметь различные трактовки: «антиципация» (В. Вундт), «установка» (Д. Н. Узнадзе), «модель потребного будущего» (Н. А. Бернштейн), «оперативная преднастройка» (О. К. Тихомиров), «акцептор результатов действия, опережающее отражение» (П. К. Анохин), «прогнозирование вероятности» (А. Г. Асмолов), «экстраполяция» (Ф. Бартлетт), «предчувствие» (Л. А. Рёгуш), «прогнозирование» (А. В. Брушлинский), «вероятностное прогнозирование» (И. М. Фейгенберг, В. А. Иванников) [4; 19; 31]. Все перечисленные трактовки понятия «предвосхищение» объединяет то, что «построение образа будущего опирается на вероятность повторения прошлого опыта и логику развития предшествующих событий» [5, с. 15].

По мнению Б. Ф. Ломова и Е. Н. Суркова, предвосхищение как психологиче-

ский феномен заключается в способности действовать и принимать те или иные решения с определённым временно-пространственным упреждением в отношении ожидаемых будущих событий [15]. При этом существенной характеристикой предвосхищения следует считать полноту и точность предсказания. Подобная трактовка перекликается с представлениями Й. Лингарта о процессе предвосхищения, понимаемом как временное опережение результата деятельности и мыслительный план деятельности [14].

Анализ трактовок понятий «прогнозирование» и «предвосхищение» показал, что, несмотря на их направленность на конструирование целостного образа будущего, включающего когнитивные и аффективные составляющие, принципиальные различия заключаются в полноте и точности выявляемой информации и степени вероятности наступления событий. Предвосхищение, понимаемое как временное опережение деятельности, предполагает изначальную обязательность, полноту и точность реализации предвиденного, тогда как прогнозирование носит более вероятностный характер, допускающий несовпадение спрогнозированного и реального будущего. Мы полагаем, что переговорный процесс как ситуация неопределённости в большей степени связан не с предвосхищением, а с прогнозированием хода и результата переговоров – в том числе и потому, что прогнозирование характеризуется целенаправленным построением перспективы развития изучаемого явления [8].

Прогнозирование хода переговоров предполагает самостоятельное выделение каждым участником системы ориентиров – объективных условий, учёт которых необходим для оптимального хода переговорного процесса, – включающих следующую информацию: проблемы, цели, задачи, интересы не только собственные, но и противоположной стороны; позицию и возможные варианты решения проблемы; опыт участия

в переговорах как особом типе коммуникативной ситуации; предпочитаемые стили ведения переговоров; знания норм, правил и обычаев переговорного процесса; индивидуальные характеристики личности переговорщиков; понимание смысла вербального и невербального поведения; характер отношений партнёров (уважение, зависимость, пренебрежение и др.); особенности восприятия и оценки действий друг друга; способы влияния на ситуацию и др.

Указанная система условий в совокупности выступает содержанием предварительной ориентировки в предстоящих действиях по ведению переговоров. В процессе общения и взаимодействия участников может происходить корректировка ориентировки путём добавления недостающей или изъятия избыточной информации.

Поскольку переговоры являются формой субъект-субъектного взаимодействия, прогнозирование должно осуществляться как по отношению к тому, кто ведёт переговоры, так и по отношению к тому, с кем они ведутся. При этом прогнозирование может быть направлено на решение собственных проблем переговорщика или на взаимодействие с партнёром.

Подготовка к ведению переговоров предполагает создание в ситуации неопределённости переговорного процесса «ориентирующего образа» переговоров, содержание которого во многом будет способствовать прогнозированию хода и результата переговоров, предвидению поведения партнёра, созданию общей картины переговорного процесса, выработке основных положений совместного решения проблемы – иными словами, прогнозирование способствует преднастройке переговорщиков, их «преадаптации» [5] к предстоящим переговорам.

Решение проблемы прогнозирования хода переговоров каждым из участников во многом связано с учётом индивидуальных характеристик личности

переговорщика. Д. Дракман, исследуя переговоры как ситуацию неопределённости, подчёркивает, что при недостатке информации о таких процессуальных характеристиках переговоров, как продолжительность, цели, задачи, интересы другой стороны и т. п., на протекание переговорного процесса будет оказывать влияние проявление индивидуальных особенностей самих переговорщиков [28; 29]. Однако следует отметить, что в исследованиях Д. Дракмана не указывается, какие именно личностные особенности обуславливают снижение неопределённости переговоров.

Выделяют различные качества личности, способствующие успеху на переговорах: правдивость, точность, решительность, целеустремлённость, готовность к принятию решения, спокойствие, аккуратность, лояльность, скромность, добросовестность, недопустимость лжи и угроз во время переговоров [13; 17]. С другой стороны, прогнозирование отрицательного результата переговоров связывается с такими индивидуальными особенностями личности, как пессимизм, тревожность, застенчивость, мотивация избегания неудач [25].

Несмотря на наличие работ, посвящённых исследованию роли различных индивидуальных особенностей при прогнозировании как созданию желаемого образа мира [25], недостаточным, по нашему мнению, является анализ проблемы личностной обусловленности прогнозирования хода предстоящих переговоров как разновидности общения в ситуации неопределённости.

Не отрицая влияния различных качеств личности на переговорный процесс, мы полагаем, что именно неопределённость переговорного процесса обуславливает комплекс индивидуальных характеристик личности переговорщика, которые необходимо учитывать при прогнозировании хода предстоящих переговоров. В данном исследовании в качестве таких характеристик рассматриваются

уровень эмоционального и культурного интеллектов, толерантность к неопределённости и импульсивность. При этом по отношению к тому, кто ведёт переговоры, следует прежде всего учитывать присущий субъекту стиль ведения переговоров, уровень его эмоционального и культурного интеллектов, толерантность к неопределённости и импульсивность. По отношению к тому, с кем ведутся переговоры, необходимо учитывать эмоциональное состояние, гендерную и этническую принадлежность. Учёт указанных характеристик позволит снизить уровень субъективной неопределённости переговорной ситуации.

Было проведено исследование роли таких индивидуальных характеристик личности участника переговоров, как стиль ведения переговоров, эмоциональный и культурный интеллект, толерантность к неопределённости и импульсивность, в прогнозировании хода предстоящих переговоров как разновидности общения в ситуации неопределённости. Особое внимание было уделено оценке стиля ведения предстоящих переговоров как проявления комплекса индивидуальных характеристик личности. В качестве стилей были рассмотрены интегративный и дистрибутивный стили ведения переговоров [23].

Выборка

Всего в исследовании приняли участие 763 респондента: 358 мужчин (47 %) и 405 женщин (53 %) в возрасте от 18 до 50 лет (средний возраст – 27 лет). 155 (20,5 %) респондентов имеют полное среднее образование, 325 (42,5 %) человек – неоконченное высшее, полное высшее образование есть у 283 (37 %) участников исследования.

Методы исследования

Для определения уровня эмоционального интеллекта был использован тест эмоционального интеллекта Мэйера-Сэловея-Карузо (MSCEIT) [20], для

определения уровня культурного интеллекта и эмоционально-оценочного компонента этнических стереотипов – опросник «Культурный интеллект» [24] и Диагностический текст отношения (ДТИ) [22], для выделения индивидуального переговорного стиля – Методика оценивания переговорного стиля (МОПС) [29], для оценки толерантности к неопределённости – опросник «Толерантность-интолерантность к неопределённости» [10], для оценки импульсивности – опросник «I7» [11].

Кроме того, был отобран специальный стимульный материал, содержащий фотографии-стимулы с изображениями лиц (до плечевого пояса анфас) натурщиков, характеризующихся различными гендерной (мужчина или женщина) и этнической (представитель Азии или представитель Европы) принадлежностью, а также демонстрируемой эмоционально-лицевой экспрессией: радостью, печалью, гневом или удивлением. Все фотографии-стимулы отобраны из баз фотоизображений *Radboud Faces Database – RaFD* [32] и *Chinese Facial Affective Picture System – CFAPS* [30].

Ситуация неопределённости предстоящих переговоров моделировалась в том числе за счёт изначального отсутствия у респондентов информации о принадлежности изображённого на фотографии персонажа к какой-либо нации – это, по нашему мнению, способствовало самостоятельному отнесению респондентами изображённых лиц к широкой категории «представители Европы» или «представители Азии».

Респонденту давалась следующая инструкция: «Представьте, что Вы работаете в международной компании с филиалами во всех странах Евразийского континента. Вам предстоит длительная командировка с посещением крупных представительств компании. Готовясь к встречам с сотрудниками этих подразделений, Вы просматриваете их фотографии и оцениваете, какими могут быть характер

Вашего общения и взаимодействия с ними». Далее в случайном порядке демонстрируются фотографии-стимулы. В задачу респондента входило оценивание посредством заполнения модифицированного опросника семантического дифференциала выраженности той или иной характеристики в контексте возможных переговоров с человеком, изображённым на фотографии.

Результаты и их обсуждение

Оценки свойств возможного переговорного взаимодействия, полученные для каждого фотоизображения, были усреднены для обобщения влияния эмоциональной валентности, гендерной и этнической принадлежности партнёра по общению на прогнозирование хода переговоров по следующим категориям: все представители Европы; все представители Азии; представители Европы – мужчины; представители Европы – женщины; представители Азии – мужчины; представители Азии – женщины; представители Европы – позитивные эмоции; представители Европы – негативные эмоции; представители Азии – позитивные эмоции; представители Азии – негативные эмоции.

На первом этапе анализа путём расчёта коэффициента корреляции Пирсона изучались связи оценок субъектом перспективы переговорного взаимодействия с представителями различных культур с уровнем его эмоционального и культурного интеллектов, толерантностью к неопределённости, импульсивностью и предпочитаемым переговорным стилем.

Были выявлены положительные корреляционные связи между выраженностью интегративного стиля и оценками предстоящих переговоров как интегративных, с одной стороны, и отрицательные связи между выраженностью присутствующего субъекту дистрибутивного стиля и оценками предстоящих переговоров скорее как дистрибутивных, с другой. Это свидетельствует о соответствии прису-

щего переговорного стиля прогнозу хода предстоящих переговоров: если субъект придерживается дистрибутивного или интегративного стилей ведения переговоров, то и предстоящие переговоры он скорее оценит как дистрибутивные или интегративные соответственно.

Высокий уровень эмоционального интеллекта субъекта соответствует прогнозу интегративных переговоров с женщинами, в то время как при переговорах с мужчинами высокий эмоциональный интеллект соответствует выбору дистрибутивного стиля. Высокий уровень культурного интеллекта и позитивная валентность этнических стереотипов соответствуют интегративным устремлениям на переговорах. Следует отметить, что выявленные связи характерны для оценки перспектив переговорного взаимодействия как с представителями Европы, так и с представителями Азии.

Низкая интолерантность к неопределённости при общении с представителями Европы связана с дистрибутивными переговорными решениями, а высокая толерантность к неопределённости при столкновении с другой культурой связана с интегративными решениями.

На втором этапе анализа для выявления вклада каждой из индивидуальных характеристик личности в прогнозирование хода предстоящих переговоров проведён пошаговый регрессионный анализ. Получены данные о том, что предпочитаемый стиль ведения переговоров вносит различный вклад в оценку субъектом перспективы переговорного взаимодействия с представителями как Европы, так и Азии независимо от их гендерной принадлежности: выраженный интегративный стиль, ориентированный на ситуацию, влияет на прогнозирование хода будущих переговоров как интегративных ($t = 6,938$, $p = 0,000$); чем ниже присущий интегративный стиль, ориентированный на ситуацию, тем более дистрибутивными могут быть будущие переговоры ($t = 4,733$, $p = 0,000$). В то же время выра-

женный дистрибутивный стиль субъекта отрицательно связан с прогнозированием предстоящих переговоров как интегративных только с европейцами-мужчинами ($t = 3,354$, $p = 0,001$). Аналогичная ситуация наблюдается и с дистрибутивным стилем, но только по отношению к европейцам-мужчинам: чем он выше, тем менее выражен интегративный стиль прогнозируемых переговоров, однако чем менее выражен присущий субъекту дистрибутивный стиль – тем более выражен интегративный стиль предстоящих переговоров.

Анализ роли уровня эмоционального интеллекта при прогнозировании хода предстоящих переговоров в ситуации мультикультурного взаимодействия показал, что высокий уровень эмоционального интеллекта связан с прогнозированием предстоящих переговоров чаще как интегративных, а низкий – как дистрибутивных соответственно ($t = 2,262$, $p = 0,024$; $t = 3,671$, $p = 0,000$; $t = 2,833$, $p = 0,005$; $t = 7,537$, $p = 0,000$; $t = 2,689$, $p = 0,007$).

Установлен значимый вклад культурного интеллекта в выбор переговорного стиля при взаимодействии с представителями Азии: субъект с высоким уровнем культурного интеллекта скорее предвосхищает интегративный стиль ведения будущих переговоров, что может быть связано со стремлением к дружелюбию и открытости при взаимодействии с партнёром, о котором имеется малое количество информации ($t = 2,921$, $p = 0,004$; $t = 3,930$, $p = 0,000$; $t = 3,219$, $p = 0,001$).

Установлено обратное влияние импульсивности на прогнозирование переговорного стиля: чем выше импульсивность личности, тем более дис-

трибутивными представляются предстоящие переговоры ($t = -3,043$, $p = 0,002$; $t = -2,476$, $p = 0,014$). С другой стороны, выявлено положительное влияние эмпатии на интегративный стиль при переговорах с мужчинами ($t = 2,166$, $p = 0,031$).

Выводы

Учёт индивидуальных характеристик личности участника переговоров может позволить снизить неопределённость предстоящих переговоров путём прогнозирования их хода: прогнозирование хода предстоящих переговоров как разновидности общения в ситуации неопределённости осуществляется субъектом на основании учёта как собственных интеллектуально-личностных характеристик (присущий стиль ведения переговоров, уровень эмоционального и культурного интеллектов, толерантность к неопределённости и импульсивность), так и индивидуальных особенностей возможного партнёра (гендерная и этническая принадлежность и эмоциональная экспрессия).

В свою очередь, высокий уровень эмоционального и культурного интеллектов, толерантности к неопределённости, позитивная валентность этнических стереотипов по отношению к представителям другой культуры и низкая импульсивность субъекта определяют прогнозирование предстоящих переговоров как интегративных; низкий уровень эмоционального и культурного интеллектов, толерантности к неопределённости, негативная валентность этнических стереотипов по отношению к представителям другой культуры и высокая импульсивность – как дистрибутивных.

Статья поступила в редакцию 09.12.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г. М. В поисках новой парадигмы: традиции и старты XXI века // Социальная психология в современном мире / под ред. Г. М. Андреевой, А. И. Донцова. М., 2002. С. 9–26.
2. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология. М., 2004. 591 с.
3. Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М., 2002. 480 с.

4. Асмолов А. Г. Установочные эффекты как предвидение будущего: историко-эволюционный анализ // Российский журнал когнитивной науки. 2017. Т. 4. № 1. С. 26–32.
5. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 3–26.
6. Бернштейн Н. А. Физиология движений и активность / под ред. О. Г. Газенко; подг. изд. И. М. Фейгенберг. М., 1990. 495 с.
7. Даймонд С. Переговоры, которые работают: учебник / пер. с англ. В. Хозинского. М., 2011. 688 с.
8. Забегалина С. В., Чигарькова А. В. Вероятностное прогнозирование как вид прогностической деятельности: подход и стратегии // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1 (68). С. 87–91.
9. Инновационные образовательные программы по психологии / под ред. Ю. П. Зинченко, И. А. Володарской. М., 2007. 180 с.
10. Корнилова Т. В. Новый опросник толерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 1. С. 74–86.
11. Корнилова Т. В. Опросник i7 – Импульсивность, 7-я версия Г. Айзенк, С. Айзенк // Психология общения: энциклопедический словарь / под ред. А. А. Бодалева. М., 2011. С. 520.
12. Лебедева М. М. Публичная дипломатия: Теория и практика: научное издание. М., 2017. 272 с.
13. Лебедева М. М. Технология ведения переговоров: учеб. пособие для студентов вузов. М., 2010. 192 с.
14. Лингарт Й. Процесс и структура человеческого учения. М., 1970. 685 с.
15. Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 6. С. 162–165.
16. Мокшанцев Р. И. Психология переговоров: учеб. пособие. М., Новосибирск, 2002. 352 с.
17. Никольсон Г. Дипломатическое искусство: научное издание. М., 1962. 121 с.
18. Овчинникова Ю. Г. Кризис личностной идентичности как ситуация неопределенности // Человек в ситуации неопределенности / гл. ред. А. К. Болотова. М., 2007. С. 69–89.
19. Сергиенко Е. А. Антиципация в раннем онтогенезе человека. М., 1992. 138 с.
20. Сергиенко Е. А., Ветрова И. И. Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея, Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v. 2.0): руководство. М., 2010. 176 с.
21. Смирнов С. Д., Чумакова М. А., Корнилова Т. В. Образ мира в динамическом контроле неопределенности // Вопросы психологии. 2016. № 4. С. 3–13.
22. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. 386 с.
23. Солдатова Г. У., Гасимов А. Ф. Разработка и апробация методики оценки переговорного стиля (МОПС) // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 3. С. 92–104.
24. Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Рассказова Е. И. Апробация русскоязычной версии расширенной шкалы культурного интеллекта // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15. № 3. С. 510–526.
25. Сычев О. А. Личностная обусловленность прогнозирования: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Бийск, 2009. 22 с.
26. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 4-е изд. М., 1981. 445 с.
27. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, или переговоры без поражения / пер. с англ. А. Гореловой; предисл. В. А. Кременюка. М., 1992. 158 с.
28. Drucman D. Determinants of compromising behavior in negotiation // Journal of Conflict Resolution. 1994. Vol. 38. № 3. P. 507–556.
29. Drucman D. From Research to Application: Utilizing research findings in negotiation training programs in International negotiation // International Negotiation. 1998. Vol. 3. № 1. P. 7–38.
30. Gong X., Huang Y. X., Wang Y., Luo Y. J. Revision of the Chinese facial affective picture system // Chinese Mental Health Journal. 2011. № 25. P. 40–46.
31. Anticipation: Learning from the Past / ed. M. Nadi. New York: Springer, 2015. 346 p.
32. Presentation and validation of the Radboud Faces Database / O. Langner, R. Dotsch, G. Bijlstra, D. H. J. Wigboldus, S. T. Hawk, A. van Knippenberg // Cognition & Emotion. 2010. № 24 (8). P. 1377–1388.
33. Zartman I. W., Berman R. M. The Practical Negotiator. Yale, 1982. 284 p.

REFERENCES

1. Andreeva G. M. [In search of a new paradigm: tradition and starts of the XXI century]. In: Andreeva G. M., Dontsov A. I., eds. *Sotsial'naya psikhologiya v sovremennom mire* [Social psychology in the modern world]. Moscow, 2002, pp. 9–26.
2. Antsupov A. Ya., Shipilov A. I. *Konfliktologiya* [Conflict]. Moscow, 2004. 591 p.
3. Asmolov A. G. *Po tu storonu soznaniya: metodologicheskie problemy neklassicheskoi psikhologii* [On the other side of consciousness: methodological problems of nonclassical psychology]. Moscow, 2002. 480 p.
4. Asmolov A. G. [Installation effects such as the prediction of the future: historical and evolutionary analysis]. In: *Rossiiskii zhurnal kognitivnoi nauki* [The Russian journal of cognitive science], 2017, vol. 4, no. 1, pp. 26–32.
5. Asmolov A. G., Shekhter E. D., Chernorizov A. M. [Pre-adaptation to uncertainty as a strategy of developing navigation systems: routes of evolution]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2017, no. 4, pp. 3–26.
6. Bernshtein H. A. *Fiziologiya dvizhenii i aktivnost'* [Physiology of movements and activity]. Moscow, 1990. 495 p.
7. Daimond S. *The talks that work* (Russ. ed.: Khozinskogo V., transl. *Peregovory, kotorye rabotayut*. Moscow, 2011. 688 p.).
8. Zabegalina S. V., Chigar'kova A. V. [Probabilistic forecasting as predictive activities: approach and strategies]. In: *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psychopedagogy in law enforcement bodies], 2017, no. 1 (68), pp. 87–91.
9. Zinchenko Yu. P., Volodarskaya I. A., eds. *Innovatsionnye obrazovatel'nye programmy po psikhologii* [The innovative educational program on psychology]. Moscow, 2007. 180 p.
10. Kornilova T. V. [A new questionnaire of tolerance for uncertainty]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2010, vol. 31, no. 1, pp. 74–86.
11. Kornilova T. V. [The questionnaire 17 – Impulsiveness, 7th version, Eysenck, Eysenck C.]. In: Bodalev A. A., ed. *Psikhologiya obshcheniya* [Psychology of communication]. Moscow, 2011, pp. 520.
12. Lebedeva M. M. *Publichnaya diplomatiya: Teoriya i praktika* [Public diplomacy: Theory and practice]. Moscow, 2017. 272 p.
13. Lebedeva M. M. *Tekhnologiya vedeniya peregovorov* [Technology of negotiation]. Moscow, 2010. 192 p.
14. Lingart I. *Protssess i struktura chelovecheskogo ucheniya* [The process and structure of human teaching]. Moscow, 1970. 685 p.
15. Lomov B. F., Surkov E. N. [Anticipation in the structure of activities]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 1980, vol. 1, no. 6, pp. 162–165.
16. Mokshantsev R. I. *Psikhologiya peregovorov* [Psychology of negotiations]. Moscow, Novosibirsk, 2002. 352 p.
17. Nikol'son G. *Diplomaticheskoe iskusstvo* [The art of diplomacy]. Moscow, 1962. 121 p.
18. Ovchinnikova Yu. G. [The crisis of personal identity as a situation of uncertainty]. In: Bolotova A. K., ed. *Chelovek v situatsii neopredelenosti* [People in the situation of uncertainty]. Moscow, 2007, pp. 69–89.
19. Sergienko E. A. *Antitsipatsiya v rannem ontogeneze cheloveka* [Anticipation in early ontogenesis of a person]. Moscow, 1992. 138 p.
20. Sergienko E. A., Vetrova I. I. *Test Dzh. Meiera, P. Seloveya, D. Karuzo «Emotsional'nyi intellekt» (MSCEIT v. 2.0)* [Test by J. Mayer, P. Salovey, D. Caruso “Emotional intelligence” (MSCEIT V. 2.0)]. Moscow, 2010. 176 p.
21. Smirnov S. D., Chumakova M. A., Kornilova T. V. [The image of the world in the dynamic control of uncertainty]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2016, no. 4, pp. 3–13.
22. Soldatova G. U. *Psikhologiya mezhetnicheskoi napryazhennosti* [Psychology of inter-ethnic tension]. Moscow, 1998. 386 p.
23. Soldatova G. U., Gasimov A. F. [Development and testing of methodology for assessing the negotiating style (MOPS)]. In: *Eksperimental'naya psikhologiya* [Experimental psychology], 2019, vol. 12, no. 3, pp. 92–104.
24. Soldatova G. U., Chigar'kova S. V., Rasskazova E. I. [Testing the Russian version of the expanded cultural intelligence scale]. In: *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher school of Economics], 2018, vol. 15, no. 3, pp. 510–526.

25. Sychev O. A. *Lichnostnaya obuslovlennost' prognozirovaniya: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Personal conditionality of prediction: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Biysk, 2009. 22 p.
26. Frolov I. T., ed. *Filosofskii slovar'* [Philosophical dictionary]. Moscow, 1981. 445 p.
27. Fisher R., Yuri U. *A way to the consent, or negotiations without defeat* (Russ. ed.: Gorelova A., Kremenyuk V. A., transl. *Put' k soglasiyu, ili peregovory bez porazheniya*. Moscow, 1992. 158 p.).
28. Drucman D. Determinants of compromising behavior in negotiation. In: *Journal of Conflict Resolution*, 1994, vol. 38, no. 3, pp. 507–556.
29. Drucman D. From Research to Application: Utilizing research findings in negotiation training programs in International negotiation. In: *International Negotiation*, 1998, vol. 3, no. 1, pp. 7–38.
30. Gong X., Huang Y. X., Wang Y., Luo Y. J. Revision of the Chinese facial affective picture system. In: *Chinese Mental Health Journal*, 2011, no. 25, pp. 40–46.
31. Nadi M., ed. *Anticipation: Learning from the Past*. New York, Springer, 2015. 346 p.
32. Langner O., Dotsch R., Bijlstra G., Wigboldus D. H. J., Hawk S. T., Knippenberg A. van. Presentation and validation of the Radboud Faces Database. In: *Cognition & Emotion*, 2010, no. 24 (8), pp. 1377–1388.
33. Zartman I. W., Berman R. M. *The Practical Negotiator*. Yale, 1982. 284 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гасимов Антон Фаритович – старший преподаватель кафедры психофизиологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;
e-mail: gasimov.anton@gmail.com

Володарская Инна Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии образования и педагогики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;
e-mail: umspsy@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anton F. Gasimov – Senior Lecturer at the Department of Psychophysiology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
e-mail: gasimov.anton@gmail.com

Inna A. Volodarskaya – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology of Education and Pedagogy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
e-mail: umspsy@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гасимов А. Ф., Володарская И. А. Неопределённость переговорной ситуации и пути её преодоления // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 1. С. 65–75.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-65-75

FOR CITATION

Gasimov A. F., Volodarskaya I. A. Uncertainty of the negotiation situation and ways to overcome it. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 1, pp. 65–75.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-65-75

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-76-91

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЯХ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ РЕБЕНКА С ДЕТСКИМ ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ

Гильяно А. С.*Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева
127550, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 49, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель. Цель данной работы заключается в исследовании межличностных отношений в семьях, воспитывающих ребёнка с ДЦП, для разработки рекомендаций по их психологическому сопровождению.

Процедура и методы исследования. В статье рассмотрены результаты эмпирического исследования по данной проблеме. Для получения результатов применены методы сбора информации, обобщения и интерпретации результатов. Проанализированы методики изучения межличностных и родительно-детских отношений, измерения семейных установок и удовлетворённости браком.

Результаты проведённого исследования. В ходе работы были выявлены следующие особенности межличностных отношений: доверительность общения в семьях между супругами, удовлетворённость браком, отношение к семейной роли, родительно-детские отношения, типы патологизирующего воспитания в семьях с детьми с ДЦП.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты работы вносят вклад в исследование межличностных отношений в семьях, воспитывающих ребёнка с детским церебральным параличом (ДЦП). Практическая значимость исследования заключается в выявлении особенностей супружеских и родительно-детских отношений и разработке методических рекомендаций по сопровождению семей, воспитывающих ребёнка с ДЦП. Статья адресована психологам, родителям, педагогам и специалистам социальных служб, работающих с семьями, воспитывающими ребёнка с ДЦП.

Ключевые слова: семья, воспитывающая ребёнка с ДЦП, межличностные отношения

FEATURES OF INTERPERSONAL RELATIONS IN FAMILIES UPDATING A CHILD WITH INFANTILE CEREBRAL PARALYSIS

A. Gilyano*Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy
49 Timiryazevskaya ul., Moscow 127550, Russian Federation***Abstract.**

Purpose. The purpose of this article is to study interpersonal relations in families raising a child with infantile cerebral paralysis (ICP) to develop recommendations for their psychological support

Methodology and Approach. The article discusses the results of an empirical study on this issue. To obtain the results, methods were used to collect information, summarize and interpret the results. The methods of studying interpersonal and parent-child relations, measuring family attitudes and satisfaction with marriage are analyzed.

Results. In the course of work, confidence of communication in families between spouses, satis-

faction with marriage, attitude to the family role, parent-child relationships, types of pathologizing education in families raising children with ICP were revealed.

Theoretical and Practical implications. The results of the study contribute to the study of interpersonal relations in families raising a child with ICP. The practical significance of the research is to identify the characteristics of marital and "parent-child" relations and methodological recommendations for accompanying families raising a child with ICP. The article is addressed to psychologists, parents, teachers and specialists of social services working with families raising a child with cerebral palsy.

Keywords: family raising a child with infantile cerebral paralysis (ICP), interpersonal relations

Введение

В современном обществе наблюдается рост потребности в научных разработках, позволяющих наметить пути интеграции в общество лиц с ограниченными возможностями. Предварительный анализ литературы по исследуемой проблеме показал, что отечественными и зарубежными авторами в различных аспектах изучены особенности развития детей с детским церебральным параличом (ДЦП). Однако до настоящего времени не было выработано целостного научного взгляда на коррекционно-педагогическую помощь детям с ДЦП, в специальном образовании отсутствуют методологические, научно-теоретические, практико-ориентированные основы организации комплексной психолого-педагогической помощи детям с ДЦП и их семьям. Неполно представлены аспекты междисциплинарного взаимодействия специалистов и родителей в организации медико-педагогической реабилитации детей с ДЦП. Проблема влияния детей с детским церебральным параличом на социально-психологический климат семьи в настоящее время слабо изучена, но она осознаётся как одна из наиболее актуальных.

Проблемы семьи «особого» ребёнка в своих работах рассматривали Г. Дейвид, М. Линдер, Б. В. Зейгарник, И. И. Мамайчук, Е. М. Мастюкова, О. А. Грудина, Т. И. Шульга, О. А. Карабанова, В. В. Ткачева, О. Н. Усанова, Л. М. Шипицына и др. [1; 4; 9; 10; 11]. По мнению авторов, родители детей с детским церебральным параличом испытывают серьёзные психологические трудности в связи с

длительным воздействием на психику травмирующей ситуации, явившейся результатом рождения ребёнка с проблемами развития [2; 3; 4; 5; 6; 8; 13]. Одной из ключевых проблем семьи, в которой растёт ребёнок с детским церебральным параличом, является её социальная адаптация в обществе. Нарушения социальной адаптации вызваны новыми невыносимыми условиями жизнедеятельности семьи [4; 7; 8; 10; 11]. Родители зачастую оказываются не готовыми к таким изменениям, а значит, необходимо помочь им в этом вопросе. Помощь должна начинаться с информирования их о существующих технологиях ухода, общения, воспитания и обучения ребёнка с ДЦП.

Проанализировав психологическую литературу по проблеме исследования, мы пришли к выводу, что недостаточно проработаны вопросы психокоррекционной помощи родителям, неготовности большинства родителей совместно со специалистами принимать участие в создании адаптированной социально-психологической среды для их ребёнка, а также недостаточного количества учреждений, в том числе и дополнительного образования, которые могут создать условия для успешной адаптации как детей с ДЦП, так и их родителей. Это послужило для нас обоснованием проблемы исследования.

В нашем исследовании сделан акцент на изучении межличностных отношений в семьях, воспитывающих ребёнка с ДЦП, для разработки рекомендаций по их психологическому сопровождению. Мы считаем, что рекомендации должны быть направлены не только на работу с

социально-психологическим климатом в семье, но и на аспект, отражающий специфику коррекции супружеских отношений как фактора, влияющего на социально-психологическую адаптацию ребёнка с ограниченными возможностями.

Для обозначения вектора коррекционного сопровождения мы будем изучать такие факторы, влияющие на социальную адаптацию детей с ДЦП, как:

- особенности семейного воспитания;
- отношение социума к детям с ДЦП и их семьям.

Результаты исследования

Перед проведением эмпирического исследования мы предположили, что в семьях, воспитывающих ребёнка с ДЦП, наблюдаются следующие особенности супружеских и родительско-детских отношений:

- невысокий уровень доверительности общения в семье и взаимопонимания между супругами;
- неудовлетворённость семейной ролью;
- наличие негармоничного (патологизирующего) семейного воспитания (гиперпротекция и эмоциональное отвержение).

Исследование проводилось в 2018–2019 гг. среди родителей детей с ДЦП, посещающих детский сад компенсирующего вида № 21 г. Пензы. В качестве испытуемых выступили 20 семей (40 родителей в возрасте от 29 лет до 41 года).

Методы исследования: метод беседы, опросник «Общение в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская), опросник «Измерение установок в семейной паре» (Ю. Е. Алешина), тест на уровень удовлетворённости браком (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская), тест «Родительско-детские отношения» (PARI), опросник для родителей «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) (Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис) [2; 12; 14].

Из бесед с родителями, педагогами и социальными работниками выяснилось,

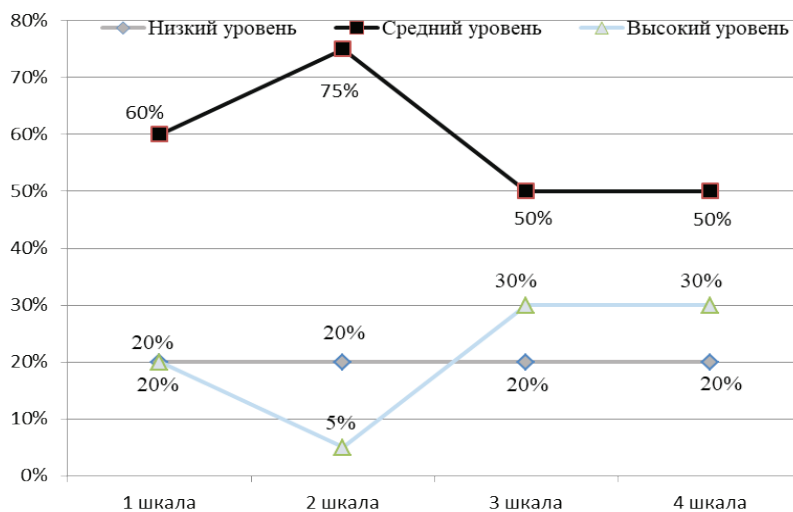
что для исследуемых нами семей в целом характерны такие психологические особенности, как хронический стресс, высокий уровень тревожности, чувство вины и стыда, чувство одиночества и потерянности. Многие родители (65 %) испытывают трудности во взаимоотношениях с окружающими, большинству матерей свойственны заниженная самооценка и неуверенность в себе.

Для исследования особенностей общения и взаимоотношений в супружеской паре мы использовали опросник «Общение в семье» Ю. А. Алешиной, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовской, измеряющий доверительность общения в супружеской паре, сходство во взглядах, общность символов, взаимопонимание супругов, лёгкость и психотерапевтичность общения.

Результаты опросника представлены на рисунках 1 и 2.

Из рисунка 1 мы видим, что по шкале «доверительность общения» низкий уровень (как при оценке себя, так и при оценке партнёра) характерен для 20 % испытуемых, средний уровень при оценке себя по этому признаку – для 60 % испытуемых, при оценке партнёра – для 75 %, высокий уровень при оценке себя – для 20 % и при оценке партнёра – для 5 %. По шкале «взаимопонимание между супругами» низкий уровень (как при оценке себя, так и при оценке партнёра) характерен для 20 % испытуемых, средний уровень (как при оценке себя, так и при оценке партнёра) – для 50 % испытуемых, высокий уровень (как при оценке себя, так и при оценке партнёра) – для 30 %.

На рисунке 2 видно, что по шкале «сходство во взглядах супругов» средний уровень характерен для 45 % испытуемых, а высокий уровень – для 55 % испытуемых. По шкале «общие символы семьи» низкий уровень характерен для 25 % испытуемых, а средний уровень – для 75 % испытуемых. Высокие баллы отсутствуют. Чем выше балл по этой шкале, тем больше оснований говорить о суще-

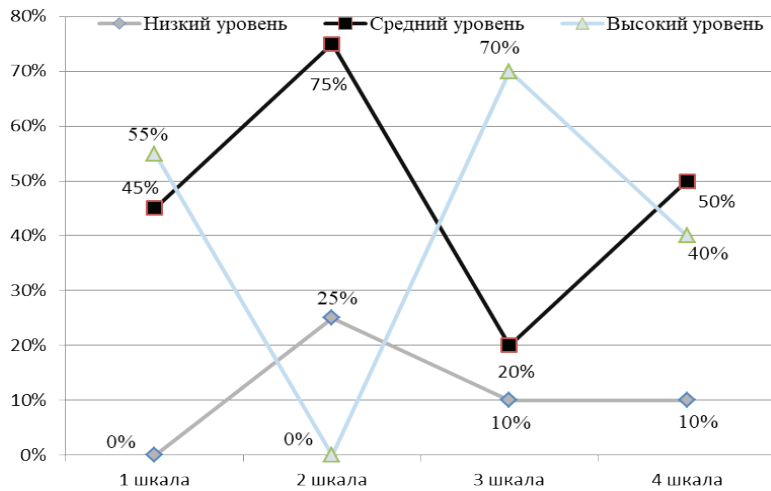
Исследуемые шкалы уровня общения между супругами

Обозначения: 1 – шкала «доверительность общения» (оценка, данная себе); 2 – шкала «доверительность общения» (оценка, данная партнёру); 3 – шкала «взаимопонимание между супругами» (оценка, данная себе); 4 – шкала «взаимопонимание между супругами» (оценка, данная партнёру).

Источник: результаты исследования автора.

Рис. 1. Показатели уровня доверительности общения и взаимопонимания между супругами

Fig. 1. Indicators of the level of confidence in communication and mutual understanding between spouses

Исследуемые шкалы уровня общения между супругами

Обозначение: 1 – шкала «сходство во взглядах супругов»; 2 – шкала «общие символы семьи»; 3 – шкала «лёгкость общения между супругами»; 4 – шкала «психотерапевтичность общения».

Источник: результаты исследования автора.

Рис. 2. Показатели уровня сходства во взглядах супругов, общих символов семьи, легкости общения между супругами и психотерапевтичности общения

Fig. 2. Indicators of the level of similarity in the views of the spouses, common family symbols, ease of communication between spouses and psychotherapeutic communication

ствовании «семейного» языка. По шкале «лёгкость общения между супругами» низкий уровень характерен для 10 % испытуемых, средний уровень – для 20 % испытуемых и высокий уровень – для 70 %. По шкале «психотерапевтичность общения» низкий уровень характерен для 10 % испытуемых, средний уровень – для 50 % испытуемых и высокий уровень – для 40 %.

Далее рассмотрим результаты опросника «Измерение установок в семейной паре» (Ю. Е. Алешина и др., 1987), которые представлены на рисунках 3 и 4.

На рисунке 3 можно увидеть следующее: по шкале «отношение к людям» низкий и средний уровни позитивного отношения к людям составили соответственно по 50 %. Высокие баллы отсутствуют. По шкале «альтернатива между чувством долга и удовольствием» у 35 % испытуемых выражена ориентация на долг, 20 % – ориентация на удовольствия, 45 % имеют средний показатель между этими характеристиками. По шкале «отношение к детям» 45 % родителей считают значимой роль детей в жизни человека, 10 % – незначимой, 45 % испытуемых имеют средний показатель между этими характеристиками. По шкале «автономность супругов» 50 % испытуемых ориентированы не на совместную, а на раздельную деятельность. По шкале «отношение к разводу» 35 % испытуемых имеют низкий уровень лояльности, 65 % – средний уровень лояльности. Чем выше балл по этой шкале, тем менее лояльно отношение респондента к разводу.

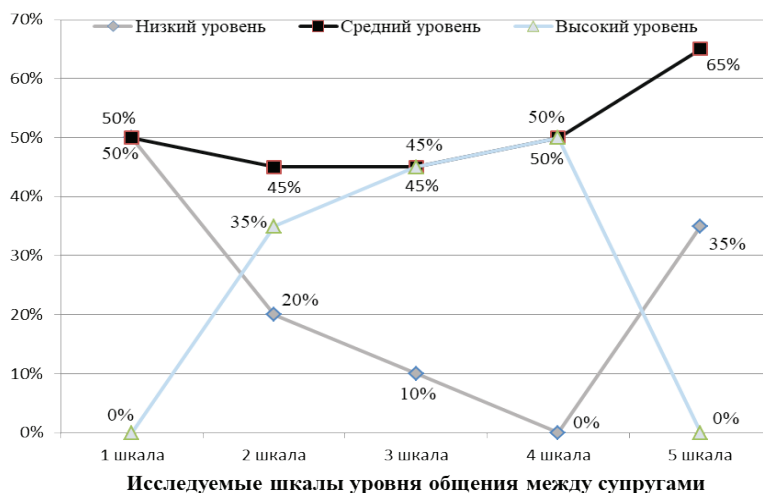
Из рисунка 4 мы видим следующее: по шкале «отношение к любви романтического типа» средний уровень характерен для 65 % испытуемых, высокий уровень – для 35 %. По шкале «оценка значения сексуальной сферы в семейной жизни» низкий уровень характерен для 10 % испытуемых, средний уровень – для 40 % испытуемых, высокий уровень – для 50 %. По шкале «отношение к “запретности секса”» высокий уровень пред-

ставлений о запретности показали 40 % испытуемых, средний – 50 %. По шкале «отношение к патриархальному или эгалитарному устройству семьи» ориентацию на традиционные (патриархальные) представления об устройстве семьи показали 60 % испытуемых, ориентацию на эгалитарные представления – 25 %. По шкале «отношение к деньгам» высокий уровень бережливого отношения показали 15 % респондентов, средний уровень – 85 %.

Результаты теста на уровень удовлетворённости браком (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская) показали, что высокий уровень характерен для 15 % испытуемых, средний уровень – для 65 % испытуемых, низкий уровень удовлетворённости браком – для 20 %; 25 % испытуемых расценивают свой брак как «удачный», 35 % испытуемых расценивают свой брак как «скорее удачный, чем неудачный», 20 % – как «неудачный» и оставшиеся 20 % – как «скорее неудачный, чем удачный». Таким образом, 40 % испытуемых расценивают свой брак как «неудачный» или «скорее неудачный, чем удачный», а 60 % испытуемых – как «удачный» или «скорее удачный, чем неудачный».

Результаты теста «Родительско-детские отношения» (PARI), представлены на рисунках 5, 6, 7 и 8.

Результаты теста «Родительско-детские отношения» (PARI) по шкалам, характеризующим отношение к семейной роли, показали следующее: по шкале «зависимость от семьи» (ограниченность интересов женщины рамками семьи, заботами исключительно о семье) средний уровень характерен для 85 % испытуемых, высокий уровень – для 15 %, по шкале «ощущение самопожертвования в роли матери» средний уровень характерен для 90 % испытуемых, высокий уровень – для 10 %, по шкале «семейные конфликты» средний уровень характерен для 70 % испытуемых, высокий уровень – для 30 %, по шкале «чрезмерный авто-

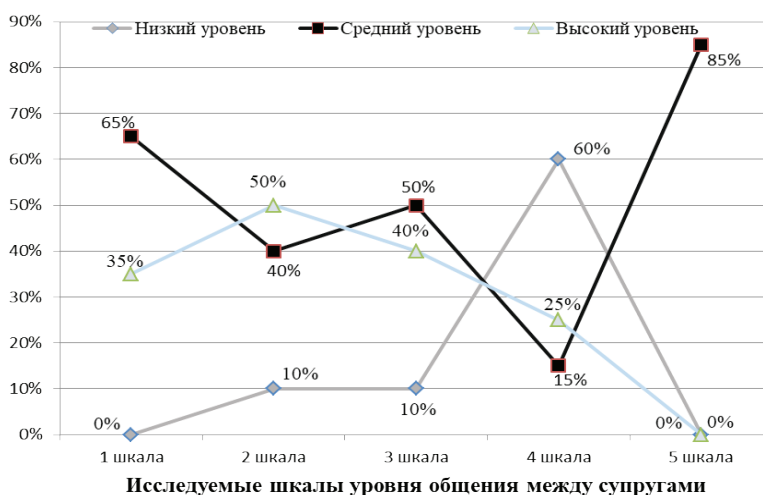

Обозначения: 1 – шкала «отношение к людям»; 2 – шкала «альтернатива между чувством долга и удовольствием»; 3 – шкала «отношение к детям»; 4 – шкала «автономность супругов»; 5 – шкала «отношение к разводу»

Источник: результаты исследования автора.

Рис. 3. Показатели уровня отношения к людям, альтернативы между чувством долга и удовольствием, отношения к детям, автономности супругов, отношения к разводу

Fig. 3. Indicators of the level of attitude towards people, alternatives between a sense of duty and pleasure, attitude to children, autonomy of spouses, attitude to divorce

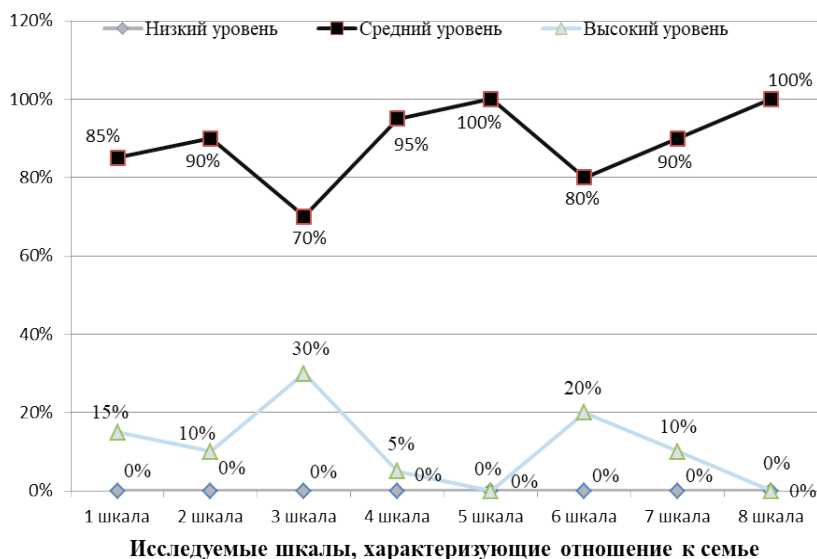

Обозначения: 1 – шкала «отношение к любви романтического типа»; 2 – шкала «оценка значения сексуальной сферы в семейной жизни»; 3 – шкала «отношение к «запретности секса»»; 4 – шкала «отношение к патриархальному или эгалитарному устройству семьи»; 5 – шкала «отношение к деньгам».

Источник: результаты исследования автора.

Рис. 4. Показатели уровня отношения к любви романтического типа, оценки значения сексуальной сферы в семейной жизни, отношения к «запретности секса», отношения к патриархальному или эгалитарному устройству семьи, отношения к деньгам

Fig. 4. Indicators of the level of attitude towards love of a romantic type, assessments of the significance of the sexual sphere in family life, attitudes toward "prohibition of sex", attitudes toward the patriarchal or egalitarian system of the family, attitudes toward money

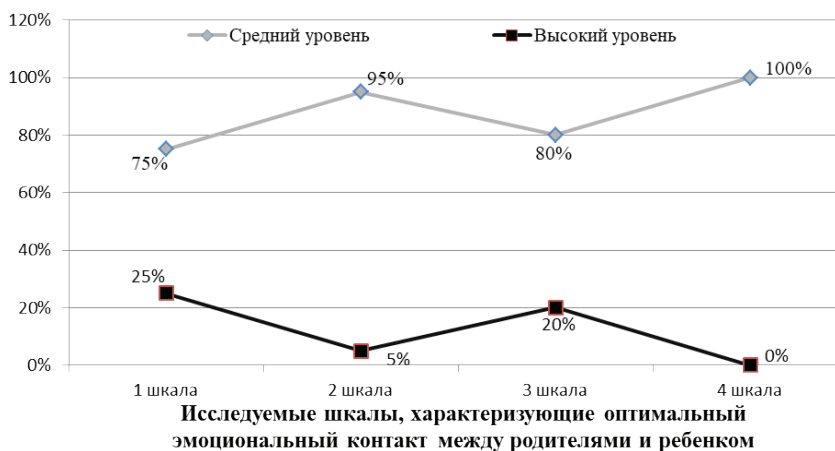

Обозначения: 1 – шкала «зависимость от семьи»; 2 – шкала «ощущение самопожертвования в роли матери»; 3 – шкала «семейные конфликты»; 4 – шкала «чрезмерный авторитет родителей»; 5 – шкала «неудовлетворённость ролью хозяйки дома»; 6 – шкала «безучастность мужа»; 7 – шкала «доминирование матери»; 8 – шкала «несамостоятельность матери».

Источник: результаты исследования автора.

Рис. 5. Результаты теста «Родительско-детские отношения» (PARI) по шкалам, характеризующим отношение к семейной роли

Fig. 5. The results of the test "Parent-Child Relations" (PARI) on scales characterizing the attitude to the family role

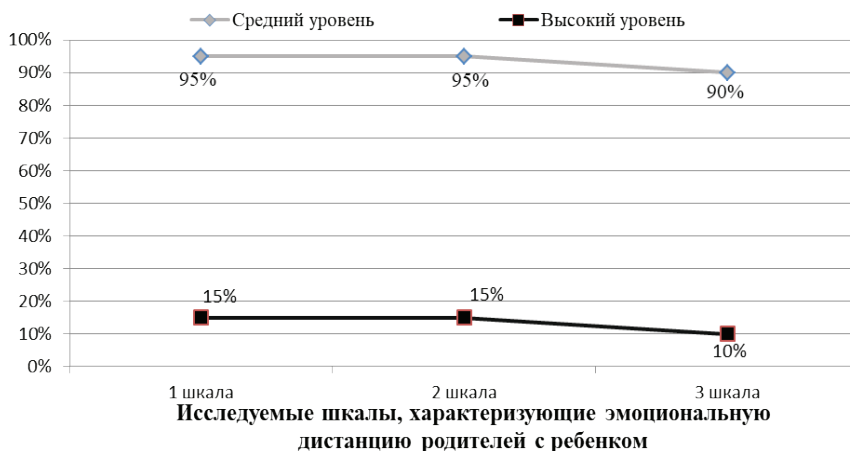

Обозначения: 1 – шкала «вербализация»; 2 – шкала «партнёрские отношения»; 3 – шкала «развитие активности ребёнка»; 4 – шкала «уравненные отношения».

Источник: результаты исследования автора.

Рис. 6. Результаты теста «Родительско-детские отношения» (PARI) по шкалам, характеризующим оптимальный эмоциональный контакт между родителями и ребёнком

Fig. 6. Parent-Child Relationship Test (PARI) results on scales characterizing optimal emotional contact between parents and the child

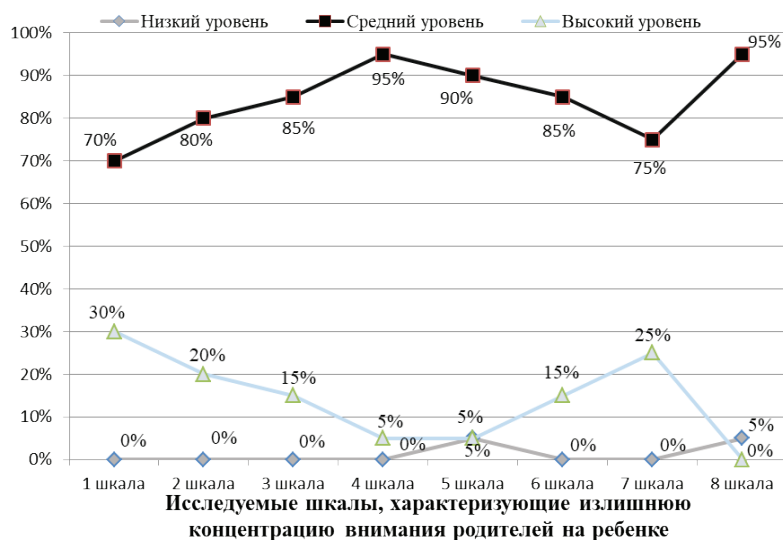

Обозначения: 1 – шкала «раздражительность»; 2 – шкала «излишняя строгость»; 3 – шкала «уклонение от контакта с ребёнком».

Источник: результаты исследования автора.

Рис. 7. Результаты теста «Родительско-детские отношения» (PARI) по шкалам, характеризующим излишнюю эмоциональную дистанцию родителей с ребенком

Fig. 7. The results of the test “Parent-Child Relations” (PARI) on scales characterizing the excessive emotional distance of parents with a child

Обозначения: 1 – шкала «чрезмерная забота»; 2 – шкала «подавление воли»; 3 – шкала «опасение обидеть»; 4 – шкала «исключение внесемейных влияний»; 5 – шкала «подавление агрессивности»; 6 – шкала «подавление сексуальности»; 7 – шкала «чрезмерное вмешательство в мир ребёнка»; 8 – шкала «стремление ускорить развитие ребёнка».

Источник: результаты исследования автора.

Рис. 8. Результаты теста «Родительско-детские отношения» (PARI) по шкалам, характеризующим излишнюю концентрацию внимания родителей на ребенке

Fig. 8. The results of the test “Parent-Child Relations” (PARI) on scales characterizing excessive concentration of parents’ attention on the child

ритет родителей» средний уровень характерен для 95 % испытуемых, высокий уровень – для 5 %, по шкале «неудовлетворенность ролью хозяйки дома» средний уровень характерен для всех испытуемых (100 %), по шкале «безучастность мужа» (невключённость мужа в дела семьи) средний уровень характерен для 80 % испытуемых, высокий уровень – для 20 %, по шкале «доминирование матери» средний уровень характерен для 90 % испытуемых, высокий уровень – для 10 %, по шкале «несамостоятельность матери» средний уровень характерен для всех испытуемых (100 %).

Показатели по шкалам, характеризующим отношение к семейной роли, говорят о существовании серьёзных проблем в межличностных отношениях между супругами и в родительско-детских отношениях. Особенно выразительными являются характеристики, касающиеся ощущения «самопожертвования в роли матери», её зависимости от семьи, несамостоятельности и ощущения «невключённости» мужа в дела семьи. Возможно, отсюда вытекают выраженные показатели по шкале «семейные конфликты». Результаты данной методики усиливают показатели удовлетворённости браком по методике Ю. Е. Алешиной.

Результаты теста «Родительско-детские отношения» (PARI) по шкалам, характеризующим оптимальный эмоциональный контакт между родителями и ребёнком, показали, что по шкале «вербализация» (стимуляция словесных проявлений) средний уровень характерен для 75 % испытуемых, высокий уровень – для 25 %, по шкале «партнёрские отношения» средний уровень характерен для 95 % испытуемых, высокий уровень – для 5 %, по шкале «развитие активности ребёнка» средний уровень характерен для 80 % испытуемых, высокий уровень – для 20 %, по шкале «уравненные отношения» (уравнительные отношения между родителями и ребёнком) средний уровень характерен для всех испытуемых (100 %).

Результаты теста «Родительско-детские отношения» (PARI) по шкалам, характеризующим излишнюю эмоциональную дистанцию родителей с ребёнком, показали, что: по шкале «раздражительность» (вспыльчивость) средний уровень характерен для 85 % испытуемых, высокий уровень – для 15 %, по шкале «излишняя строгость» (суровость) средний уровень характерен для 85 % испытуемых, высокий уровень – для 15 %, по шкале «уклонение от контакта с ребёнком» средний уровень характерен для 90 % испытуемых, высокий уровень – для 10 %. Данные показатели также свидетельствуют о наличии серьёзных проблем в исследуемых семьях в родительско-детских отношениях по показателю эмоциональной дистанции.

Результаты теста «Родительско-детские отношения» (PARI) по шкалам, характеризующим излишнюю концентрацию внимания родителей на ребёнке, показали следующее: по шкале «чрезмерная забота» (установление отношений зависимости) средний уровень характерен для 70 % испытуемых, высокий уровень – для 30 %, по шкале «подавление воли» (преодоление сопротивления) средний уровень характерен для 80 % испытуемых, высокий уровень – для 20 %, по шкале «опасение обидеть» (создание безопасности) средний уровень характерен для 85 % испытуемых, высокий уровень – для 15 %, по шкале «исключение внесемейных влияний» средний уровень характерен для 95 % испытуемых, высокий уровень – для 5 %, по шкале «подавление агрессивности» низкий уровень характерен для 5 % испытуемых, средний уровень характерен для 90 % испытуемых, высокий уровень – для 5 %, по шкале «подавление сексуальности» средний уровень характерен для 85 % испытуемых, высокий уровень – для 15 %, по шкале «чрезмерное вмешательство в мир ребёнка» средний уровень характерен для 75 % испытуемых, высокий уровень – для 25 %, по шкале «стремление ускорить развитие ребёнка» низкий уровень характерен для

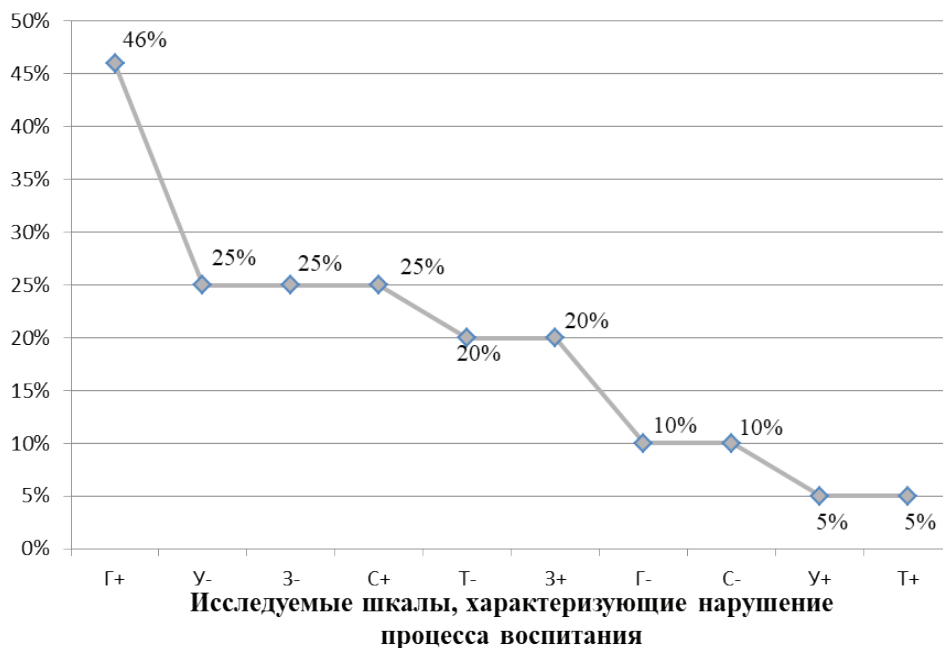
5 % испытуемых, средний уровень характерен для 95 % испытуемых.

Результаты теста «Родительско-детские отношения» (PARI) по шкалам, демонстрирующим отношение родителей к ребёнку, можно охарактеризовать следующим образом: оптимальный эмоциональный контакт между родителями и ребёнком характерен для 20 % испытуемых, излишняя эмоциональная дистанция родителей с ребёнком – для 10 % испытуемых, для 15 % – излишняя концентрация внимания на ребёнке.

В целом результаты теста показали наличие серьёзных проблем в родительско-детских отношениях по ряду показателей, описанных выше.

Рассмотрим результаты опросника для родителей «Анализ семейных отношений» (АВС) (Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис). Данный опросник направлен на выявление нарушений воспитания, выявление типа патологизирующего воспитания и некоторые психологические причины этих нарушений. Результаты представлены на рисунках 9, 10.

Результаты опросника для родителей «Анализ семейных отношений» (АВС) по шкалам, характеризующим нарушение процесса воспитания, следующие: в исследуемых семьях наиболее выражено воспитание по типу гиперпротекции. Оно характерно для 45 % испытуемых, т. е. родители уделяют ребёнку крайне

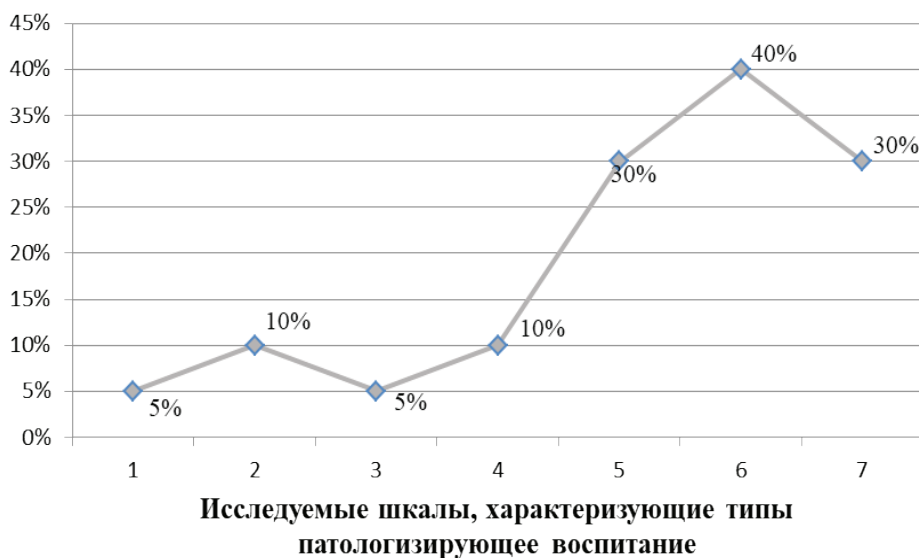

Обозначения: гиперпротекция (шкала Г+); игнорирование потребностей ребёнка (шкала У-); недостаточность требований-запретов к ребёнку (шкала З-); чрезмерность санкций (шкала С+); недостаточность требований-обязанностей (шкала Т-); чрезмерность требований-запретов (шкала З+); гипопротекция (шкала Г-); минимальность санкций (шкала С-); потворство (шкала У+); чрезмерность требований-обязанностей (шкала Т+).

Источник: результаты исследования автора.

Рис. 9. Результаты опросника для родителей «Анализ семейных отношений» (АВС) по шкалам, характеризующим нарушение процесса воспитания

Fig. 9. Results of the questionnaire for parents "Analysis of family relations" (ABC) on scales characterizing the violation of the process of education

Обозначения: 1 – потворствующая гиперпротекция; 2 – доминирующая гиперпротекция; 3 – повышенная эмоциональная ответственность; 4 – эмоциональное отвержение; 5 – наличие адекватного воспитания либо установочного поведения; 6 – наличие негармоничного (патологизирующего) семейного воспитания; 7 – наличие 1–2 отклонений в семейном воспитании.

Источник: результаты исследования автора.

Рис. 10. Результаты опросника для родителей «Анализ семейных отношений» (АВС) по шкалам, характеризующим типы патологизирующего воспитания

Fig. 10. The results of the questionnaire for parents "Analysis of family relations" (ABC) on scales characterizing the types of pathologizing education

много времени, сил и внимания, его воспитание становится центральным делом их жизни.

Другие типы воспитания менее выражены:

- игнорирование потребностей ребёнка характерно для 25 % испытуемых. Родители с таким типом воспитания не стремятся удовлетворять потребности ребёнка, не идут на эмоциональный контакт, не удовлетворяют потребности ребёнка в духовном общении с родителем;

- недостаточность требований-обязанностей характерна для 20 % испытуемых – в этом случае количество обязанностей в семье у ребёнка минимальное;

- чрезмерность требований-запретов характерна для 20 % испытуемых. Родители с таким типом воспитания предъявляют ребёнку чрезмерное ко-

личество требований, ограничивающих свободу и самостоятельность;

- недостаточность требований-запретов характерна для 25 % испытуемых. Родители с таким типом воспитания позволяют ребёнку «всё», если же встречаются запреты, ребёнок не боится их нарушать, так как знает, что его не накажут;

- чрезмерность санкций за нарушение требований ребёнком характерна для 25 % испытуемых. Такие родители являются приверженцами строгих наказаний, даже при незначительных проступках.

Наименее выраженными оказались такие типы воспитания, как: гипопротекция, потворство, чрезмерность требований-обязанностей и минимальность санкций. Гипопротекция характерна для 10% испытуемых. Потворство характерно для 5 % испытуемых. Чрезмерность

требований-обязанностей характерна для 5 % испытуемых. Минимальность санкций характерна для 10 % испытуемых.

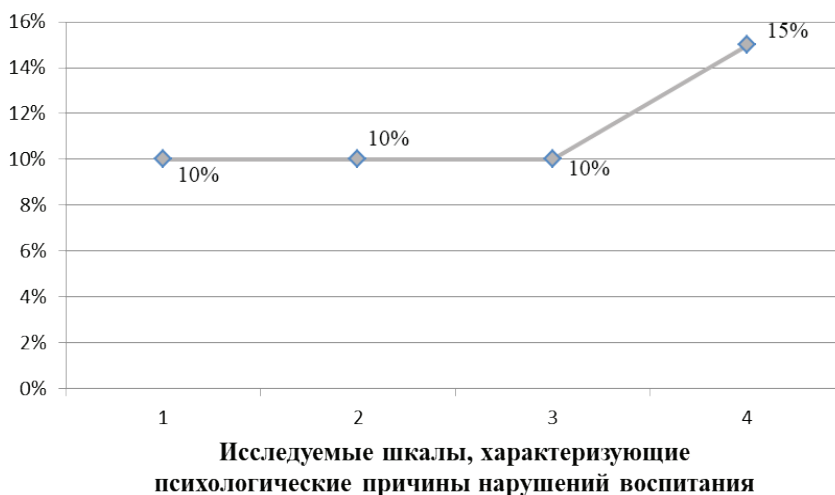
Результаты опросника для родителей «Анализ семейных отношений» (АВС) по шкалам, характеризующим типы патологизирующего воспитания, показали, что наличие негармоничного (патологизирующего) семейного воспитания характерно для 30 % испытуемых. Это такие типы семейного воспитания, как: потворствующая гиперпротекция, доминирующая гиперпротекция, повышенная моральная ответственность, эмоциональное отвержение. Потворствующая гиперпротекция характерна для 5 % испытуемых. Доминирующая гиперпротекция характерна для 10 % испытуемых. Повышенная моральная ответственность характерна для 5 % испытуемых. Эмоциональное отвержение характерно для 10 % испытуемых.

Для 40 % испытуемых характерно наличие 1–2-ух отклонений по таким шкалам, как: гиперпротекция (шкала Г+), недоста-

точность требований-запретов к ребёнку (шкала З-), игнорирование потребностей ребёнка (шкала У-), минимальность санкций за нарушение требований ребёнком (шкала С-) в одних семьях и гипопротекция (шкала Г-) и чрезмерность санкций за нарушение требований ребёнком (шкала С+) в других. В этих случаях мы не можем говорить о наличии какого-либо определённого типа негармоничного (патологизирующего) воспитания ребёнка в семье.

На бланках 30 % испытуемых не диагностируется ни одна из шкал. Данные результаты могут говорить о социально-желательном поведении респондентов либо о том, что их воспитательные действия относятся скорее к адекватным, нежели к патологизирующим.

Результаты опросника для родителей «Анализ семейных отношений» по шкалам, характеризующим психологические причины нарушений процесса воспитания (рис. 11), показали, что личностными проблемами родителей, служащими

Обозначения: 1 – воспитательная неуверенность родителя (шкала ВН); 2 – неразвитость родительских чувств (шкала НРЧ); 3 – проекция на ребёнка собственных нежелательных качеств (шкала ПНК); 4 – предпочтение женских качеств (шкала ПЖК).

Источник: результаты исследования автора.

Рис. 11. Результаты опросника для родителей «Анализ семейных отношений» (АВС) по шкалам, характеризующим психологические причины нарушений процесса воспитания

Fig. 11. Results of the questionnaire for parents “Analysis of family relationships” (ABC) on scales characterizing the psychological causes of violations of the educational process

причиной нарушений в семейном воспитании, являются: воспитательная неуверенность родителя, неразвитость родительских чувств, проекция на ребёнка собственных нежелательных качеств, предпочтение женских качеств в ребёнке. Воспитательная неуверенность родителя характерна для 10 % испытуемых. В этом случае родитель идёт на поводу у ребёнка, уступает даже в тех вопросах, в которых уступает, по его же мнению, никак нельзя. Неразвитость родительских чувств характерна для 10 % испытуемых, что проявляется в нежелании иметь дело с ребёнком, с ним разговаривать, в поверхностном интересе к его делам. Проекция на ребёнка собственных нежелательных качеств характерна для 10 % испытуемых. Сдвиг в установках родителя по отношению к ребёнку в зависимости от пола ребёнка, а именно предпочтение женских качеств в ребёнке, характерен для 15 % испытуемых, т. е. родитель не видит реальных черт ребёнка, а приписывает черты его пола.

Выводы

Наиболее значимыми показателями в проведённой диагностике являются следующие особенности межличностных отношений в семьях, воспитывающих детей с детским церебральным параличом:

- ✓ низкий и средний уровни доверительности общения в семье и взаимопонимания между супругами (45–70 %);

- ✓ низкий уровень позитивного отношения к окружающим (50 % испытуемых считают, что большинство людей заняты собой и равнодушны к проблемам окружающих);

- ✓ для 45 % респондентов дети являются смыслом жизни;

- ✓ матери в исследуемых нами семьях ощущают себя зависимыми от семьи, их интересы ограничены рамками семьи, высокий уровень ощущения несамостоятельности, «самопожертвования в роли матери» (средний уровень характерен для 85 % испытуемых, высокий уровень – для 15 %);

- ✓ 100 % матерей имеют средний уровень «неудовлетворённости ролью хозяйки дома»;

- ✓ мужа в исследуемых нами семьях, как правило, не включены в дела семьи (средний уровень характерен для 80 % испытуемых, высокий уровень – для 20 %);

- ✓ только для 20 % испытуемых характерен оптимальный эмоциональный контакт между родителями и ребёнком;

- ✓ наличие негармоничного (патологизирующего) семейного воспитания характерно для 30 % испытуемых. Родители в данной категории демонстрируют следующие типы воспитания: потворствующая гиперпротекция (5 % испытуемых), доминирующая гиперпротекция (10 % испытуемых), повышенная моральная ответственность (5 % испытуемых), эмоциональное отвержение (10 % испытуемых);

- ✓ личностными проблемами родителей, служащими причиной нарушений в семейном воспитании, являются: воспитательная неуверенность родителя (10 % испытуемых), неразвитость родительских чувств (10 % испытуемых), проекция на ребёнка собственных нежелательных качеств (10 % испытуемых), предпочтение женских качеств в ребёнке (15 % испытуемых).

Таким образом, наше предположение о том, что в семьях, воспитывающих ребёнка с ДЦП, наблюдаются такие особенности супружеских и родительско-детских отношений, как невысокий уровень доверительности общения в семье и взаимопонимания между супругами, неудовлетворённость семейной ролью, а также наличие негармоничного (патологизирующего) семейного воспитания (гиперпротекция и эмоциональное отвержение), подтвердилось.

Данные результаты послужили причиной разработки практических рекомендаций по психологическому сопровождению семьи, воспитывающей ребёнка с ДЦП.

Рекомендации для специалистов социальных служб, работающих с семьями, воспитывающими ребёнка с ДЦП

1. Необходима ранняя диагностика и своевременная коррекционно-развивающая помощь как детям с ДЦП, так и их семьям.

2. До оказания психопрофилактической помощи специалистами должен быть изучен социально-психологический климат семьи.

3. Начиная работу с семьёй, необходимо изучить проблемы воспитания, которые возникают у всех членов семьи, живущих вместе с ребёнком.

4. При коррекции межличностных отношений необходимо учитывать разнообразие семейных стилей и стратегий.

5. Если ребёнок способен принимать участие во встречах специалистов и родителей, необходимо сделать его ещё одним партнёром в общении.

6. Родителям необходимо разъяснить возможности коррекции и развития ребёнка с ДЦП.

7. Специалистам необходимо настроить родителей на развитие навыков самостоятельности ребёнка в пределах его возможностей.

8. Работая с родителями, необходимо сформировать у них уверенность в успехе.

9. Необходимо разъяснить родителям важность занятий с ребёнком, а также признания его успехов.

10. Необходимо организовывать группы для поддержки семей, в которые входят следующие специалисты: социальный работник, психолог, педагог, психотерапевт.

11. Нужно разъяснять родителям необходимость защищать свои права и права ребёнка, быть вовлечёнными в работу общественных организаций, оказывающих влияние на развитие законодательства и порядок предоставления услуг, на принятие решений психолого-медико-педагогической комиссией.

12. Необходимо помогать родителям организовывать встречи друг с другом, клубы по интересам и мероприятия для детей.

Рекомендации для родителей, воспитывающих ребёнка с ДЦП

1. Помните, если ваш ребёнок не такой, как все, это не значит, что он хуже других.

2. Каждый ребёнок нуждается в любви и внимании. Это является залогом его развития.

3. В любви и внимании нуждаются все члены семьи. Это залог их счастливого существования.

4. В семье никто не должен ощущать себя жертвой.

5. Решайте дела по возможности вместе с ребёнком, не огораживайте его от обязанностей и проблем.

6. Учите ребёнка самостоятельности в действиях и принятии решений.

7. Не бойтесь отказать ребёнку в чём-либо, если считаете его требования чрезмерными.

8. Не ограничивайте ребёнка в общении со сверстниками. Это необходимо для его полноценного развития.

9. Не отказывайтесь от помощи специалистов, когда нуждаетесь в ней.

10. Думайте позитивно о своём ребёнке и его возможностях.

11. Помните, что когда-нибудь ребёнок повзрослеет и ему придётся жить самостоятельно. Готовьте его к будущей жизни, говорите о ней.

Заключение

В результате проведённого исследования мы выявили особенности межличностных и родительско-детских отношений в семьях, воспитывающих детей с детским церебральным параличом, разработали рекомендации для специалистов по психологическому сопровождению таких семей и для родителей, нуждающихся в поддержке. Таким об-

разом, можно говорить о том, что цели достигнуты, наша гипотеза, что в семьях, воспитывающих ребёнка с ДЦП, наблюдаются следующие особенности супружеских и родительско-детских отношений:

– невысокий уровень доверительности общения в семье и взаимопонимания между супругами;

– неудовлетворённость семейной ролью; наличие негармоничного (патологизирующего) семейного воспитания (ги-

перпротекция и эмоциональное отвержение), – подтверждена.

Материалы исследования могут использоваться специалистами психологических и социальных служб для работы с семьями, воспитывающими детей с ДЦП, а также для создания модели психологического сопровождения семей, воспитывающих детей с ДЦП.

Статья поступила в редакцию 14.11.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева Н. Н. Взаимодействие матери и ребенка раннего возраста с задержкой речевого развития // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 2. С. 19–28. DOI: 10.17759/pse.2019240202
2. Алешина Ю. Е., Гозман Л. Я., Дубовская Е. М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений: Спецпрактикум по социальной психологии. М., 1987. 120 с.
3. Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1983. 369 с.
4. Гильяно А. С. Проблемы психосоциальной помощи родителям, воспитывающим ребенка с детским церебральным параличом // Развитие психолого-педагогической компетентности родителей обучающихся: сборник научных трудов / под ред. Г. В. Новикова, И. Б. Умняшова. Москва, 2017. С. 87–94.
5. Грудина О. А., Шульга Т. И. Взаимосвязи семейного благополучия и уровня жизненной удовлетворенности матерей, воспитывающих детей с нарушениями в развитии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2017. № 2. С. 38–50. DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-38-50
6. Карабанова О. А. Детско-родительские отношения и практика воспитания в семье: кросс-культурный аспект // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 2/20. С. 15–26.
7. Лебединский В. В. Нарушения психического развития в детском возрасте: учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений. М., 2003. 144 с.
8. Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека. СПб., 2008. 624 с.
9. Мамайчук И. И. Психологическая помощь детям с проблемами в развитии. СПб., 2008. 224 с.
10. Никитина Ю. В., Хохлова А. Ю. Особенности детско-родительского взаимодействия в семьях воспитывающих детей с нарушениями слуха [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2015. Т. 4. № 2. URL: https://psyjournals.ru/psyclin/2015/n2/Nikitina_Hohlova.shtml (дата обращения: 26.02.2020).
11. Певнева А. Н. Динамика качества жизни матери ребенка с церебральным параличом // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 58–73. DOI: 10.17759/cpse.2019080404
12. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. М., 2017. 672 с.
13. Усанова О. Н. Социально-психологические аспекты стратегии помощи детям с нарушениями развития на современном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 1. С. 66–76. DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-66-76.
14. Эйдемиллер Э., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд., перераб. и доп. СПб., 2008. 672 с.

REFERENCES

1. Avdeeva N. N. [The interaction of mother and young child with delayed speech development]. In: *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2019, vol. 24, no. 2, pp. 19–28.
2. Aleshina Yu. E., Gozman L. Ya., Dubovskaya E. M. *Sotsial'no-psikhologicheskie metody issledovaniya supruzheskikh otnoshenii: Spetspraktikum po sotsial'noi psikhologii* [Socio-psychological research methods of marital relations: practical training session on social psychology]. Moscow, 1987. 120 p.
3. Vygotsky L. S. *Sobranie sochinenii. T. 5* [Collected Works. Vol. 5]. Moscow, 1983. 369 p.

4. Gil'yano A. S. [Problems of psychosocial support to parents raising a child with infantile cerebral paralysis]. In: Novikov G. V., Umnyashov I. B., eds. *Razvitie psikhologo-pedagogicheskoi kompetentnosti roditel'ei obuchayushchikhsya* [The development of psychological-pedagogical competence of students' parents]. Moscow, 2017, pp. 87–94.
5. Grudinina O. A., Shul'ga T. I. [The relationship of family well-being and level of life satisfaction of mothers raising children with disabilities]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology], 2017, no. 2, pp. 38–50.
6. Karabanova O. A. [Parent-child relations and the practice of education in the family: a cross-cultural aspect]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern foreign psychology], 2017, vol. 6, no. 2/20, pp. 15–26.
7. Lebedinsky V. V. *Narusheniya psikhicheskogo razvitiya v detskom vozraste* [Disorders of psychological development in childhood]. Moscow, 2003. 144 p.
8. Luriya A. R. *Vysshie korkovye funktsii cheloveka* [Higher cortical functions in man]. St. Petersburg, 2008. 624 p.
9. Mamaichuk I. I. *Psikhologicheskaya pomoshch' detyam s problemami v razviti* [Psychological help to children with problems in development]. St. Petersburg, 2008. 224 p.
10. Nikitina Yu. V., Khokhlova A. Yu. [Features of parent-child interactions in families raising children with hearing disorders]. In: *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* [Clinical psychology and special education], 2015, vol. 4, no. 2. Available at: https://psyjournals.ru/psyclin/2015/n2/Nikitina_Hohlova.shtml (accessed: 26.02.2020).
11. Pevneva A. N. [Dynamics of the quality of life of the mother of a child with infantile cerebral paralysis]. In: *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* [Clinical psychology and special education], 2019, vol. 8, no. 4, pp. 58–73.
12. Raigorodsky D. Ya. *Prakticheskaya psikhodiagnostika* [Practical psychodiagnostics]. Moscow, 2017. 672 p.
13. Usanova O. N. [Socio-psychological aspects of strategy to help children with developmental disorders at the present stage]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology], 2019, no. 1, pp. 66–76.
14. Eidemiller E., Yustitskis V. *Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i*. [Psychology and psychotherapy of the family]. St. Petersburg, 2008. 672 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гильяно Альбина Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Российского государственного аграрного университета – МСХА им. К. А. Тимирязева;
e-mail: als129@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Albina S. Gilyano – PhD in Psychological sciences, Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology of vocational education, Russian State Agrarian University, Moscow Timiryazev Agricultural Academy;
e-mail: als129@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гильяно А. С. Особенности межличностных отношений в семьях, воспитывающих ребёнка с детским церебральным параличом // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 1. С. 76–91.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-76-91

FOR CITATION

Gilyano A. S. Features of interpersonal relations in families updating a child with infantile cerebral paralysis. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 1, pp. 76–91.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-76-91

УДК 159.99

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-92-100

ДИСКУРСИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИНТЕРНЕТА

Гребенщикова Т. А., Кубрак Т. А., Павлова Н. Д.*Институт психологии Российской академии наук**129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Описать характеристики дискурсивной реальности интернета, создаваемой коммуникативной активностью и стоящими за ней переживаниями пользователей.

Методы и результаты исследования. На основе теоретического анализа выделены основные характеристики дискурсивной реальности интернета: 1) вариативность дискурсивного отображения событий, задающего способы говорения о мире и трансформирующего его картину; 2) коммуникативная контекстность, связанная с принятыми нормами, намерениями, речевыми интенциями говорящих и другими факторами; 3) интерактивность и мультимодальность, повышающие оказываемое эмоциональное воздействие и доверие к получаемой информации.

Теоретическая значимость. В работе обобщаются результаты большого корпуса зарубежных и отечественных исследований, тем самым развивается дискурсивный подход к изучению социально-психологических процессов в интернет-среде.

Ключевые слова: интернет-дискурс, дискурсивная реальность, картина мира, постсобытийный дискурс, дискурсивное воздействие

DISCURSIVE REALITY OF THE INTERNET

T. Grebenshchikova, T. Kubrak, N. Pavlova*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences**ul. Yaroslavskaia 13, Moscow, 129366 Russia*

Abstract.

The goal: To describe the characteristics of the discursive reality of the Internet created by the users' communicative activity and the experiences.

Method and results: Based on the theoretical analysis, the main characteristics of the discursive reality of the Internet are identified: 1) the variability of the discursive reflection of events that sets the ways of speaking about the world and transforming its picture; 2) communicative context associated with the accepted norms, speech intentions of speakers and other factors; 3) interactivity and multimodality that increase the emotional impact and the trust in the information received.

Theoretical significance: The work summarizes the results of a large body of foreign and domestic studies, developing the discursive approach to the study of socio-psychological processes in the Internet environment.

Keywords: Internet discourse, discursive reality, picture of the world, post-event discourse, discursive impact

Введение

Информационные технологии превратили наше время в эру интернета, который стал едва ли не основным каналом коммуникации между людьми. Интернет приобретает статус сферы общения, диалогической среды, в которую перемещается значительная часть социальных отношений. Здесь возникают социальные связи, формируются группы, разворачивается внутри- и межгрупповое взаимодействие. Соединяя черты личного и публичного общения, коммуникация в интернете формирует представления о мире, ценности, отношения, установки, личностную и групповую идентичность [21; 26]. Растёт влияние выраженных в интернете оценок и мнений на политическую и социальную жизнь общества [10; 11; 16].

В развернувшихся междисциплинарных исследованиях интернета получили распространение термины «виртуальное общение», «виртуальное пространство», которые подчёркивают в первую очередь технологический аспект, опосредованность интернет-коммуникации современными информационными технологиями (А. Л. Журавлев, Т. А. Нестик, А. В. Кирилина, М. А. Кронгауз, Е. И. Горшко и мн. др.). Поскольку в психологическом плане интернет – это в первую очередь человеческий феномен, интерес представляет описание *дискурсивной реальности* сети как феномена, конституируемого активностью и переживаниями интернет-пользователей.

Выявление важнейших характеристик дискурсивной реальности интернета на основе существующих исследовательских подходов и накопленных данных составило **цель** настоящей работы.

Отражение социального взаимодействия в интернет-дискурсе

Есть все основания говорить об особом интернет-мире [3], который создает условия для новых форм социального взаимодействия и имеет дискурсивную природу.

В коммуникации пользователей, заходящих в интернет для достижения самых разнообразных целей, формируется дискурс, отвечающий разделяемым правилам интерпретации и коммуникативным нормам (правилам вежливости, способам аргументации и пр.). Этот дискурс может оказаться включённым в более крупный дискурс, формирующийся на основе сходства мнений, коммуникативных позиций и пр. [2]. Дискурс, опосредующий взаимодействие пользователей, постоянно трансформируется в соответствии с условиями коммуникации и меняющимся социальным контекстом. Он не только отражает и интерпретирует актуальные события, но и создаёт картину мира, которая транслируется в том числе и за пределы интернета и, более того, служит источником коллективных действий [28].

Канадский философ и культуролог М. Маклюэн рассматривал вновь возникающие средства коммуникации как расширение личностного присутствия в мире. Сегодня через интернет человек включается в различные сообщества, оставляя комментарии и информацию о себе, вовлекается во взаимодействие с собственной аудиторией. Каждый имеет возможность стать популярным автором контента или инициативы, выступить свидетелем события или профессиональным консультантом. «Мы быстро приближаемся к финальной стадии расширения человека вовне... когда творческий процесс познания будет коллективно и корпоративно расширен до масштабов всего человеческого общества», – слова, сказанные в 1964 г. [14, с. 6], сегодня в полной мере применимы к описанию кооперативной, творческой среды мировой сети. Члены групп обмениваются знаниями, помогают и поддерживают друг друга, реализуют творческую активность, что отражается в разнообразии существующих онлайн-сообществ. При изучении последних обнаруживаются их универсальные характеристики: 1) общие цели, интересы, доступ к общим ресурсам, вза-

имопомощь, эмоциональная вовлечённость; 2) наличие связи с сообществами в реальной жизни (город, хобби, профессия и др.) или её отсутствие; 3) внутригрупповые связи участников [15].

Вместе с тем неограниченное количество участников, их физическая удалённость друг от друга, возможность выйти из коммуникативного пространства в любой момент (или, наоборот, включиться в него) и прочее создают условия для нарушения коммуникативных норм и провоцирования конфликта [1]. В сетевом общении реализуются специфические формы агрессивного поведения, такие как троллинг – провокация с целью вызвать негативные эмоции [12], флейминг – спор ради спора [1; 25], кибербуллинг – травля в интернете, когда оскорбления в адрес жертвы имеют неограниченную аудиторию читателей [22]. Напротив, отсутствие анонимности и премодерация сообщений способствуют реализации норм вежливости и взаимоуважения [27]. Однако исследователи приходят к заключению, что агрессивное поведение определяется в большей мере групповыми нормами, а значит, агрессия в сети также зависит от принятых правил и задаётся контекстом и коллективными установками, в том числе праймингом [26].

Дискурсивная реальность интернета открывает простор для реализации множества ролей. Несмотря на рост возможностей в использовании мультимедиа-инструментов, основным способом конструирования идентичности в интернет-коммуникации являются дискурсивные средства [19; 27]. Коммуникант как бы «овеществляет» свой образ выбором слов, изображений, ссылок, мультимедиа-контента, он проживает определённую роль, рассказывая истории и участвуя в диалогах [21]. Одновременно в ходе коммуникации осуществляются интерпретация и осознание своих знаний и действий. Будучи участником нескольких групп, коммуникант «жонглирует» набором со-

ответствующих идентичностей, которые выступают не статичным, а ситуационно заданным и постоянно развивающимся образованием [21]. Нередко пользователи не столько стремятся раскрыть свою идентичность, сколько выборочно представляют свои характеристики, осуществляя выигрышную самопрезентацию [6].

С другой стороны, мир социальных сетей формирует условия для социальных сравнений, что обостряет чувства зависти и несправедливости, угрожающие позитивной идентичности личности. Под влиянием страха социальной изоляции транслируется идеальный образ себя и счастливой жизни [23]. Отмечается, однако, что между активностью в соцсетях и уровнем удовлетворённости жизнью нет однозначной связи; значение имеют наличие целей в жизни, личностные черты и мн. др. [24].

Картина мира в интернет-дискурсе

Коммуникативная активность в интернете формирует дискурсивную реальность и в том плане, что задаёт картину мира и способ говорения о нём. Эта картина мира обнаруживается в тематических доминантах, наборе ключевых концептов, преимущественной интенциональной направленности, выборе конверсативных стратегий и тактик (А. А. Кибрик, Т. ван Дейк, Е. И. Шейгал, О. С. Иссерс, Н. Д. Павлова и мн. др.). Выступая как постоянно изменяющаяся система смыслов, она выстраивается в соответствии с контекстом, интересами и ценностями коммуникантов и репрезентирует разделяемые ими модели концептуализации действительности. Несовпадение концептуализации, как и расхождения в том, в какой форме о тех или иных аспектах действительности принято говорить, может становиться причиной коммуникативных неудач.

Важно подчеркнуть, что картина мира складывается именно дискурсивно, как форма репрезентации явлений в ходе коммуникации пользователей [7]. В этой

связи закономерен интерес к обсуждениям в социальных сетях и постсобытийному интернет-дискурсу, который приобретает кардинальную значимость в осмыслении опыта и создании образа мира в сознании (Н. К. Радина, Е. Н. Галичкина, Н. Д. Павлова и др.). Обнаруживается, что развёртывание дискурса, содержание которого является откликом на значимое событие или сообщение о нём, неразрывно связано с оценочным осмыслением, причём негативная оценочность преобладает [4; 5; 17]. Это касается как предмета обсуждения, так и протекания взаимодействия, что обуславливает выбор дискурсивных стратегий; в их числе ведущими оказываются стратегии самопрезентации, антагонизма в отношении чужой позиции, доминирования и пр. [18; 19; 20]. В сравнении с исходным сообщением выявляются качественный сдвиг интенционального состава и изменение в процессе обсуждения основных референциальных объектов [15]. Хотя различные виды постсобытийного интернет-дискурса (общеновостной, новостной городской и др.) обладают спецификой, связанной с условиями функционирования [5], для него характерно значительное увеличение числа актуальных интенций субъектов общения с добавлением в ходе обсуждения негативных интенций (выразить возмущение, обвинить), а также интенций дистанцирования и демонстрации превосходства. Одновременно происходят трансформация референциальных объектов дискурса (замена, обобщение, размывание границ) и увеличение их числа – процесс, который также свидетельствует о том, что события в дискуссии не только осмысляются, но и конструируются (Т. ван Дейк, А. А. Тарнавский, О. Г. Филатова, Т. А. Гребенщикова и др.).

При изучении вырабатываемых и производящихся в интернет-дискурсе способов концептуализации действительности и поведенческих моделей выявляются дискурсивные структуры раз-

личного уровня (лексические формы, коммуникативные стратегии, контекстные импликации), которые имеют социальную и политическую обусловленность, транслируют этнические предубеждения, гендерные стереотипы (Т. ван Дейк, Е. И. Шейгал, В. И. Карасик, Р. Водак и др.). В этой связи важно отметить, что люди, как правило, не задумываются о вариативности дискурсивного отображения действительности. Сообщения, особенно касающиеся предметов, находящихся вне сферы личного опыта, воспринимаются как объективное отражение ситуации, что способствует закреплению определённой картины мира в сознании адресата [13]. При этом изменчивость современной жизни тоже находит отражение в интернет-дискуссиях, в содержании которых отмечаются тематические пики, относящиеся к значимым событиям. Со снижением актуальности тематики интенсивность обсуждения падает, что может служить индикатором социальных процессов [9]. Было показано также, что описание событий в интернете фиксирует психоэмоциональное состояние, отношения, ценности группы и личности, что даёт ценный материал для психодиагностики [8].

Дискурсивное воздействие

Возможности интернета в формировании дискурсивной реальности тесно связаны с оказанием психологического воздействия и особенностями функционирования информации. Самостоятельный отбор и сопоставление информации из разных источников повышают личное доверие к ней, интерактивность и включённость в обсуждение происходящего (комментарии, лайки, репосты), создают ощущение участия в формировании мнений и представлений [6; 11]. В то же время представленность различных точек зрения формирует множественный образ действительности. Это открывает возможности манипулирования, в том числе и с помощью различ-

ного рода фейков или целенаправленной дезинформации. Зачастую особенности коммуникации в сети позволяют оставлять скрытым субъекта воздействия, а быстрое распространение информации способствует размыванию авторства, что снижает ответственность за достоверность информации и ставит проблему её верификации (А. А. Морозова, Н. Ю. Ключева, Е. В. Якушина и др.). Отмечается, что в интернет-дискурсе преобладают открыто субъективные суждения, ориентированные на провоцирование эмоционального отклика (Н. Б. Мечковская, А. В. Кирилина и др.).

Дискурсивную реальность интернета формирует не только текстовая, но и аудиовизуальная и графическая информация. Используемые разномодальные эффекты создают ощущение присутствия, способствуют усилению субъективной достоверности информации, а разнообразные интернет-мемы, к которым могут относиться фразы, речевые клише или, как в случае демотиваторов, изображения с подписью, быстро передаются и «мгновенно и неожиданно» становятся популярными [10]. Они не только привлекают внимание и вызывают позитивную реакцию, но и вовлекают в коммуникацию, провоцируют дискуссии, способствуют групповой идентификации. Неречевые средства коммуникации (пунктуация, капслок, эмодзи и др.) служат заменой традиционных для взаимодействия «лицом к лицу» социальных подсказок и используются для передачи эмоционального состояния, ёмкого выражения позиции, усиливая воздействие на собеседника.

Сложность и многогранность тематики позволяют рассматривать интернет как глобальный дискурс, включающий

множество субдискурсов, охватывающих какую-либо смысловую зону [2]. Взаимосвязанность таких субдискурсов значительно расширяет информационное пространство, но в то же время может способствовать целенаправленному воздействию путём «наложения одного субдискурса на другой, подачи одного субдискурса под видом другого» [2, с. 151]. Подобное дискурсивное воздействие меняет восприятие информации и может влиять на поведение, как, например, в случае столкновения познавательного-развлекательного и коммерческого субдискурсов.

Заключение

Интернет можно рассматривать как глобальный дискурс, который задаёт концептуализацию и способы говорения о мире, формируя вариативную дискурсивную реальность, в которой открываются возможности как для позитивной идентификации, так и для провокативного поведения и манипулирования. Создаваемая в ходе коммуникации картина мира определяется целями авторов, принятыми в данном сообществе нормами, коммуникативным контекстом и др. Мультимедийность информации служит усилению эмоционального воздействия и групповой идентификации, а интерактивность и непосредственное участие в получении информации повышают доверие к ней. Отмечается рост влияния постсобытийного дискурса на общественные процессы, когда в ходе коммуникативной активности происходят осмысление реальности и трансформация представлений о ней.

Статья поступила в редакцию 25.09.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронцова Т. А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2016. Т. 26. № 2. С. 109–116.
2. Горина Е. В. Дискурс интернета в аспекте воздействия на пользователя // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 150–155.
3. Горошко Е. И., Полякова Т. Л. К построению типологии жанров социальных медий // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 119–127.

4. Градосельская Г. В., Пильгун М. А. Коммуникативные процессы в сетевой среде: междисциплинарный анализ политически активных сообществ в Фейсбуке // Вопросы психолингвистики. 2015. № 4 (26). С. 44–58.
5. Гребенщикова Т. А., Павлова Н. Д., Афиногенова В. А. Различия интенционального содержания постсобытийного дискурса и дискурса форума в интернете // Цифровое общество как контекст развития человека / под общ. ред. Р. В. Ершовой. Коломна, 2018. С. 122–127.
6. Дайнеко П. М. Дискурсивные стратегии самопрезентации в институциональном интернет-общении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 25 с.
7. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Аматова. М., 2013. 344 с.
8. Интеллектуальный анализ проявлений вербальной агрессивности в текстах сетевых сообществ / Д. А. Девяткин, Ю. М. Кузнецова, Н. В. Чудова, А. В. Швец // Искусственный интеллект и принятие решений. 2014. № 2. С. 27–41.
9. Кирилина А. В. Понятие динамического объекта в постнеклассической лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2014. № 4 (22). С. 36–47.
10. Кронгауз М. А. Мем в русскоязычном интернете: опыт деконструкции // Русский язык и новые технологии / сост. Г. Ч. Гусейнов; под ред. М. В. Ахметовой, В. И. Беликова. М., 2014. С. 87–95.
11. Купрейченко А. Б., Шляхова Е. В. Доверие к информации как фактор доверия к электронным масс-медиа // Психолого-педагогические исследования (электронный журнал). 2012. № 1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2012/1/2654.phtml> (дата обращения: 21.08.2019).
12. Курьянович А. В. Опыт лингво-правовой характеристики конфликтной языковой личности (на примере анализа коммуникативного поведения тролля в сетевой переписке) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (191). С. 127–142.
13. Латынов В. В. Психология коммуникативного воздействия. М., 2013. 368 с.
14. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М., Жуковский, 2003. 464 с.
15. Патаракин Е. Д. Макроскопический подход к анализу совместной сетевой деятельности // Образовательные технологии. 2017. № 2. С. 51–65.
16. Постсобытийный дискурс в Интернете / Н. Д. Павлова, Т. А. Гребенщикова, А. Н. Воронин, И. А. Зачесова, Т. А. Кубрак // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М., 2018. С. 1845–1851.
17. Радина Н. К. Интент-анализ онлайн-дискуссий (на примере комментирования материалов интернет-портала ИноСМИ.ru) [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2016. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2238> (дата обращения: 10.07.2019).
18. Романовский А. В. Метакоммуникативные индексы в дискурсе интернет-комментариев // Вестник ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 1. № 3. С. 141–149.
19. Рыжков М. С. Речевые стратегии и тактики интернет-коммуникации (на материале чатов) // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М., 2016. С. 72–86.
20. Сидорова И. Г. Коммуникативно-прагматические характеристики персональных и интерперсональных жанров интернет-дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2011. № 2 (14). С. 154–159.
21. Chau D., Lee C. Discursive construction of identities in a social network-educational space: Insights from an undergraduate Facebook group for a linguistics course // Discourse, Context & Media. 2017. Vol. 18. P. 31–39.
22. Cyberbullying-Entrenched or Cyberbully-Free Classrooms? A Class Network and Class Composition Approach / W. Heirman, S. Angelopoulos, D. Wegge, H. Vandebosch, S. Eggermont, M. Walrave // Journal of Computer-Mediated Communication. 2015. Vol. 20. Iss. 3. P. 260–277.
23. Krasnova H., Widjaja T., Buxmann P., Wenninger H., Benbasat I. Why following friends can hurt you: An exploratory investigation of the effects of envy on social networking sites among college-age users // Information Systems Research. 2015. Vol. 26 (3). P. 585–605. DOI: <http://dx.doi.org/10.1287/isre.2015.0588>
24. Lemay D. J., Doleck T., Bazelaïs P. Do instrumental goal pursuits mediate feelings of envy on Facebook and Happiness or subjective well-being? // Computers in human behavior. 2019. Vol. 91. P. 186–191.

25. O'Sullivan P. B., Flanagan A. J. Reconceptualizing 'flaming' and other problematic messages // *New Media & Society*. 2003. Vol. 5. № 1. P. 69–94.
26. Reicher S. D., Spears R., Postmes T., Kende A. Disputing deindividuation: Why negative group behaviours derive from group norms, not group immersion // *Behavioral and Brain Sciences*. 2016. Vol. 39. E161. DOI: 10.1017/S0140525X15001491.
27. Stroud N. J., Scacco J. M., Muddiman A., Curry A. L. Changing Deliberative Norms on News Organizations' Facebook Sites // *Journal of Computer Mediated Communication*. 2015. Vol. 20. P. 188–203. DOI: 10.1111/jcc4.12104
28. Theocharis Y., Vitoratou S., Sajuria J. Civil Society in Times of Crisis: Understanding Collective Action Dynamics in Digitally Enabled Volunteer Networks // *Journal of Computer Mediated Communication*. 2017. Vol. 22. P. 248–265. DOI: 10.1111/jcc4.12194

REFERENCES

1. Vorontsova T. A. [Trolling and flaming: verbal aggression in online communication]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology], 2016, vol. 26, no. 2, pp. 109–116.
2. Gorina E. V. [The discourse of the Internet in terms of its impact on the user]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2015, no. 2 (52), pp. 150–155.
3. Goroshko E. I., Polyakova T. L. [The construction of a typology of genres of social media]. In: *Zhanry rechi* [Speech genres], 2015, no. 2 (12), pp. 119–127.
4. Gradosel'skaya G. V., Pil'gun M. A. [Communication processes in digital environment: an interdisciplinary analysis of politically active communities on Facebook]. In: *Voprosy psikholingvistiki* [Issues of psycholinguistics], 2015, no. 4 (26), pp. 44–58.
5. Grebenshchikova T. A., Pavlova N. D., Afinogenova V. A. [The differences between the intentional content of the post-event discourse and the discourse forum on the Internet]. In: Ershova R. V., ed. *Tsifrovoe obshchestvo kak kontekst razvitiya cheloveka* [Digital society as the context of human development]. Kolomna, 2018, pp. 122–127.
6. Daineko P. M. *Diskursivnye strategii samoprezentatsii v institutsional'nom internet-obshchenii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Discursive strategies of self-presentation in institutional online communication: author. kand. philol. sciences]. Moscow, 2011. 25 p.
7. Dijk T. A. van. *Discourse and the power. Representation of domination in language and communication* (Russ. ed.: Kozhemyakin E. A., Pereverzev E. V., Amatov A. M., transl. *Diskurs i vlast'. Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii*). Moscow, 2013. 344 p.).
8. Devyatkin D. A., Kuznetsova Yu. M., Chudova N. V., Shvets A. V. [Intellectual analysis of the manifestations of verbal aggression in the texts of online communities]. In: *Iskusstvennyi intellekt i prinyatie reshenii* [Artificial Intelligence and Decision Making], 2014, no. 2, pp. 27–41.
9. Kirilina A. V. [The concept of a dynamic object in the post-non-classical linguistics]. In: *Voprosy psikholingvistiki* [Issues of psycholinguistics], 2014, no. 4 (22), pp. 36–47.
10. Krongauz M. A. [Meme in the Russian Internet: the experience of deconstruction]. In: Guseynov G. Ch., comp. *Russkii yazyk i novye tekhnologii* [The Russian language and new technology]. Moscow, 2014, pp. 87–95.
11. Kupreichenko A. B., Shlyakhovaya E. V. [The credibility of the information as a factor of trust to electronic media]. In: *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya (elektronnyi zhurnal)* [Psychological and pedagogical researches (e-journal)], 2012, no. 1. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2012/1/2654.phtml> (accessed: 21.08.2019).
12. Kur'yanovich A. V. [Experience of the linguistic and legal features of the conflict linguistic identity (on the example of analysis of the communicative behavior of a troll in the network correspondence)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 2018, no. 2 (191), pp. 127–142.
13. Latynov V. V. *Psikhologiya kommunikativnogo vozdeistviya* [Psychology of the communicative impact]. Moscow, 2013. 368 p.
14. McLuhan H. M. *Understanding media: External expansion of a person* (Russ. ed.: *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka*). Moscow, Zhukovskiy, 2003. 464 p.).
15. Patarakin E. D. [A macroscopic approach to the analysis of joint network activities]. In: *Obrazovatel'nye tekhnologii* [Educational technology], 2017, no. 2, pp. 51–65.

16. Pavlov N. D., Grebenshchikova T. A., Voronin A. N., Zachesova I. A., Kubrak T. A. [Post-event discourse on the Internet]. In: Znakov V. V., Zhuravlev A. L., eds. *Psikhologiya cheloveka kak sub"ekta poznaniya, obshcheniya i deyatel'nosti* [The psychology of the man as the subject of cognition, communication and activities]. Moscow, 2018, pp. 1845–1851.
17. Radina N. K. [Intent-analysis of online discussions (on the example of commenting the materials of the Internet portal InoSMI)]. In: *Mediascope* [Mediascop], 2016, no. 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/2238> (accessed: 10.07.2019).
18. Romantovsky A. V. [Meta-communicative indices in the discourse of the online reviews]. In: *Vestnik leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin], 2015, vol. 1, no. 3, pp. 141–149.
19. Ryzhkov M. S. [Speech strategies and tactics of the Internet communication (in the chat)]. In: Kolokoltseva T. N., Lutovinova O. V., eds. *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya* [Internet communication as a new speech formation]. Moscow, 2016, pp. 72–86.
20. Sidorova I. G. [Communicative-pragmatic characteristics of personal and interpersonal genres of the Internet discourse]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics], 2011, no. 2 (14), pp. 154–159.
21. Chau D., Lee C. Discursive construction of identities in a social network-educational space: Insights from an undergraduate Facebook group for a linguistics course. In: *Discourse, Context & Media*, 2017, vol. 18, pp. 31–39.
22. Heirman W., Angelopoulos S., Wegge D., Vandebosch H., Eggermont S., Walrave M. Cyberbullying-Entrenched or Cyberbully-Free Classrooms? A Class Network and Class Composition Approach. In: *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2015, vol. 20, iss. 3, pp. 260–277.
23. Krasnova H., Widjaja T., Buxmann P., Wenninger H., Benbasat I. Why following friends can hurt you: An exploratory investigation of the effects of envy on social networking sites among college-age users. In: *Information Systems Research*, 2015, vol. 26 (3), pp. 585–605. DOI: <http://dx.doi.org/10.1287/isre.2015.0588>
24. Lemay D. J., Doleck T., Bazelaïs P. Do instrumental goal pursuits mediate feelings of envy on Facebook and Happiness or subjective well-being?. In: *Computers in human behavior*, 2019, vol. 91, pp. 186–191.
25. O'Sullivan P. B., Flanagan A. J. Reconceptualizing 'flaming' and other problematic messages. In: *New Media & Society*, 2003, vol. 5, no. 1, pp. 69–94.
26. Reicher S. D., Spears R., Postmes T., Kende A. Disputing deindividuation: Why negative group behaviours derive from group norms, not group immersion. In: *Behavioral and Brain Sciences*, 2016, vol. 39, E161. DOI: [10.1017/S0140525X15001491](https://doi.org/10.1017/S0140525X15001491)
27. Stroud N. J., Scacco J. M., Muddiman A., Curry A. L. Changing Deliberative Norms on News Organizations' Facebook Sites. In: *Journal of Computer Mediated Communication*, 2015, vol. 20, pp. 188–203. DOI: [10.1111/jcc4.12104](https://doi.org/10.1111/jcc4.12104)
28. Theocharis Y., Vitoratou S., Sajuria J. Civil Society in Times of Crisis: Understanding Collective Action Dynamics in Digitally Enabled Volunteer Networks. In: *Journal of Computer Mediated Communication*, 2017, vol. 22, pp. 248–265. DOI: [10.1111/jcc4.12194](https://doi.org/10.1111/jcc4.12194)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гребеничкова Таисия Александровна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: gretya@mail.ru

Кубрак Тина Анатольевна – кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: kubrak.tina@gmail.com

Павлова Наталия Дмитриевна – доктор психологических наук, заведующий лабораторией психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН;
e-mail: pavlova_natalya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Taisiya A. Grebenshchikova – PhD in Psychological sciences, senior researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: gretiya@mail.ru

Tina A. Kubrak – PhD in Psychological sciences, researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: kubrak.tina@gmail.com

Natalya D. Pavlova – Doctor of Psychological sciences., Head of the Laboratory of psychology of speech and psycholinguistics, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: pavlova_natalya@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гребенщикова Т. А., Кубрак Т. А., Павлова Н. Д. Дискурсивная реальность интернета // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 1. С. 92–100

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-92-100

FOR CITATION

Grebenshchikova T. A., Kubrak T. A., Pavlova N. D. Discursive reality of the Internet. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 1, pp. 92–100.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-92-100

УДК 19.00.01

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-101-109

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ПРИ ВХОЖДЕНИИ В ВУЗОВСКУЮ СРЕДУ

Даниленко Л. П.*Томский государственный архитектурно-строительный университет
634003, г. Томск, пл. Соляная, д. 2, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель. Целью исследования является изучение особенностей социально-психологической адаптации личности студента вуза. Рассматриваются позиции исследователей в отношении данной проблемы. Анализируются результаты анкетирования 74 студентов Архитектурно-строительного университета.

Процедура и методы исследования. Использовались теоретические методы (анализа, синтеза) и практические (анкетирование, обработка и анализ результатов). Методологию исследования составил системный подход, позволивший рассматривать социально-психологическую адаптацию личности студента вуза в качестве целостной системы со своими элементами.

Результаты исследования. Было выявлено, что адаптация для опрошенных студентов сопровождалась определёнными проблемами. Первокурсникам было трудно влиться в коллектив. Их учебные обязанности оказались более сложными, чем они представляли. В то же время основная масса опрошенных успешно справилась с поставленными задачами, прошла адаптацию.

Практическая значимость данного исследования заключается в анализе критериев адаптированности студентов к условиям вуза. Результаты исследования имеют особое значение для организации педагогического процесса в техническом вузе, так как способствуют эффективному усвоению учебного материала.

Ключевые слова: психологическая адаптация, межличностное взаимодействие, критерии адаптированности, классический психоанализ, социальная среда

FEATURES OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF STUDENTS WHEN ENTERING THE UNIVERSITY ENVIRONMENT

L. Danilenko*Tomsk State University of Architecture and Building
2 Solyanaya pl., Tomsk 634003, Russian Federation***Abstract.**

Purpose. The purpose of the article is to study the socio-psychological adaptation of the personality of the university students, to examine the position of researchers in relation to this problem. The results of the survey of 74 students of the University of Architecture and Building are analyzed.

Procedure and research methods. Theoretical methods (analysis, synthesis) and practical (questioning, processing and analysis of results) were used. The methodology of the study was a systematic approach that allowed us to consider the socio-psychological adaptation of the personality of a university student as an integral system with its elements.

Results. As a result of the study, it was revealed that during the adaptation process the interviewed students had certain problems. It was difficult for freshmen to join the team. Their training duties

were more complex than they had imagined. At the same time, the majority of respondents successfully coped with the tasks set, and completed adaptation. In conclusion, the main findings of the research are given.

Keywords: psychological adaptation, interpersonal interaction, adaptation criteria, classic psychoanalysis, social environment

Введение

Актуальной проблемой функционирования вуза является создание условий для успешной адаптации первокурсников к обучению, что способствует сохранению контингента студентов и обеспечивает качество их профессиональной идентификации.

Понятие «социально-психологическая адаптация» активно используется в социальной и педагогической психологии. Проблема адаптации активно изучалась в биологии, и в результате сформировалось представление об адаптации как о процессе приспособления строения и функций организмов (особей, популяций, видов) и их органов к условиям среды. Участие и роль психики в адаптивных процессах организма нашли своё отражение во многих конкретных исследованиях, обобщением которых стала концепция психической адаптации (Ф. Б. Березин, Ю. А. Александровский, А. А. Налчаджян, Н. А. Агаджанян).

Основная часть

Эффективная психическая адаптация предстаёт как необходимое условие успешной реализации мотивированного поведения в конкретных условиях среды. Важным аспектом психической адаптации человека является социально-психологическая адаптация, связанная с адаптацией личности к социуму. Впервые проблемы приспособления личности к социуму были рассмотрены в социологии. Г. Тард первым употребил понятие «социальная адаптация» по аналогии с адаптацией биологической [13, с. 180]. О проблеме социальной адаптации личности как об одной из сложнейших в психологии писал А. А. Реан. Социальная

адаптация – это постоянный процесс активного приспособления индивида к условиям социальной среды и результат этого процесса [10]. Вопрос социальной адаптации рассматривается и в работах Уэйд Э. Пикрен и Александры Резерфорд [14].

Собственно психологические проблемы, связанные с адаптацией личности к социуму, были поставлены ещё в работах З. Фрейда, писавшего о двух видах адаптации – аллопластической и аутопластической. Взаимодействие личности и общества, согласно классическому психоанализу, всегда противоречиво, и поэтому каждый человек неизбежно является носителем интрапсихического конфликта.

Методологические исследования

За последние годы в научной литературе появился интерес к проблемам, связанным с социально-психологической адаптацией студентов к условиям вуза. З. К. Малиева подчёркивает значимость применения современных образовательных технологий, способствующих формированию у студентов творческой, познавательной, коммуникативной, личностной активности [8, с. 128]. Исследования выявили трудности адаптации студентов младших курсов к новым для них условиям, а также к новой социокультурной среде. Однако вопросы, связанные с выявлением факторов, определяющих интенсивность адаптационного напряжения, ход и результаты процесса адаптации, далеко не решены. Было исследовано влияние некоторых индивидуальных (темпераментных, личностных) или социально-психологических факторов (образовательный статус родителей, проживание в городе или в селе до начала обучения в вузе) на успешность

социально-психологической адаптации студентов первого курса (Н. М. Голубева, А. А. Голованова, Л.-К. С. Будук-оол, Л. А. Ясюкова, С. В. Сергеева, О. А. Воскрекасено, В. И. Седин, Е. В. Леонова, О. Н. Локаткова, Н. В. Грушко, С. В. Чернобровкина и др.). Однако комплексной оценки влияния различных факторов на процесс и результаты социально-психологической адаптации студентов к процессу обучения в вузе пока сделано не было.

Таким образом, несмотря на всё возрастающий интерес в научной литературе к проблемам, связанным с социально-психологической адаптацией студентов, вопросы, связанные с определением психологических детерминант этого процесса, изучены пока явно недостаточно. Вместе с тем комплексная оценка факторов, определяющих успешность процесса адаптации студентов к условиям вуза, позволяет прогнозировать возможные трудности адаптации и построить систему их профилактики, а также оказания своевременной психолого-педагогической помощи студентам.

Социально-психологическая адаптация студентов представляет собой сложный, многогранный процесс, связанный с включением молодого человека в новую для него среду, усвоением новых способов деятельности, постепенным приобщением к будущей профессии. Авторы-исследователи по-разному характеризуют этот процесс. По мнению И. В. Григорьевской, адаптация к образовательному учреждению представляет собой приспособление студента к новым для него формам, методам и технологиям обучения, учебно-воспитательной и социально-бытовой деятельности [5, с. 125]. Как отмечает О. У. Гогицаева, начинается сложный процесс формирования личности студента, где значительную роль играет индивидуальная работа, направленная на воспитание высоких моральных и психических качеств студентов [4, с. 108].

Т. А. Власова характеризует адаптацию как процесс, связанный с усвоением социального опыта вузовской среды, включением личности в систему межличностного взаимодействия, приобщением к ценностям будущей профессии [3, с. 15]. О. В. Буховцева подчёркивает, что социально-психологическая адаптация студентов представляет собой активное творческое приспособление студента к условиям высшей школы [1, с. 243].

В работе С. В. Сергеевой и О. А. Воскрекасено адаптация студента в вузе тоже рассматривается как процесс активного освоения новой среды, но подчёркивается, что процесс этот двунаправленный, а студент является не только адаптируемой, но и адаптирующей стороной [11, с. 140].

О. Н. Локаткова подчёркивает, что адаптация студента представляет собой «вхождение» вчерашнего школьника в систему отношений внутри вуза, и этот процесс требует мобилизации биологических и социальных резервов ещё не вполне сформировавшегося организма [7, с. 55].

Некоторые различия в определении понятия социально-психологической адаптации в вузе связаны с тем, что она представляет собой сложный, многогранный процесс. Следовательно, можно дифференцировать различные виды адаптации к условиям высшего учебного заведения.

А. А. Орлов и соавторы полагают, что к таким видам можно отнести собственно социально-психологическую адаптацию, связанную с вхождением личности в коллектив сокурсников, дидактическую адаптацию, связанную с усвоением способов учебной деятельности в вузе, и профессиональную адаптацию, связанную с приспособлением к будущей профессии [9, с. 55].

Исследователи отмечают, что адаптация – это сложный, длительный, а во многих случаях – болезненный процесс. Выявлены выраженные психофизиче-

ские сдвиги, имеющие место в начальный период обучения, свидетельствующие о напряжении механизмов адаптации (увеличение лейкоцитов, лимфоцитов, гранулоцитов, изменение формулы эритроцитов и др.). Среди проблем, испытываемых первокурсниками, отмечают:

- непривычную учебную загруженность, неумение распределять время, организовать свою деятельность при отсутствии ежедневной проверки знаний, недостаток привычного психологического и бытового комфорта; снижение устойчивости внимания, работоспособности;

- недостаточность школьных навыков для освоения вузовского материала с его обоснованно высокими требованиями, повышенную тревожность, страх перед экзаменами;

- трудности вхождения в новый коллектив.

Исследователи отмечают, что эти трудности носят как объективный, так и субъективный характер. Т. А. Власова сгруппировала все указанные трудности, разделив их на три основные группы:

- 1) дидактические трудности (работа с большим объёмом материала, самостоятельная организация учебы и др.);

- 2) социально-психологические трудности (интеграция личности со студенчеством, принятие его ценностей, стандартов поведения);

- 3) профессиональные трудности (идентификация с будущей профессиональной деятельностью и социальной ролью) [3, с. 17].

Исследователи по-разному определяют этапы процесса адаптации студентов к условиям вуза. Т. А. Власова полагает, что адаптация первокурсника проходит стадии социально-психологической адаптации, определённые В. А. Петровским – адаптация, индивидуализация, интеграция. На этапе адаптации студент преимущественно испытывает на себе влияние новой для него вузовской среды; на этапе индивидуализации он активно проявляет

свои индивидуальные способности и черты личности; на этапе интеграции – становится активной частью этой социальной среды, воздействует на окружение.

Многие авторы полагают, что социальная среда характеризуется постоянной изменчивостью, поэтому процесс адаптации происходит непрерывно. Действительно, во время обучения студента всегда появляются какие-то новые условия: меняются преподаватели и изучаемые предметы, меняется состав студенческой группы, студент начинает принимать участие в учебно-производственной практике, многие студенты участвуют в творческой и научно-исследовательской деятельности, поэтому адаптация идёт постоянно, но можно рассматривать социально-психологическую адаптацию студентов и в более узком смысле – как более ограниченный во времени, напряжённый процесс приспособления, когда не отдельные преподаватели или формы занятий, а условия вуза в целом являются для студентов новыми. Нам представляется более близкой позиция И. Н. Симаевой, согласно которой процесс адаптации включает в себя различные виды адаптации, обладающие различной продолжительностью: физиологическая адаптация (продолжительность – около 2 недель), психологическая (около 2 месяцев), социально-психологическая (2–3 года) [12, с. 76].

Что касается критериев адаптированности студента в вузе, исследователи относят к ним и субъективную удовлетворённость студента процессом и результатами обучения, и уровень его активности в учебе и жизни вуза, и наличие профессиональной направленности, стремления заниматься профессиональной деятельностью по профилю подготовки. М. В. Яковлева выдвигает целый ряд критериев: положительную динамику обученности, адекватность самооценки, пониженный уровень беспокойства, качественные изменения в мотивационной сфере.

Т. А. Власова использует критерии адаптации, сформулированные К. Роджерсом и реализованные в его методике изучения социально-психологической адаптации – самопринятие, принятие других, эмоциональный комфорт, интернальность, стремление к доминированию [3, с. 19].

Многие авторы полагают, однако, что необходимо выработать обобщённые критерии адаптированности студентов в вузе. А. А. Виноградова полагает, что можно использовать три обобщённых критерия: когнитивный, мотивационно-волевой и социально-коммуникативный [2, с. 40]. Показателями адаптированности по когнитивному критерию являются успешность обучения, сформированность навыков самостоятельной учебной деятельности, научного творчества, решения сложных практических задач, познавательная активность. Показателями адаптированности по мотивационно-волевому критерию являются сформированность учебной мотивации, самостоятельность, стремление подготовиться к будущей профессиональной деятельности. Н. В. Козловская подчёркивает: «Сегодня будущему профессионалу недостаточно иметь просто хороший багаж знаний и умений, ему необходимы такие качества, которые бы позволили быстро адаптироваться в новых условиях, обладать профессиональной мобильностью, быть востребованным на рынке труда» [6, с. 259]. Показателями адаптированности по социально-коммуникативному критерию являются отсутствие тревожности, уверенность, низкий уровень конфликтности, инициативность.

Некоторые авторы (В. Г. Асеев, Ю. И. Толстых) предлагают разделение критериев адаптированности на объективные и субъективные. К объективным относят эффективность обучения, статус и авторитет студента в коллективе, а к субъективным – отношение к группе, удовлетворённость процессом обучения и взаимоотношениями в группе, само-

оценку своего статуса в группе, проявление студентом активности и творчества, удовлетворённость собой.

Таким образом, исследователи используют различные частные и интегральные критерии определения степени адаптированности студентов к условиям вуза.

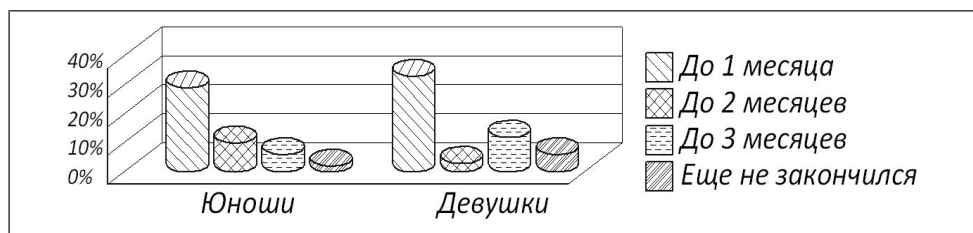
С целью выявления социально-психологических особенностей адаптации студентов было проведено анкетирование, в котором приняли участие 74 студента первого курса Архитектурно-строительного университета. Использовались теоретические методы (анализа, синтеза) и практические (анкетирование, обработка и анализ результатов). Методологию исследования составил системный подход, позволивший рассматривать социально-психологическую адаптацию личности студента вуза в качестве целостной системы со своими элементами.

Гендерная структура опрошенных следующая: юноши составили 46 %, девушки – 54 %. Задачи исследования:

1. Выяснить период адаптации студентов.
2. Отметить причины трудности адаптации.

По результатам опроса можно сделать следующие выводы. На первый вопрос о продолжительности периода освоения в вузе почти все респонденты ответили – до 1 месяца (рис. 1) У девушек немного преобладает данный ответ. Это свидетельствует о быстроте освоения студентов в вузе.

На второй вопрос «Что Вам показалось наиболее сложным в течение этого периода?» (рис. 2), больше всего респондентов, а именно 36 %, ответили: вливание в студенческий коллектив. 34 % респондентов отметили учебные обязанности. 21 % указали на условия обучения, и 7 % отметили вариант: другое. Юноши в большей степени не справляются с вливанием в коллектив, нежели девушки. На десять процентов больше девушек, чем юношей сталкиваются с проблемами условий труда. Это нам говорит о том, что девушки легко приспосабливаются к но-

Источник: составлено автором.

Рис. 1. Как долго продолжался у Вас период адаптации в вузе?

Fig. 1. How long did your period of adaptation at the University last?

Источник: составлено автором.

Рис. 2. Что Вам показалось наиболее сложным в течение этого периода?

Fig. 2. What did you find most difficult during this period?

вому коллективу и очень часто встречаются трудности, связанные с условиями труда организации.

Следующий вопрос звучал так: «Удалось ли Вам решить возникшие проблемы?» (рис. 3). 91 % респондентов ответили, что справились. Только 9 % респондентов ответили, что не смогли решить возникшие проблемы. Возможно, их ответ был обусловлен лишь частичным решением данной проблемы.

На вопрос о том, помогали ли одногруппники ускорить процесс адаптации, 91 % отметили, что не ощутили поддержки с их стороны, 9 % заявили, что им помогли одногруппники.

В целом следует констатировать, что адаптация для опрошенных студентов сопровождалась определёнными проблемами. В первую очередь можно отметить то, что первокурсникам было трудно влиться в коллектив, их учебные обязан-

Источник: составлено автором.

Рис. 3. Удалось ли Вам решить возникшие проблемы?

Fig. 3. Did you manage to solve the problems?

ности оказались более сложными, чем они представляли. В то же время основная масса опрошенных успешно справилась с поставленными задачами, прошла адаптацию.

Необходимо отметить, что в современной психологии под социально-психологической адаптацией понимается процесс активного взаимодействия личности и социальной среды, возникающий вследствие несогласованности их ценностей, установок, целей, в ходе которого могут достигаться как цели, связанные с приспособлением личности к социальной среде, так и цели самореализации личности и её активного воздействия на среду.

Среди критериев успешности адаптации личности принято выделять внешний (степень приспособленности) и внутренний (степень субъективного благополучия), однако делаются попытки найти третий, системный критерий,

характеризующий взаимодействие личности и среды.

Заключение

Социально-психологическая адаптация студентов к условиям вуза представляет собой сложный, многогранный процесс, связанный с включением молодого человека в новую для него среду, усвоением новых способов деятельности, постепенным приобщением к будущей профессии. В целом необходимо констатировать, что в научной литературе сформировались различные подходы к определению социально-психологической адаптации личности студента вуза. Исследователи выделяют этапы этого процесса и влияющие на него факторы. С целью выявления социально-психологических особенностей адаптации студентов было проведено анкетирование, в котором приняли участие 74 студента первого курса Архитектурно-строительного универси-

тета. Анкетирование студентов показало, что большинство из них испытывает трудности адаптации, которые им удаётся решить в течение первого месяца обучения в вузе. В то же время порядка 9 %

первокурсников не смогли преодолеть проблемы адаптации.

Статья поступила в редакцию 21.11.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Буховцева О. В. Оптимизация процесса адаптации студентов I курса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 132. С. 242–248.
2. Виноградова А. А. Адаптация студентов младших курсов к обучению в вузе // Образование и наука. 2008. № 3 (51). С. 37–48.
3. Власова Т. А. Социально-психологическая адаптация студентов младших курсов к условиям обучения в вузе // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 1. С. 13–22.
4. Гогицаева О. У. Индивидуальная работа со студентами // Педагогическая деятельность в режиме инноваций. Концепции, подходы, технологии: научно-методический сборник. Чебоксары, 2015. С. 107–109.
5. Григорьевская И. В. Факторы адаптации студентов к образовательной среде колледжа // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 11 (139). С. 124–126.
6. Козловская Н. В., Тагирова Т. А. Психологические условия процесса успешной профессионализации студентов в вузе // Инновационная наука. 2016. № 1. С. 259–261.
7. Локаткова О. Н. Социально-психологические факторы адаптации первокурсников в высших и средних учебных заведениях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2012. № 3. С. 54–56.
8. Малиева З. К. Применение современных образовательных технологий в профилактике морального отчуждения студентов // Высшее образование в России. 2015. № 10. С. 126–132.
9. Орлов А. А. Динамика личностного и профессионального роста студентов педвуза / А. А. Орлов, Е. И. Исаев, И. Л. Федотенко, И. М. Туревский // Педагогика. 2004. № 3. С. 53–60.
10. Реан А. А. Психология личности. СПб., 2017. 286 с.
11. Сергеева С. В., Вокрекасенко О. А. Основные направления педагогического сопровождения студентов-первокурсников к образовательному процессу вуза // Гуманитарные науки. Педагогика. 2008. № 3. С. 137–144.
12. Симаева И. Н. Динамика эмоционально-чувственного состояния личности в процессе адаптации к деятельности. Калининград, 2002. 129 с.
13. Хадикова И. М. Условия развития психологической культуры личности студента // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2014. № 4 (19). С. 180–182.
14. Pickren W. E., Rutherford A. A history of modern psychology in context. Hoboken, New Jersey. 2010. 380 p.

REFERENCES

1. Bukhovtseva O. V. [Optimization of the process of adaptation of students of the first course]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Proceedings of Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen], 2011, no. 132, pp. 242–248.
2. Vinogradova A. A. [Adaptation of students of younger courses to the study at the university]. In: *Obrazovanie i nauka* [Education and science], 2008, no. 3 (51), pp. 37–48.
3. Vlasova T. A. [Socio-psychological adaptation of junior students to training conditions in higher education institution]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University], 2009, no. 1, pp. 13–22.
4. Gogitsaeva O. U. Individual'naya rabota so studentami [Individual work with students]. In: *Pedagogicheskaya deyatel'nost' v rezhime innovatsii. Kontseptsii, podkhody, tekhnologii* [Educational activities in the mode of innovation. Concepts, approaches, technologies]. Cheboksary, 2015, pp. 107–109.

5. Grigor'evskaya I. V. [Factors of students' adaptation to the educational environment of the college]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 2013, no. 11 (139), pp. 124–126.
6. Kozlovskaya N. V., Tagirova T. A. [Psychological conditions of the successful process of students' professionalization at the university]. In: *Innovatsionnaya nauka* [Innovative science], 2016, no. 1, pp. 259–261.
7. Lokatkova O. N. [Socio-psychological factors of adaptation of first-year students in higher and secondary educational institutions]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [Proceedings of Saratov University. New series. Series: Educational Acmeology. Developmental psychology], 2012, no. 3, pp. 54–56.
8. Malieva Z. K. [The application of modern educational technology in the prevention of moral alienation of students]. In: *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2015, no. 10, pp. 126–132.
9. Orlov A. A., Isaev E. I., Fedotenko I. A., Turevsky I. M. [The dynamics of personal and professional growth of students of pedagogical higher school]. In: *Pedagogika* [Pedagogy], 2004, no. 3, pp. 53–60.
10. Rean A. A. *Psikhologiya lichnosti* [Personality psychology]. St. Petersburg, 2017. 286 p.
11. Sergeeva S. V., Voskresasenko O. A. [The main directions of pedagogical support to the first-year students into the educational process of the university]. In: *Gumanitarnye nauki. Pedagogika* [Humanities. Pedagogy], 2008, no. 3, pp. 137–144.
12. Simaeva I. N. *Dinamika emotsional'no-chuvstvennogo sostoyaniya lichnosti v protsesse adaptatsii k deyatel'nosti* [The dynamics of the emotional state of the individual in the process of adaptation to activities]. Kaliningrad, 2002. 129 p.
13. Khadikova I. M. [Conditions of student's psychological culture development]. In: *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya* [Vector of science of Togliatti State University. Series: Pedagogics, psychology], 2014, no. 4 (19), pp. 180–182.
14. Pickren W. E., Rutherford A. A history of modern psychology in context. Hoboken, New Jersey. 2010. 380 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Даниленко Людмила Петровна – доцент кафедры иностранных языков Томского государственного архитектурно-строительного университета;
e-mail: danilenkolp@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lyudmila P. Danilenko – associate professor of the Department of Foreign Languages, Tomsk State University of Architecture and Building;
e-mail: danilenkolp@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Даниленко Л. П. Особенности социально-психологической адаптации студентов при вхождении в вузовскую среду // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 1. С. 101–109.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-101-109

FOR CITATION

Danilenko L. P. Features of social and psychological adaptation of students when entering the university environment. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 1, pp. 101–109.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-101-109

УДК 316.654

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-110-121

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАРОДА САХА О «ХАРАКТЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ ЯКУТИИ» В РАЗЛИЧНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУППАХ

Елисеева Н. Д.*Институт психологии Российской академии наук**129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. В статье представлены результаты исследования социальных представлений народа саха о «характере людей, проживающих в Якутии».

Процедура и методы исследования. Исследование проводилось по всей Якутии в 2018 г. Полученные результаты обрабатывались с помощью прототипического анализа социальных представлений по П. Вержесу. Выборка исследования разделена на четыре группы с учётом возрастных особенностей и значимого для якутского общества социального события – принятия Суверинитета Республики Саха (Якутия) в 1991 г.

Результаты проведённого исследования. Выявлено, что ядро социальных представлений остаётся неизменным, влиянию подвержены периферии социальных представлений. Ядро социальных представлений во всех группах содержит элемент «выносливые», периферия отражает как общечеловеческие, так и культурно-специфические элементы.

Теоретическая и практическая значимость. Выбор в качестве предмета исследования социальных представлений позволит определить отношение людей к актуальным для общества вопросам.

Ключевые слова: социальные представления, саха, возрастные особенности, социально значимые события, культурно-специфичные, природные условия, выносливые

SOCIAL REPRESENTATIONS OF THE SAKHA PEOPLE ABOUT “CHARACTER OF INHABITANTS OF YAKUTIA” IN VARIOUS AGE GROUPS

N. Eliseeva*Institute of psychology, Russian Academy of Sciences**13, Yaroslavskaia ul., Moscow, 129366, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. The article presents the results of the study of social representations of the Sakha people about “the character of people living in Yakutia”.

Methodology and Approach. The study was conducted throughout Yakutia in 2018. The results were processed using prototypical analysis of social representations by P. Verges. The sample of the study is divided into four age groups, taking into account age characteristics and a significant social event for the Yakut society – the adoption of the Sovereignty by the Republic of Sakha (Yakutia) in 1991.

Results. It is revealed that the core of social representations remains unchanged, the periphery of social representations are the subject to influence. The core of social representations in all groups contains the element “enduring”, the periphery reflects both universal and culturally specific elements.

Theoretical and Practical Implications. The choice of social representations as a subject of research will allow to define the relation of people to the questions actual for society.

Keywords: social representations, Sakha, age features, socially significant events, cultural-specific, natural conditions, enduring

Введение

Исследование общественного самосознания является необходимым условием для понимания процессов, происходящих в обществе, и выстраивания наиболее оптимального пути решения социально-психологических проблем на макроуровне. Т. П. Емельянова считает, что макропсихологические исследования особенно необходимо проводить в обществах, испытавших трансформации [6].

В современной социальной психологии методов исследования макроизменений не так уж и много. Одним из них, способным улавливать актуальное состояние большой группы, является метод исследования социальных представлений. «Социальные представления, будучи системами интерпретации явлений, фактов и событий социальной жизни, отвечают этой потребности и образуют смысловые конструкции, содержащие объяснения волнующих людей проблем» [5, с. 438]. Основоположником в исследовании социальных представлений является С. Московичи [17; 18]. В отечественной психологии в исследование социальных представлений большой вклад сделала Т. П. Емельянова и её ученики (Емельянова, 2016; Емельянова, 2019 и др.). Проведены также многочисленные исследования социальных представлений коллективом Института психологии РАН (Соснина, Воловикова, 2001; Мустафина, 2012; Борисова, Воловикова, 2016 и др.).

Республика Саха (Якутия) на современном этапе её развития испытывает трансформационные изменения, как и Россия в целом [5; 15]. В последние годы в связи с федерализацией государственного устройства начинают происходить изменения в сторону укрупнения регионов. Данному процессу предшествовала национализация республик и регионов после распада Советского Союза.

Проблема изменения обыденного сознания жителей Якутии под влиянием

социально-экономических изменений общества изучалась нами посредством исследования имплицитных представлений (Елисеева, 2004; Елисеева, 2019). Было выявлено, что в целом наблюдается стабильность основных предикторов имплицитных представлений о нравственном человеке. Неизменными остаются такие нравственные категории, как взаимопомощь и поддержка, уважение к старшим, к себе, к окружающим, а также к природному миру, значимость следования традициям, почитания природного мира, основанного на субъектном отношении к природе [4, с. 158].

Целью исследования, представленного в данной статье, является изучение социальных представлений саха о характере людей, проживающих в Якутии. Здесь следует дать пояснения понятиям «саха» и «якутский»: саха – это самоназвание якутов. Здесь мы будем обозначать под словом «саха» этнос саха и представления народа саха, а словом «якутский» будем обозначать территориальную принадлежность, т. е. якутяне – это люди, живущие на территории Якутии.

В нашем исследовании мы исходили из предположения, что социальные представления людей различных возрастных групп будут отражать трансформационные изменения общества, происходившие за последние десятилетия. Наиболее значимыми социальными событиями, произошедшими в Якутии и имеющими значение для мировоззрения народа, являются принятие Суверенитета Республики Саха (Якутия) в 1990 и отказ от него в 2009 гг.

Таким образом, при формировании возрастных групп среди взрослых была учтена дата принятия Суверенитета Республики Саха (Якутия). С учётом данной даты взрослые были разделены на две группы: до 40 лет и старше 40 лет. Взрослые до 40 лет – это люди, взросле-

ние которых приходилось на период роста национального самосознания, произошедшего после принятия Суверенитета Республики Саха (Якутия). Взрослые после 40 лет же – это люди, период взросления которых пришёлся на время СССР. Возрастные группы молодёжи и подростков были разделены с учётом социальной ситуации развития и становления Я-концепции: подростки с 14 до 18 лет и молодые люди до 25 лет. В нашем исследовании существовали различия в социальной ситуации – подростки проживали с родителями, а молодые люди были студентами, проживающими в общежитии. Данное различие, помимо психологических особенностей возраста, указанных в трудах Д. Б. Эльконина, В. Б. Божович, Э. Эриксона, на наш взгляд, также имеет своё значение [1; 13; 14].

В исследовании приняли участие 726 человек от 14 до 75 лет, из них 402 женщины и 324 мужчины. Выборка была разделена на 4 возрастные группы:

1 группа – старшие школьники с 15 до 18 лет. Всего 246 подростков, из них 126 девочек, 120 мальчиков;

2 группа – молодые люди с 19 до 25 лет. Всего 114 человек, из них 62 девушки и 52 юноши;

3 группа – взрослые с 26 до 39 лет. Всего 237 человек, из них 131 женщина и 106 мужчин;

4 группа – взрослые с 40 лет и старше. Всего 129 человек, из них 83 женщины и 46 мужчин.

Респондентами выступили представители народа саха. Этническая принадлежность выявлялась по самоопределению.

Эмпирическое исследование проводилось в 2018 г. в 25 муниципальных районах республики (всего в Якутии 34 муниципальных района). География исследования охватывает все зоны Якутии: северную арктическую, южную промышленную и центральную.

В качестве метода исследования был использован ассоциативный метод. Респондентам была представлена следующая

инструкция: «Назовите ассоциации, возникающие на слова “Особенности характера людей, живущих в Якутии”». Учитывая специфику выборки, инструкция была представлена на двух языках: якутском и русском.

Полученные данные обрабатывались с помощью частотного анализа и прототипического анализа П. Вержеса. При подготовке результатов исследования к прототипическому анализу мы работали не с обобщёнными категориями, а с определёнными ассоциациями, которые приводили респонденты. Объединялись только различные словоформы и синонимы одного и того же слова.

Результаты исследования

Для создания общей картины приведём вначале результаты частотного анализа всех ассоциаций по общей выборке. Таким образом мы выделим наиболее популярные по всей выборке ассоциации относительно якутского менталитета.

Частотный анализ дал 110 ассоциаций, из которых мы выявили 30, занимающих не менее 1 % в общей совокупности ассоциаций (табл. 1).

На первом месте находится ассоциация «выносливые». Данная ассоциация занимает почти 14 % от всей совокупности ассоциаций. Следующая ассоциация «добрые» идёт с большим отрывом от первой, её общий вес составляет 6 % от общего количества ассоциаций. Другие ассоциации же имеют небольшой отрыв друг от друга. Анализ данных слов будет представлен ниже, так как большая часть этих ассоциаций участвовала в дальнейшей обработке.

Среди выделенных ассоциаций есть как позитивно, так и негативно окрашенные. Из 110 ассоциаций 32 имеют негативный характер. По частоте встречаемости негативных ассоциаций намного меньше (14 % от всей выборки), чем позитивных. Негативно окрашенными ассоциациями, перешагнувшими рубеж 1 %, являются: “замкнутые”, “упрямые”

Таблица 1

Результаты частотного анализа ассоциаций

Table 1

Results of frequency analysis of associations

Ассоциации	Частота встречаемости ассоциации	% от общего количества ассоциаций
Выносливые	229	13,51
Добрые	99	5,84
Гостеприимные	66	3,89
Трудолюбивые	65	3,83
Приветливые	61	3,60
Скромные	61	3,60
Следуют традициям	52	3,07
Суровые	49	2,89
Умные	47	2,77
Сдержанные	44	2,60
Сильные духом	43	2,54
Замкнутые	39	2,30
Упрямые	38	2,24
Сильные	33	1,95
Отзывчивые	28	1,65
Искренние	26	1,53
Доверчивые	26	1,53
Жизнерадостные	26	1,53
Упорные	24	1,42
Нравственные	23	1,36
Смелые	23	1,36
Спокойные	23	1,36
Близкие к природе	21	1,24
Верят в Айыы	20	1,18
Целеустремленные	20	1,18
Невозмутимые	18	1,06
Жалостливые	17	1,00
Некультурные	17	1,00
Патриоты	17	1,00
Талантливые	17	1,00

Источник: составлено автором.

и “некультурные”. Позитивные ассоциации: “выносливые”, “добрые”, “гостеприимные”, “трудолюбивые”, “приветливые”, “скромные”, “умные”, “сильные духом”, “сильные (физически)”, “отзывчивые”, “искренние”, “доверчивые”, “жизнерадостные”, “упорные”, “нравственные”, “смелые”, “спокойные”, “целеустремленные”, “жалостливые”, “патриоты” и “талантливые”. Имеются также ассоциации, носящие нейтральный характер, которые, скорее, констатируют наблюдаемые респондентами факты: “следуют традициям”, “близкие к природе”, “верят в добрые божества - Айыы”. Следует также отметить ассоциации, которые можно трактовать двояко, как отрицательно, так и позитивно. Это – “суровые”, “сдержанные”, “невозмутимые”.

Для представления более ясной картины якутского менталитета необходим дальнейший анализ по каждой возрастной группе. Для этого нами был использован прототипический анализ П. Вержеса, который выступает одним из методов

выявления структуры социальных представлений. Компоненты структуры социальных представлений – ядро и периферия – имеют своё значение. Ядро – это константная часть социальных представлений, оно имеет связь с коллективной памятью, а периферия определяет зону потенциального развития социальных представлений в современном обществе. В интерпретации структуры социальных представлений по П. Вержесу важным является анализ ядра, левого верхнего квадрата, а также близких к ядру и первой периферии правого верхнего и левого нижнего квадратов [8]. Элементы, попавшие в данные зоны, являются потенциальными и могут в дальнейшем перейти в ядро или в зону ближайшей к ядру периферии. От собственно периферии, которая представлена правым нижним квадратом, можно абстрагироваться [2].

Рассмотрим структуру социальных представлений старших школьников (табл. 2).

Таблица 2

Структура социальных представлений старших школьников

Table 2

Structure of social representations of high school students

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	< 1,84	≥ 1,84
> 15	Выносливые (67: 1,54)	Добрые (23: 1,96); Приветливые (18: 1,5); Гостеприимные (16: 1,88); Следуют традициям (16: 1,88)
≤ 15	Сильные (12: 1,42); Суровые (14: 1,5)	Трудолюбивые (14: 1,93); Скромные (13: 2,08); Упрямые (13: 2,38); Умные (12: 2)

Источник: составлено автором.

Как видно из таблицы 2, в ядре элемент *выносливые*. В зоне периферии следующие элементы: “добрые”, “приветливые”, “гостеприимные” и “следуют традициям”. В первой зоне находятся элементы: “сильные” и “суровые”. В четвёртый квадрат, в зону собственно периферии, входят эле-

менты – “трудолюбивые”, “скромные”, “упрямые”, “умные”.

В следующей таблице дана структура социальных представлений молодых людей (табл. 3).

Ядро социальных представлений в данной группе включает два элемента: *вынос-*

Таблица 3

Структура социальных представлений молодых людей

Table 3

Structure of young people's social representations

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	< 1,81	≥ 1,81
> 11	Выносливые (32: 1,44); Добрые (18: 1,72);	Гостеприимные (14: 1,93); Трудолюбивые (12: 2,75)
≤ 11	Упрямые (11: 1,36); Сдержанные (8: 1,75); Сильные духом (7: 1,43)	Приветливые (11: 2,27); Суровые (11: 2,09); Жизнерадостные (8: 2,75); Замкнутые (11: 2,27); Следуют традициям (8: 2,38); Упорные (7: 1,86)

Источник: составлено автором.

ливые и «добрые». Здесь элемент «добрые» переходит в ядро из ближайшей периферии, в которой он был представлен в группе старших школьников. Возможно, здесь мы наблюдаем процесс формирования структуры социальных представлений на различных возрастных этапах. Зона ближайшей периферии состоит из элементов «гостеприимные» и «трудолюбивые». Зона первой периферии представлена элементами «упрямые», «сдержанные» и «сильные духом». Зона собственно периферии включает 6 элементов, которые также ча-

стично представлены в группе старших школьников: «приветливые», «суровые», «жизнерадостные», «замкнутые», «следуют традициям» и «упорные».

Далее рассмотрим структуру социальных представлений людей среднего возраста (табл. 4).

В группе взрослых до 40 лет ядро социальных представлений также включает один элемент: *выносливые*. В зоне ближайшей к ядру периферии находятся следующие элементы: «скромные», «сдержанные», «добрые», «умные», «замкну-

Таблица 4

Структура социальных представлений взрослых до 40 лет

Table 4

Structure of social representations of adults under 40

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	< 2,08	≥ 2,08
> 18,5	Выносливые (76: 1,84)	Скромные (32: 2,41); Сдержанные (28: 2,04); Добрые (33: 2,24); Умные (19: 2,84); Замкнутые (20: 2)
≤ 18,5	Сильные духом (25: 1,48); Общительные (18: 1,89); Суровые (18: 1,72); Следуют традициям (15: 1,67)	Рассудительные (15: 2,2); Доверчивые (13: 2,15); Трудолюбивые (13: 2,38); Сильные (12: 2,08); Смелые (18: 2,39)

Источник: составлено автором.

тые». В зоне первой периферии имеются следующие элементы: «сильные духом», «общительные», «суровые» и «следуют традициям». Зона собственно периферии представлена следующими элементами:

«рассудительные», «доверчивые», «трудолюбивые», «сильные», «смелые».

В последней таблице дана структура социальных представлений людей старшего поколения (табл. 5).

Таблица 5

Структура социальных представлений взрослых старше 40 лет

Table 5

Structure of social representations of adults over 40

Частота ассоциации	Средние ранг ассоциации	
	< 2,31	≥ 2,31
> 12	Выносливые (54: 1,59); Добрые (24: 2,17); Общительные (14: 2,21); Следуют традициям (13: 2,15); Рассудительные (14: 1,86)	Трудолюбивые (26: 2,65)
≤ 12	Скромные (12: 2,25); Спокойные (9: 2,22); Отзывчивые (8: 2,13); Сплоченные (7: 1,86)	Гостеприимные (12: 3,17); Умные (11: 2,45); Сильные (8: 2,5); Доверчивые (7: 3); Нравственные (7: 2,57)

Источник: составлено автором.

В группе взрослых старше 40 лет структура ядра содержит наибольшее количество элементов: «выносливые», «добрые», «приветливые», «следуют традициям» и «рассудительные». В зоне ближайшей периферии только один элемент: «трудолюбивые». В зоне первой периферии следующие элементы: «скромные», «спокойные», «отзывчивые» и «сплоченные». В зону дальней периферии переместились следующие элементы: «гостеприимные», «умные». Помимо них в данной зоне находятся элементы «доверчивые» и «нравственные».

Обсуждение результатов

В нашем исследовании мы рассматривали менталитет как категорию надэтническую. Хотя выборка этнически однородная (по самоопределению респондентов), вопрос, который мы им задавали, расширяет рамки одного этноса: «Назовите ассоциации, возникающие на слова "Особенности характера людей,

живущих в Якутии"». Полученные результаты свидетельствуют о том, что в понятие «характер людей, проживающих в Якутии» респонденты вкладывают черты характера представителя своего народа – народа саха.

В первую очередь это качество – выносливость. Данное качество имеет наибольший вес, помимо этого является постоянным элементом ядра социальных представлений. «Выносливый» в словаре Д. Н. Ушакова означает «стойкий, способный много выносить, терпеть. Не гибнущий в неблагоприятных условиях»¹. Значимость данного качества в якутском менталитете обусловлена суровыми климатическими условиями, которые породили главное требование к человеку – выжить. Резко-континентальный климат (до -73° зимой и +40° летом), зима продолжительностью 9 месяцев являются суровыми условиями для проживания

¹ См.: Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М., 2005. С. 1102.

человека. В этих условиях жизнь человека не обходится без лишений и трудностей. Отсюда выносливость – это важная черта характера, способствующая выживанию человека. Исследователи, изучавшие коренные народы Якутии, сходятся во мнении, что ежедневная борьба с суровой стихией Севера выковала личность смелого, честного, терпеливого человека с обостренным чувством собственного достоинства [7; 12]. Интересно, что, несмотря на процесс урбанизации, затронувший Якутию, выносливость является важным элементом якутского менталитета как для взрослых, так и для подростков. В исследовании А. П. Оконешниковой, проведенном в середине 80-х гг. прошлого столетия, было выявлено, что наиболее часто встречаемыми положительными качествами в автостереотипах саха являются высокое интеллектуальное развитие, доброта, трудолюбие и честность [9]. В нашем исследовании ассоциации «добрые», «трудолюбивые» и «умные» также являются одними из наиболее часто встречаемых. Качество «добрые» входит в ядро социальных представлений молодых людей до 25 лет и взрослых старше 40 лет.

В целом в ответах респондентов много перечислений различных аспектов проявления воли: выносливость, сила духа, упорство, упрямство, целеустремленность. В отдельный кластер можно выделить также черты характера, раскрывающие человека как субъекта общения – гостеприимный, отзывчивый, скромный, искренний, доверчивый, спокойный, жалостливый, некультурный. Имеются также элементы, характеризующие отношение человека к своему народу, культуре: следуют традициям, близкие к природе, верят в добрые божества – Айыы.

Обсудим анализ структуры социальных представлений по возрастным группам.

Подростки воспринимают своих соотечественников в целом положительно.

Мы приходим к этому мнению, исходя из того, что черта характера «суровые» не считается в якутской культуре отрицательной, как правило, качество «суровый» в обыденной жизни используется в описании человека мужественного. С учётом элементов периферии – «суровые» и «сильные» – можно сделать вывод, что в представлениях подростков люди, проживающие в Якутии, с одной стороны, доброжелательные, открытые, уважающие свои этнические корни, а с другой стороны, мужественные, их выносливость подпитывается физической силой.

Представления молодых людей имеют различия с представлениями подростков. Здесь, с одной стороны, соотечественники гостеприимные, но, с другой стороны, упрямые. Следует пояснить, что при первичной обработке результатов черты характера «упорные», «настойчивые», «упрямые», «упертые» были разделены на понятия «упорные» и «упрямые», где «упорные» – это проявление силы воли с положительным оттенком, а «упрямые» – это проявление воли с негативным оттенком. Однако с учётом того, что в ядре имеется элемент «добрые», в целом представление молодых людей тоже положительное. В представлениях молодых людей имеется качество «замкнутые». Данное качество является отличительной особенностью северных народов, которая не заключается в скрытности или нелюдимости, а является продолжением сдержанности человека. В поведении это проявляется в стремлении человека не выделяться на фоне окружающих, не проявлять активности и открытости без необходимости, в общении – в стремлении давать собеседнику возможность выразиться в разговоре первым, в межличностных отношениях – стремление сохранить личное пространство, оставляя за собой право на собственное самовыражение. У молодых людей также есть отличие от подростков в том, что подпиткой для выносливости они считают силу духа, а не физическую силу.

Третья возрастная группа взрослых до 40 лет составляет для нас особый интерес, так как именно к этой группе привязана наша гипотеза о влиянии Суверенитета Республики Саха (Якутия) на рост национального самосознания саха. Первое, на что обращается внимание здесь, это наличие двух противоречащих качеств: «замкнутые» и «общительные» – в двух периферийных зонах социальных представлений. Казалось бы, эти два противоречивых качества не возможны в описании одного человека или группы, как в нашей случае. Для демонстрации возможности данного единства приведём отрывок из книги «Якуты и их страна»: «Характер якутов отличается сдержанностью, скрытностью, они любят солидность в движениях, обстоятельность в речи; очень общительны, работящи, все лето проводят в тяжелых трудах...» [16, с. 19]. Исследователь Р. К. Маак описывал своего проводника во время путешествия по Вилюйскому округу как человека немногословного и даже замкнутого, но в то же время удивительно общительного, способного провести за интересной беседой всю ночь [7]. Скромность, вошедшая в представления о своих соотечественниках, также является отличительной чертой саха. О скромности, нежелании коренных жителей хвастаться своими успехами и умениями упоминали русские путешественники и политические ссыльные [11], скромность детей дошкольного возраста отмечали русские воспитатели в исследовании А. П. Оконешниковой [9]. Д. Г. Брагина отмечает скромность в отношениях между современными девушками и юношами [3]. Таким образом, в представлении взрослого населения современные якутяне соответствуют качествам, предъявляемым к саха испокон веков. На первый взгляд, сильных отличий от других в социальных представлениях этой возрастной группы не наблюдается, но именно здесь собраны противоречивые качества, присущие традиционному менталитету саха.

Практически все элементы структуры социальных представлений людей среднего возраста сохраняются в структуре социальных представлений людей старшего возраста. Однако здесь происходит переход большей части элементов в ядро социальных представлений. Отсюда оно приобретает многогранный, разнообразный характер. Ядро сохраняет элемент «выносливые» и дополняется другими положительными качествами: «добрые», «приветливые», «следуют традициям» и «рассудительные». Здесь хотелось бы дать пояснение к элементу «рассудительные». В обыденной жизни, помимо прочих критериев хорошего человека, есть ещё такой критерий, как рассудительность, присущий человеку, рефлексизирующему и умеющему воспринимать мир не только с помощью чувств, но с помощью разума.

Отзывчивость является одним из социально-психологических механизмов выживания людей в суровых условиях. В. Л. Серошевский писал о том, что якуты не понимали, как это люди могут умирать от голода в больших населённых пунктах, ведь соседи всегда делятся с нуждающимися [10]. Однако данное качество сохраняется только в группе взрослых. В структуре социальных представлений старших школьников и молодых людей данный элемент отсутствует. Возможно, это особенность возраста, возможно, признак исчезновения данной ценности в менталитете якутян.

Заключение

Представления о якутском менталитете имеют различия в разных возрастных группах. С возрастом происходит переход элементов от дальней периферии к ближайшей периферии и к ядру социальных представлений. Таким образом, перечень ассоциаций в структуре социальных представлений на разных возрастных этапах остаётся практически неизменным. Наша гипотеза, что социальные представления людей различных возрастных групп отражают трансфор-

мационные изменения общества, происходящие за последние десятилетия, подтверждается частично. Можно предположить, что к социальному влиянию более чувствительна периферия социальных представлений, для изменения ядра социальных представлений необходимы более долговременные и значимые в жизнедеятельности человека события, чем социально-политические события общества. В нашем исследовании в периферии социальных представлений людей от 25 до 40 лет имеется наибольшее количество специфических для культуры народа саха элементов по сравнению с другими возрастными группами.

Наиболее стабильным является ядро социальных представлений. Неизменным элементом ядра является выносливость. Данное качество продиктовано суровыми климатическими условиями проживания. Таким образом, влияние природы на характер людей, проживающих на одной

территории, является основным. Данный вывод созвучен с тенденцией, наблюдаемой в современном мировом сообществе, – к более целостному пониманию земной экосистемы и роли, которую играют человечество и создаваемые им технологии в эволюции биосферы¹. В свете данной тенденции образ жизни коренных народов Якутии, органично сливающихся с природой, имеет ценность не только для одной страны, но и для всего человечества.

Наше исследование не является завершённым и требует дальнейшей работы по изучению социальных представлений представителей других народов, живущих в Якутии, для создания полной картины о якутском менталитете.

Статья поступила в редакцию 11.12.2019

¹ См.: Навыки будущего [Электронный ресурс]. URL: <https://rda.worldskills.ru/project/future-skills> (дата обращения: 07.11.2019).

ЛИТЕРАТУРА

1. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб., 2008. 400 с.
2. Борисова А. М., Воловикова М. И. Динамика социальных представлений о новом государственном празднике в период 2007–2015 гг. // Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 41–60.
3. Брагина Д. Г. Трансформация традиционной культуры якутов (конец XX – начало XXI вв.). Новосибирск, 2016. 117 с.
4. Елисеева Н. Д. Динамика представлений подростков саха о нравственном человеке (2002–2017 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 2. С. 147–162.
5. Емельянова Т. П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М., 2019. 480 с.
6. Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006. 400 с.
7. Маак Р. К. Виллюйский округ. 2-е изд. М., 1994. 592 с.
8. Мустафина Л. Ш. Структура социальных представлений учащейся молодежи о совести: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 23 с.
9. Оконешникова А. П. Межэтническое восприятие и понимание людьми друг друга: автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1986. 32 с.
10. Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. М., 1993. 736 с.
11. Трошанский В. Ф. Наброски о якутах Якутского округа / под ред., прим. Э. К. Пекарского. Казань, 1911. 144 с.
12. Уткин К. Д. Сборник трудов. Кн. 1. Самовыбор: Парадигма Севера. Якутск, 2004. 286 с.
13. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М., 1989. 560 с.
14. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / общ. ред. А. В. Толстых. М., 1996. 344 с.
15. Юревич А. В. Психология социальных явлений. М., 2014. 319 с.
16. Якуты и их страна / сост. Е. С. Ромодановская. М., 1901. 56 с.

17. Moscovici S. The phenomén of social representations // *Social representations* / ed. M. Farr, S. Moscovici. Cambridge, Paris, 1984. P. 3–69.
18. Moscovici S. Notes towards a description of social representations // *European journal of social psychology*. 1988. Vol. 3. № 3. P. 211–250.

REFERENCES

1. Bozhovich L. I. *Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste* [Personality and its formation in childhood]. St. Petersburg, 2008. 400 p.
2. Borisova A. M., Volovikova M. I. [Dynamics of social representations about the new state holiday in the period 2007–2015]. In: *Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [Social and economic psychology], 2016, vol. 1, no. 1, pp. 41–60.
3. Bragina D. G. *Transformatsiya traditsionnoi kul'tury yakutov (konets XX – nachalo XXI vv.)* [Transformation of traditional culture of the Yakuts (late XX – early XXI century)]. Novosibirsk, 2016. 117 p.
4. Eliseeva N. D. [Dynamics of representations of teenagers Sakha moral person (2002–2017) was]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika* [Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Psychology and pedagogics], 2019, vol. 16, no. 2, pp. 147–162.
5. Emel'yanova T. P. *Kollektivnaya pamyat' o sobytiyakh otechestvennoi istorii: sotsial'no-psikhologicheskii podkhod* [The collective memory of the events of world history: a socio-psychological approach]. Moscow, 2019. 480 p.
6. Emel'yanova T. P. *Konstruirovaniye sotsial'nykh predstavlenii v usloviyakh transformatsii rossiiskogo obshchestva* [The construction of social representations in the conditions of transformation of Russian society]. Moscow, 2006, 400 p.
7. Maak R. K. *Vilyuiskii okrug* [Vilyui district]. Moscow, 1994. 592 p.
8. Mustafina L. Sh. *Struktura sotsial'nykh predstavlenii uchashcheysya molodezhi o sovesti: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk* [Structure of students' social representations about conscience: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2012. 23 p.
9. Okoneshnikova A. P. *Mezhetnicheskoe vospriyatie i ponimanie lyud'mi drug druga: avtoref. dis. ... dokt. psikh. nauk* [Inter-ethnic perception and understanding of other people: D. thesis in Psychological sciences]. Moscow, 1986. 32 p.
10. Seroshevsky V. L. *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts. Experience in ethnographic research]. Moscow, 1993. 736 p.
11. Troshchansky V. F. *Nabroski o yakutakh Yakutskogo okruga* [Outline of the Yakuts of the Yakut County]. Kazan, 1911. 144 p.
12. Utkin K. D. *Sbornik trudov. Kn. 1. Samovybor: Paradigma Severa* [The collection of works. B. 1. The Self-Selection Paradigm of the North]. Yakutsk, 2004. 286 p.
13. El'konin D. B. *Izbrannyye psikhologicheskiye trudy* [Selected psychological works]. Moscow, 1989. 560 p.
14. Erikson E. *Identity: youth and crisis* (Russ. ed.: Tolstykh A. V., ed. *Identichnost': yunost' i krizis*. Moscow, 1996. 344 p.).
15. Yurevich A. V. *Psikhologiya sotsial'nykh yavlenii* [Psychology of social phenomena]. Moscow, 2014. 319 p.
16. Romodanovskaya E. S., comp. *Yakuty i ikh strana* [Yakuts and their country]. Moscow, 1901. 56 p.
17. Moscovici S. The phenomenon of social representations. In: Farr M., Moscovici S., eds. *Social representations*. Cambridge, Paris, 1984, pp. 3–69.
18. Moscovici S. Notes towards a description of social representations. In: *European journal of social psychology*, 1988, vol. 3, no. 3, pp. 211–250.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елисеева Наталья Дмитриевна – кандидат психологических наук, докторант Института психологии РАН, заместитель директора Центра социально-психологической поддержки семьи и молодёжи; e-mail: eliseeva_n_d@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia D. Eliseeva – PhD in psychology, doctoral student of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the SBU Republic of Sakha (Yakutia) «Center for psychological support for families and youth»;
e-mail: eliseeva_n_d@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Елисеева Н. Д. Социальные представления народа саха о «характере жителей Якутии» в различных возрастных группах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 1. С. 110–121.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-110-121

FOR CITATION

Eliseeva N. D. Social representations of the sakha people about “character of inhabitants of Yakutia” in various age groups. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 1, pp. 110–121.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-110-121

УДК 376.112.4:316.643

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-122-133

ОТНОШЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Нестерова А. А.¹, Айсина Р. М.², Суслова Т. Ф.¹, Хитрюк В. В.³

¹ Московский государственный областной университет

141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

² Московский государственный психолого-педагогический университет

127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Российская Федерация

³ Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка

220050, г. Минск, ул. Советская, д. 18, Республика Беларусь

Аннотация.

Цель. Цель работы – изучить отношение родителей, воспитывающих детей с РАС, к инклюзии и дать характеристику их установок, влияющих на выбор образовательного маршрута для своих детей.

Процедура и методы исследования. Исследование проводилось на территории Российской Федерации и Республики Беларусь. Совокупная выборка опрошенных родителей, воспитывающих детей с РАС, – 170 человек. Исследование проводилось с привлечением опросных методов изучения установок, описательной статистики и дискриминантного анализа.

Результаты проведенного исследования. Выявлены предпочтительные стратегии образования детей с РАС с позиции их родителей, отмечены их страхи и опасения. Исследование подтверждает гипотезу, что на формирование негативных установок на образовательную инклюзию детей влияют не столько возраст и уровень образования родителя, сколько наличие ассоциированной стигмы, а также опыта интолерантного отношения к ним и их детям со стороны окружающих. Наличие ассоциированной стигмы, а также стресса у родителей, связанного с воспитанием особого ребёнка, может стать весомым барьером на пути построения оптимальной траектории развития ребёнка, в том числе и его образования.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в развитие представлений о влиянии социальной стигматизации на социальные установки личности. Данные помогают понять траектории работы по вопросу развития инклюзивной культуры в обществе.

Ключевые слова: расстройства аутистического спектра, ассоциированная стигма, отношение (аттитюды), образовательная инклюзия, родители детей с РАС

PARENTS' ATTITUDES TOWARD EDUCATIONAL INCLUSION OF CHILDREN WITH AUTISM SPECTRUM DISORDERS

A. Nesterova¹, R. Aysina², T. Suslova¹, V. Khitryuk³

¹ Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi, Moscow Region 141014, Russian Federation

² Moscow State University of Psychology & Education

29 Sretenka ul., Moscow 127051, Russian Federation

³ Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

18 Sovetskaya ul., Minsk 220050, Republic of Belarus

Abstract.

Purpose. The purpose of the article is to characterize the social attitudes of parents that influence their choice of educational route for their children who have disorders in the autism spectrum.

Methodology and Approach. The study was conducted on the territory of the Russian Federation and the Republic of Belarus. The total sample of surveyed parents raising children with ASD is 170 people. The study was conducted with the involvement of survey methods for the study of attitudes, descriptive statistics and discriminant analysis.

Results. The preferred strategies of education of children with ASD from the position of their parents were identified, their fears and concerns were noted. The study confirms the hypothesis that the formation of negative attitudes to educational inclusion of children is influenced not so much by the age and level of education of the parent, as by the presence of associated stigma, as well as the experience of an intolerant attitude towards them and their children from other people surrounding them. The presence of associated stigma, as well as parents' stress associated with the upbringing of a special child, can become a significant barrier to building an optimal trajectory of the child's development, including his education.

Theoretical and Practical Implications. The results of the study contribute to the development of ideas about the impact of social stigma on social attitudes of the individual. These data help to understand the trajectories of work on the development of an inclusive culture in society.

Keywords: autism spectrum disorders, associated stigma, attitudes, educational inclusion, parents of children with ASD

Введение в проблему исследования

Долгое время не только в России, но и в зарубежных странах существовало мнение, что только коррекционные школы могут обеспечить возможности для обучения детей с расстройствами аутистического спектра. Расстройства в спектре аутизма обычно представляют собой сложные первазивные нарушения, которые влияют на все аспекты психического развития ребёнка, влекут за собой дефицит возможностей социального взаимодействия, активного контактирования с окружающим миром [5; 14]. Все эти особенности в развитии, сопутствующие аутизму нарушения и ограничения, определяют особые потребности в обучении таких детей. Соответственно, для обеспечения всех этих особых потребностей необходима специальная коррекционная школа, в которой ребёнок мог бы получать образование при взаимодействии с широким кругом специалистов и в окружении детей с подобными нарушениями. И действительно, коррекционная педагогика, психология, дефектология имеют прочные традиции и несомненные успехи

в обучении детей с РАС в условиях коррекционной школы. Но исследования последних десятилетий доказывают важность и очевидную пользу обучения детей с аутизмом в массовой школе [2; 3; 11; 12; 13; 15]. Что же думают на этот счёт родители, которые сами воспитывают детей, имеющих расстройства в спектре аутизма?

В данной статье мы попытаемся ответить на вопрос: *какие установки в отношении обучения детей с РАС преобладают у важных участников образовательного процесса – родителей, законных представителей прав собственных детей, в том числе и прав на равные возможности в обучении?* Мы также проанализируем роль стигматизации в формировании установок родителей на образовательную инклюзию детей с РАС.

Согласно Конституции Российской Федерации, детям с особенностями в развитии, равно как и их родителям и опекунам гарантируется право на выбор образовательной организации и формы получения образования. Таким образом, на уровне правовых гарантий ребёнок с особыми образовательными потребно-

стями по решению своих законных представителей может избрать ту траекторию образования, которую посчитает для себя наиболее предпочтительной и оптимальной [8; 9].

В научной среде исследователей, а также среди специалистов-практиков есть разные точки зрения на построение маршрута обучения для ребёнка с РАС. Многие отечественные и зарубежные учёные на основе многолетних наблюдений и исследований отмечают некоторые преимущества обучения детей с РАС в общеобразовательных школах, опираясь на данные о том, что именно в школьной среде, среди сверстников, во взаимодействии с нормативно развивающимися учениками ребёнок с РАС может получить незаменимый опыт коммуникации, социальной включённости, применения социальных навыков в естественной среде общения ребёнка [1; 5; 11; 14; 16]. Однако стоит отметить, что речь идёт в данном случае не о «дикой интеграции», а всё-таки о специально созданных условиях обучения ребёнка с РАС в общеобразовательной школе, о соблюдении принципов инклюзии [2; 3; 5; 12].

При этом многие учёные небезосновательно отмечают, что инклюзия детей с РАС в школьную среду характеризуется рядом специфических трудностей, вызванных прежде всего и коммуникативно-поведенческими особенностями таких детей, и неготовностью педагогов к работе с данной категорией детей, и страхом родителей вести ребёнка с аутизмом в общеобразовательную школу [6; 7; 8; 10].

Действительно, особенности в развитии, сложности в установлении зрительного контакта с другими людьми, дефицитарность функции социального взаимодействия с другими людьми – всё это может затруднить возможности ребёнка с РАС в адаптации в «массовой школе» [16]. Более того, такие особенности в поведении, как аутостимуляция, неожиданные эмоциональные реакции

ребёнка на внешнюю среду, непосредственное, не вписывающееся в канву «социальных ритуалов» реагирование на партнёров по взаимодействию могут привести к тому, что дети с РАС могут казаться окружающим «невоспитанными», «агрессивными», «неуправляемыми» и т. п. [4].

Многочисленные исследования показывают, что социальной стигматизации и виктимизации подвергается не только ребёнок с РАС, но и его семья: опекуны, родители, которые, по мнению окружающих, «не могут воспитать своего ребёнка, управлять его чувствами и поведением». Именно по этой причине стигматизируется вся семья ребёнка с РАС, и родители просто боятся вести своего высоко функционирующего ребёнка с РАС в детский сад или школу, ожидая неодобрительных взглядов и издевательств со стороны детей, родителей и даже педагогов [4; 7; 10; 11].

Необходимо сказать, что далеко не у каждого ребёнка с РАС сформирована готовность к обучению в общеобразовательном классе среди нейротипичных сверстников, даже при условии тьюторского сопровождения. Исследования показывают, что успешность данной формы инклюзии предполагает отсутствие у ребёнка с РАС грубых поведенческих нарушений и наличия у него интеллектуальных возможностей, позволяющих осваивать программный материал [12; 14].

Для ребёнка с РАС обычно описывают несколько траекторий образования: обучение на дому, обучение в коррекционной школе, где учатся дети с особенностями, обучение без поддержки в традиционной школе, обучение по индивидуальному плану в ресурсном классе, но с посещением общего класса в комфортном для ребёнка объёме времени. Так, например, для детей с серьёзными поведенческими и интеллектуальными нарушениями может быть рекомендовано индивидуальное обучение по программе средней школы при комплексной поддержке специалистов сопровождения (учитель-дефекто-

лог, педагог-психолог, тьютор) с включением во фронтальные занятия с классом сверстников по предметам неосновного цикла, с участием в классных часах, внеучебных мероприятиях: прогулках, экскурсионных поездках и т. п. [5].

Современные исследователи отмечают, что, при всех преимуществах инклюзии, если у ребёнка с РАС наблюдается серьёзное недоразвитие познавательных и регуляторных функций, ещё одним вариантом его дальнейшей социализации может стать обучение в коррекционной школе, а в некоторых случаях – дистанционное обучение с использованием цифровых ресурсов. При этом подчёркивается, что дистанционный формат должен носить только временный характер, так как он создаёт дефицит социальных впечатлений, не позволяет ребёнку приобрести навыки социального функционирования, которые будут ему необходимы в дальнейшей жизни [1; 3; 12]. Поэтому даже при самых тяжёлых формах аутизма постепенная интеграция ребёнка в группу или класс детей того же возраста и сопоставимых интеллектуальных способностей является необходимым этапом его личностного и социального развития.

Но проблема выбора образовательной траектории для ребёнка с РАС – это не только проблема возможностей и ограничений самого ребёнка, это проблема социального характера, которая во многом отражает готовность современного общества к принятию детей в массовую школу, желания и наращивания компетенций для создания необходимых условий для реализации особых образовательных потребностей детей с аутизмом, а также желания поддерживать и сопровождать и самого ребёнка, и семью в реализации права на образование.

По нашим исследованиям, проведённым в разных регионах РФ с 2016 по 2019 гг., получается, что ни педагоги, ни родители, к сожалению, не готовы к образовательной инклюзии детей с РАС. Так, учителя в общеобразовательных ор-

ганизациях отмечают, что они не имеют необходимой подготовки и поддержки для того, чтобы обучать надлежащим образом учеников с РАС. Именно дети с РАС в сравнении с другими категориями детей с ОВЗ и инвалидностью в большей мере стигматизируются учителями по причине отсутствия у последних необходимых знаний и навыков взаимодействия [5]. Родители нейротипичных детей также не всегда готовы мириться с тем, что в классе с их собственным ребёнком будет учиться ребёнок с аутизмом. В другом классе – да, пожалуйста, в том же классе – нет [11].

Часто причиной стигматизации становятся негативные установки, предубеждения педагогов и других участников образовательного процесса (администрации, родителей нейротипичных учеников и др.). Стоит отметить, что установки самих родителей, воспитывающих детей с РАС, характеризуются наличием страхов и предубеждений в отношении разных форм интегрированного обучения. Сами родители нередко отказываются от возможности обучения своего ребёнка с РАС в массовой школе, порой вовсе не из-за отсутствия объективных возможностей для этого у ребёнка.

На сегодняшний день практически нет исследований, которые бы помогли понять отношение и установки родителей на образовательную инклюзию своих детей, имеющих расстройства в спектре аутизма. Между тем знание этих установок позволит увидеть основные барьеры ориентации родителей на социальную инклюзию и интеграцию ребёнка в полноценную жизнь общества, а также поможет увидеть причины, которые обуславливают сегрегацию и социальный эскапизм всей семейной системы ребёнка с РАС.

Процедура и методика исследования

В 2018–2019 гг. в рамках международного российско-белорусского научного проекта, поддержанного РФФИ и

БРФФИ, с применением методологии изучения аттитудов и факторов стигмы проводилось исследование мнения и представлений педагогов и родителей о наиболее оптимальном пути обучения для ребёнка с РАС. Уже в 60-х гг. XX в. появились специально созданные опросники и интервью, позволяющие изучить мнение и отношение к различным видам нарушения здоровья человека, а также отношение к способам их реабилитации, коррекции и образования. Так, Дж. Коэном и Э. Струнингом была разработана первая шкала отношения к психическому заболеванию (Opinions About Mental Illness (OMI)), с помощью которой измерялись не только отношение к заболеванию, но и возможность социальной интеракции с ним [17].

На основе данной методологии, широко используемой за рубежом, была разработана анкета, позволяющая выявить отношения родителей к образовательной траектории собственных детей.

В данной статье будут изложены результаты одной из множества серий исследований, посвящённых проблеме стигматизации в процессе образовательной инклюзии детей с РАС. **Целью исследования** явилось изучение отношения родителей к образовательной траектории своих детей, имеющих расстройство в спектре аутизма.

Одной из **гипотез исследования** было предположение о том, что на формирование негативного отношения к инклюзивному образованию может оказывать влияние наличие ассоциированной стигмы, вызванной травматическим опытом родителей, столкнувшихся с дискриминирующими предубеждениями, к сожалению, широко распространёнными в современном обществе.

Выборка и процедура исследования. В исследовании, проведённом в 9 регионах Российской Федерации, приняли участие 76 родителей, воспитывающих детей с расстройством в спектре аутизма. В исследовании, проведённом на территории

Республики Беларуси, приняли участие 94 родителя, воспитывающих детей с диагнозом «расстройство аутистического спектра».

В рамках научно обоснованной методологии изучения стигмы и негативных установок в отношении образовательной инклюзии детей с РАС нами были созданы три психодиагностических анкеты, позволяющих в полной мере, с привлечением разных методов изучить содержательную сторону процесса стигматизации и ребёнка, и его семьи: анкета для педагогов; анкета для родителей нейротипичных детей; анкета для родителей, воспитывающих ребёнка с РАС. В данной статье обсуждаются лишь некоторые аспекты серии исследований родителей, воспитывающих детей с РАС.

Анкета включала в себя несколько блоков и методик исследования, в том числе и блок, ориентированный на изучение вопроса о том, какую траекторию образования родители и педагоги считают наиболее оптимальной для детей, имеющих расстройство в спектре аутизма.

Результаты исследования и их обсуждение

В процессе анализа полученных результатов рассматривались не только аспекты стигматизации, но и проявления самостигматизации, ассоциированной стигмы.

Среди социально-демографических характеристик родителей были собраны данные об их поле, возрасте, уровне образования, сфере работы (её наличии), специфике расстройства в спектре аутизма их ребёнка, наличии «официального диагноза».

В анкету включались показатели наличия опыта столкновения со стигматизацией со стороны педагогов и родителей, воспитывающих нейротипичных детей.

Ещё один блок вопросов посвящён отношению родителя, воспитывающего ребёнка с РАС, к траектории образования своего ребёнка, отношению к инклюзии,

её позитивным и негативным для родителя сторонам.

В анкете для родителей были представлены *шесть утверждений, позволяющих конкретизировать их представления о возможных траекториях обучения ребёнка (предпочитаемых формах обучения)*. Относительно каждого утверждения ро-

дителям было предложено вынести суждение о его эффективности по 5-балльной шкале, где один балл указывал на полное несогласие с утверждением, а пять баллов – на максимальное согласие. Далее проводилась процедура ранжирования. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Представления родителей детей с РАС о возможностях обучения их детей (средний балл по 5-балльной шкале)

Table 1

Representations of parents of children with ASD about their children's learning opportunities (average score on a 5-point scale)

Содержание утверждений	Ранг родители детей с РАС (Российская Федерация)	Ранг (родители детей с РАС (Республика Беларусь)
1. Ребёнка с РАС вообще не нужно обучать, так как это практически невозможно, и только оборачивается мучением для детей и их родителей	-	-
2. Лучший способ обучения для такого ребёнка – это домашнее обучение	3	-
3. Лучше, чтобы ребёнок с РАС обучался в специальной школе, где учатся только дети с особенностями в развитии	2	3
4. Для ребёнка с аутизмом лучше обучаться в обычной школе со всеми детьми, без акцента на его особые потребности, без специальной поддержки («пусть адаптируется как все другие дети»)	-	-
5. Лучший способ обучения ребёнка с РАС – это обучение по индивидуальной программе в коррекционном классе школы, но с посещением общих уроков совместно с другими детьми в комфортном объеме времени	1,5	2
6. Лучше всего, если такой ребёнок будет обучаться вместе с обычными детьми, но по индивидуальной программе, с поддержкой тьютора (ассистента), получая необходимую помощь от специалистов	1,5	1

Источник: составлено авторами.

Среди родителей, воспитывающих детей с аутизмом, проживающих на территории *Российской Федерации*, высший ранг получен по пунктам 5 и 6. Следовательно, российские родители считают наиболее эффективными способами обучения ребёнка с РАС либо коррекционный класс

обычной школы (при возможности посещения ребёнком тех или иных уроков совместно с другими детьми), либо обычный класс массовой школы, но при обязательной поддержке тьютора и помощи со стороны специалистов сопровождения. Примечательно, что при низкой популяр-

ности пункта № 1 («не нужно обучать ребёнка с РАС вообще») 16 % родителей всё же сказали (разброс данных широкий), что ребёнка с аутизмом вообще не нужно обучать, так как это становится мучением и для родителя, и для самого ребёнка. Многие родители, воспитывающие детей с РАС, доверяют только специальной школе или предпочитают надомное обучение, но этот способ родители редко называют оптимальным.

В качестве наиболее эффективных вариантов обучения ребёнка с РАС родители из Республики Беларусь указали:

1) обучение вместе с обычными детьми, но по индивидуальной программе, с поддержкой тьютора (ассистента), получая необходимую помощь от специалистов – средняя оценка 4,6 баллов (из 5-ти возможных) (первый ранг);

2) обучение по индивидуальной программе в специальном классе школы, но с посещением общих уроков совместно с другими детьми в комфортном объёме времени – средняя оценка 3,9 баллов (из 5-ти возможных) (второй ранг);

3) обучение в специальной школе, только для детей с особенностями в развитии, – средняя оценка 2,8 баллов (из 5-ти возможных) (третий ранг).

Среди препятствий на пути совместного обучения детей с РАС с нейротипичными сверстниками *российские родители* выделяют прежде всего: неготовность педагогов; устаревшие знания педагогов; неинформированность общества о людях с РАС; нетолерантность в обществе, отсутствие терпимости к «особым» людям; низкий уровень инклюзивной культуры в обществе; барьеры со стороны властей в области образовательной политики; отсутствие условий для планомерной инклюзии; отсутствие развитого института тьюторства в нашей стране; отсутствие специалистов и специальных школ для таких детей.

В качестве основных препятствий на пути включения ребёнка с РАС в со-

вместное обучение *белорусские родители* видят: неготовность педагогов и детей – 27 %; отсутствие специальной подготовки у педагогов – 17 %; отсутствие специальных условий – 14 %; нехватку тьюторов (ассистентов) – 15 %; негативное отношение к детям с РАС – 12 %; недостаточное финансирование – 5 %.

Кроме того, в случае обучения ребёнка с РАС в общеобразовательной школе родители из Республики Беларусь больше всего тревожат безопасность ребенка (32 %), трудности в адаптации (26 %), отношение других детей (12 %).

В причинах нежелания вести ребёнка не только в массовую школу, но и в коррекционную образовательную помог разобраться дискриминантный анализ. Для этого были изучены некоторые измеряемые социально-демографические и социально-психологические переменные, которые, по нашему мнению, могли оказать влияние на формирование негативного отношения к инклюзии у родителей (использовался критерий Лямбда Уилкса).

Дискриминантный анализ, проведённый в группе родителей, показал, что страх родителя, воспитывающего ребёнка с РАС, вести его в массовую или даже коррекционную школу, связан не столько с социально-демографическими переменными (возраст родителей, уровень их образования), сколько с социально-психологическими переменными, связанными с травматическим опытом и наличием ассоциированной стигмы у самого родителя. Была подтверждена гипотеза о том, что стигма людей с аутизмом, распространённая в обществе, определяет установки и отношение родителей к инклюзивному образованию. Наличие стигмы обедняет возможности обдуманного осознанного выбора траектории образования родителями для своего ребёнка, увеличивает количество опасений родителей за судьбу своих детей и становится барьером на пути инклюзии ребёнка.

Таблица 2

**Результаты дискриминантного анализа негативных установок родителей
на интеграцию в зависимости от других переменных**

Table 2

**Results of discriminant analysis of negative attitudes of parents to integration
depending on other variables**

	Уилкса- Лямбда	F-исключ	p-уров.
Возраст родителя	0,027	1,365	0,08
Уровень образования родителя	0,037	1,726	0,07
Наличие опыта дискриминации и стигматизации со стороны других родителей	0,173	10,526	0,001
Опыт столкновения с некомпетентностью педагога	0,072	5,237	0,01

Источник: составлено авторами.

Выводы

По результатам данной серии исследования можно сделать ряд важных выводов.

1. И российские, и белорусские родители, воспитывающие детей с РАС, всё-таки надеются и хотят реализовать для своих детей возможность совместного обучения в общеобразовательных организациях, при этом практически все имеют опасения, связанные с отсутствием необходимых условий для реализации права их ребёнка на оптимальную траекторию обучения как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь.

2. Наиболее оптимальной траекторией образования для ребёнка с РАС родители из Российской Федерации и Республики Беларусь видят возможность обучения вместе с обычными детьми, но по индивидуальной программе, с поддержкой тьютора, получая необходимую помощь от специалистов.

3. Негативное отношение к инклюзии определяется наличием в опыте родителя столкновения с некомпетентностью педагога, а также опыта стигматизации и дискриминации со стороны других родителей, воспитывающих нейротипичных детей.

4. У родителей детей с РАС выражена тревога по поводу возможностей образования для своих детей, проявляющаяся в виде ассоциированной стигмы. Они не

спешат пользоваться благоприятными условиями инклюзивных практик в образовании, так как опасаются, что их детей будут дискриминировать и подвергать буллингу в образовательных организациях при разных формах интеграции ребёнка в школьную среду. Некоторые родители детей с РАС вообще предпочитают любому виду интеграции ребёнка сегрегацию и социальную изоляцию в связи со страхами усилить стигму и спровоцировать буллинг со стороны одноклассников ребёнка и неприязнь со стороны взрослых участников образовательных отношений (педагогов, других родителей). Так, например, родители из России на третье место ставят возможность надомного обучения для своего ребёнка, чтобы реже появляться в общественных местах, в том числе в школе.

5. Одной из мер для преодоления предубеждений и негативных установок в отношении образовательной инклюзии детей с РАС может стать активная работа с населением и в России, и в Белоруссии по развитию инклюзивной культуры и нивелированию стигматизации людей с аутизмом и их семей, что позволит расширить возможности выбора образовательного маршрута для детей, имеющих расстройство в спектре аутизма.

Статья поступила в редакцию 09.12.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Айсина Р. М., Максименко Ж. А. Перспективы применения виртуальных компьютерных технологий в психолого-педагогическом сопровождении детей с расстройствами аутистического спектра на ступени полного общего образования // Психология образования: модернизация психолого-педагогического образования: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 11–13 декабря 2012 г. М., 2015. С. 3–5.
2. Караневская О. В. Начальный этап подготовки к школьному обучению детей, имеющих расстройства аутистического спектра, в общеобразовательной школе // Особый ребенок. Исследования и опыт помощи. Вып. 8. М., 2014. С. 225–234.
3. Костин И. А. От чего зависит успешность обучения аутичного ученика в массовой школе // Инклюзивное образование как современная модель образования детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья: материалы Всероссийского симпозиума с международным участием, 22–23 апреля 2010 г. Чита, 2010. С. 28–32.
4. Нестерова А. А. Семья ребенка с аутизмом: ассоциированная стигма и ее последствия // Психологические проблемы современной семьи: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 03–06 октября 2018 г. Екатеринбург, 2018. С. 603–608.
5. Нестерова А. А., Айсина Р. М., Сулова Т. Ф. Руководство для родителей ребенка с расстройством аутистического спектра: вопросы самопомощи и социального развития ребенка. М., 2016. 203 с.
6. Нестерова А. А., Ковалевская Н. А. Жизнеспособность и стратегии совладания матерей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2015. № 3. С. 38–46.
7. Нестерова А. А., Хитрюк В. В. Стигматизация и предрассудки в отношении родителей, воспитывающих ребенка с расстройствами аутистического спектра // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 4. С. 50–61. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-4-50-61.
8. Пособие по способам реализации потенциала особого ребенка и интеграции его в обществе / И. В. Колотилова, Г. И. Ефремова, Л. В. Федякина, А. А. Нестерова. М., 2010. 124 с.
9. Психолого-педагогическое сопровождение социальной адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивного образования: монография / Г. И. Ефремова, М. А. Ковалева, А. А. Нестерова, А. А. Серегина, М. В. Некрасова, К. А. Янцен. М., 2010. 248 с.
10. Стигма и дискриминация людей с инвалидностью и способы их преодоления (на примере реализации проекта «Искусство за инклюзию людей с инвалидностью»): методические рекомендации / В. В. Хитрюк, А. В. Ивашкина, Н. А. Губарь, И. В. Логвин. Минск, 2016. 24 с.
11. Сулова Т. Ф. Инклюзивное образование детей с расстройствами аутистического спектра в сознании родителей // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 10–2 (76). С. 85–89.
12. Шаргородская Л. В. Выбор оптимального образовательного маршрута для детей с РАС в условиях общеобразовательной школы // Инклюзивная среда. Построение индивидуального образовательного маршрута. Проблемы и пути их решения: материалы межрегиональной научно-практической конференции. М., 2016. С. 95–100.
13. Dahle K. B. Services to include young children with autism in the general classroom // Early Childhood Education Journal. 2003. Vol. 31. P. 65–70.
14. Excluded from school: Autistic students' experiences of school exclusion and subsequent re-integration into school / J. Brede, A. Remington, L. Kenny, R. Warren, E. Pellicano // Autism & Developmental Language Impairments. 2017. Vol. 2. P. 1–20. DOI: 10.1177/2396941517737511.
15. Humphrey N. Including pupils with autistic spectrum disorders in mainstream schools // Support for Learning. 2008. Vol. 23. P. 41–47. DOI: 10.1111/j.1467-9604.2007.00367.
16. Orsmond G. I., Krauss M. W., Seltzer M. M. Peer relationships and social and recreational activities among adolescents and adults with autism // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2004. Vol. 34. P. 245–266.
17. Struening E. L., Cohen J. Factorial invariance and other psychometric characteristics of five opinions about mental illness factors // Educational and psychological measurement. 1963. Vol. 23 (2). P. 289–298.

REFERENCES

1. Aisina R. M., Maksimenko Zh. A. [Prospects for the use of virtual computer technologies in psychological and pedagogical support of children with autism spectrum disorders at the stage of Complete General education]. In: *Psikhologiya obrazovaniya: modernizatsiya psikhologo-pedagogicheskogo obrazovaniya: materialy XI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Moskva, 11–13 dekabrya 2012 g. [Psychology of education: modernization of psychological-pedagogical education: Proceedings of the XI all-Russian scientific-practical conference, Moscow, December 11th–13th, 2012]. Moscow, 2015, pp. 3–5.
2. Karanevskaya O. V. [The initial stage of preparation for school of children with autism spectrum disorders in the secondary school]. In: *Osobyi rebenok. Issledovaniya i opyt pomoshchi* [Special child. Research and experience help]. Moscow, 2014, pp. 225–234.
3. Kostin I. A. [What determines the success of training an autistic student in the school of mass. In: *Inklyuzivnoe obrazovanie kak sovremennaya model' obrazovaniya detei i podrostkov s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya: materialy Vserossiiskogo simpoziuma s mezhdunarodnym uchastiem, 22–23 aprelya 2010 g.* [Inclusive education as a contemporary model of education of children and adolescents with disabilities: materials of all-Russian Symposium with international participation, April 22nd–23rd, 2010]. Chita, 2010, pp. 28–32.
4. Nesterova A. A. [The family of a child with autism: an associated stigma and its consequences]. In: *Psikhologicheskie problemy sovremennoi sem'i: sbornik materialov VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ekaterinburg, 03–06 oktyabrya 2018 g.* [Psychological problems of modern family: collection of materials of VIII International scientific-practical conference, Ekaterinburg, October 03rd–06th, 2018]. Ekaterinburg, 2018, pp. 603–608.
5. Nesterova A. A., Aisina R. M., Suslova T. F. *Rukovodstvo dlya roditel'ei rebenka s rasstroistvom autisticheskogo spektra: voprosy samopomoshchi i sotsial'nogo razvitiya rebenka* [Guide for parents of children with autism spectrum disorder: issues of self-care and social development of the child]. Moscow, 2016. 203 p.
6. Nesterova A. A., Kovalevskaya N. A. [Resilience and coping strategies of mothers raising children with autism spectrum disorders]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2015, no. 3, pp. 38–46.
7. Nesterova A. A., Khitryuk V. V. [Stigma and prejudice against parents raising children with autism spectrum disorders]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2018, no. 4, pp. 50–61. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-4-50-61.
8. Kolotilova I. V., Efremova G. I., Fedyakina L. V., Nesterova A. A. *Posobie po sposobam realizatsii potentsiala osobogo rebenka i integratsii ego v obshchestve* [Handbook on the ways to realizing the potential of a special child and his integration in society]. Moscow, 2010. 124 p.
9. Efremova G. I., Kovaleva M. A., Nesterova A. A., Seregina A. A., Nekrasova M. V., Yantsen K. A. *Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie sotsial'noi adaptatsii detei s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v usloviyakh inklyuzivnogo obrazovaniya* [Psycho-pedagogical support of the social adaptation of children with limited opportunities of health in inclusive education]. Moscow, 2010. 248 p.
10. Khitryuk V. V., Ivashkina A. V., Gubar N. A., Logvin V. I. *Stigma i diskriminatsiya lyudei s invalidnost'yu i sposoby ikh preodoleniya (na primere realizatsii proekta «Iskusstvo za inklyuziyu lyudei s invalidnost'yu»)* [Stigma and discrimination of people with disabilities and ways of overcoming them (on the example of the project “Art for inclusion of people with disabilities”). Minsk, 2016. 24 p.
11. Suslova T. F. [Inclusive education of children with autism spectrum disorders in the minds of parents]. In: *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International research journal], 2018, no. 10–2 (76), pp. 85–89.
12. Shargorodskaya L. V. [The optimal choice of an educational route for children with ASD in secondary school]. In: *Inklyuzivnaya sreda. Postroenie individual'nogo obrazovatel'nogo marshruta. Problemy i puti ikh resheniya: materialy mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Inclusive environment. The construction of individual educational route. Problems and ways for their solution: materials of the interregional scientific-practical conference]. Moscow, 2016, pp. 95–100.
13. Dahle K. B. Services to include young children with autism in the general classroom. In: *Early Childhood Education Journal*, 2003, vol. 31, pp. 65–70.

14. Brede J., Remington A., Kenny L., Warren R., Pellicano E. Excluded from school: Autistic students' experiences of school exclusion and subsequent re-integration into school. In: *Autism & Developmental Language Impairments*, 2017, vol. 2, pp. 1–20. DOI: 10.1177/2396941517737511.
15. Humphrey N. Including pupils with autistic spectrum disorders in mainstream schools. In: *Support for Learning*, 2008, vol. 23, pp. 41–47. DOI: 10.1111/j.1467-9604.2007.00367.
16. Orsmond G. I., Krauss M. W., Seltzer M. M. Peer relationships and social and recreational activities among adolescents and adults with autism. In: *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2004, vol. 34, pp. 245–266.
17. Struening E. L., Cohen J. Factorial invariance and other psychometric characteristics of five opinions about mental illness factors. In: *Educational and psychological measurement*, 1963, vol. 23 (2), pp. 289–298.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам работы, выполненной при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ, международный научный проект № 18-513-00018/19 (код_Бел_а) «Психосоциальная модель и механизмы преодоления стигматизации и негативных установок у педагогов и родителей в процессе образовательной инклюзии детей с расстройствами аутистического спектра (РАС)»

ACKNOWLEDGMENTS

The article is based on the results of the work carried out with the financial support of the RFBR and BRFFR, international research project no. 18-513-00018/19 (cod_Bel_a) "Psychosocial model and mechanisms for overcoming stigma and negative attitudes among teachers and parents in the process of educational inclusion of children with autism spectrum disorders (ASD)"

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нестерова Альбина Александровна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: anesterova77@rambler.ru

Айсина Римма Михайловна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры возрастной психологии имени профессора Л. Ф. Обухова факультета психологии образования Московского государственного психолого-педагогического университета;
e-mail: reiner@bk.ru

Суслова Татьяна Федоровна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы Московского государственного областного университета;
e-mail: sibir812@mail.ru

Хитрюк Вера Валерьевна – доктор педагогических наук, доцент, директор Института инклюзивного образования (ИИО) Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка;
e-mail: hvv64@tut.by

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Albina A. Nesterova – Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Social Psychology, Moscow Region State University (MGOU);
e-mail: anesterova77@rambler.ru

Rimma M. Aysina – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Developmental Psychology, named after L. F. Obukhova, Faculty of Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE);
e-mail: reiner@bk.ru

Tatiana F. Suslova – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Social Work, Moscow Region State University (MGOU);
e-mail: sibir812@mail.ru

Vera V. Khitruk – Doctor of Pedagogical Sciences, Director of the Institute of inclusive education Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (BGPU);
e-mail: hvv64@tut.by

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Отношение родителей к образовательной инклюзии детей с расстройствами аутистического спектра / А. А. Нестерова, Р. М. Айсина, Т. Ф. Сулова, В. В. Хитрюк // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 1. С. 122–133.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-122-133

FOR CITATION

Nesterova A. A., Aysina R. M., Suslova T. F., Khitryuk V. V. Parents' attitudes toward educational inclusion of children with autism spectrum disorders. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 1, pp. 122–133.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-122-133

УДК 175: 178.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-134-149

СЕМЕЙНЫЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЧРЕЗМЕРНУЮ ВОВЛЕЧЕННОСТЬ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ В ВИДЕОИГРОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Радионова М. С.¹, Есаулова К. С.², Фоменко А. Ю.³, Шленская Н. М.²

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет
12705, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Российская Федерация

² Московский государственный университет пищевых производств
125080, г. Москва, Волоколамское ш., д. 11, Российская Федерация

³ Психиатрическая Клиническая больница № 1 имени Н. А. Алексеева
121099, г. Москва, Смоленская пл., д. 13/21, психоневрологический диспансер № 2,
Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Данное исследование нацелено на выявление семейных факторов, обуславливающих уровень вовлечённости в видеоигровую деятельность старших подростков. Гипотезой исследования является положение, согласно которому отношение родителей к ребёнку является ключевым фактором, определяющим вовлечённость подростков в видеоигровую деятельность.

Процедура и методы исследования. Задачей исследования является выявление наличия / отсутствия гендерной обусловленности чрезмерной вовлечённости и локализация маркеров, определяющих чрезмерную склонность к видеоигровой деятельности. В исследовании приняли участие 78 девушек и 52 юноши (130 человек). Методический комплекс исследования включал: опросник чрезмерной вовлечённости в видеоигровую деятельность; методику «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (ПоР).

Результаты проведённого исследования. Выявлено, что количество девушек с низким уровнем вовлечённости выше, чем юношей. Показатель чрезмерной вовлечённости статистически значимо связан с частотой и длительностью игровых сеансов, а также с денежными тратами на приобретение игровых программ. Обнаружено наличие взаимосвязи между склонностью к видеоигровой деятельности и характером взаимоотношений между подростками и их родителями: зафиксированы положительная связь характеристик «непоследовательность отца», «автономность отца», «директивность отца», «враждебность матери» и обратная корреляция с характеристикой «позитивный интерес матери».

Теоретическая и/или практическая значимость. Авторами были проанализированы факторы, влияющие на вовлечённость испытуемых в видеоигровую деятельность, обусловленные семейным бэкграундом, и описано их влияние. Результаты исследования углубляют представления о факторах, провоцирующих зависимость от видеоигр.

Ключевые слова: видеоигры, чрезмерная вовлечённость, видеоигровая зависимость, семейные факторы, подростки

FAMILY FACTORS OF ADOLESCENTS' OVER-INVOLVEMENT IN VIDEO GAME ACTIVITIES

M. Radionova¹, K. Esaulova², A. Fomenko³, N. Shlenskaya²

¹ Moscow State University of Psychology and Education
29, Sretenka ul., Moscow, 127051, Russian Federation

² Moscow State University of Food Production
11, Volokolamskoe shosse, Moscow, 125080, Russian Federation

³ Psychiatric Clinical Hospital No. 1 named after Alekseev N.A., neuropsychiatric dispensary no. 2,
13 / 21, Smolenskaya pl., Moscow, 121009, Russian Federation

Abstract.

Purpose. This study is aimed to identify the family factors that determine the level of older adolescents' involvement into video game activities. The hypothesis of the study is the provision according to which the attitude of parents to the child is a key factor determining the involvement of the latter into gambling.

Methodology and Approach. One of the objectives of the study is to identify the presence / absence of gender dependence of video gambling; localization of factors affecting the level of excessive involvement in video game activities. The study involved 52 boys and 78 girls (130 people). The methodological complex of the study included: a questionnaire of excessive involvement in video game activities; methodology "The behaviour of parents and adolescents' attitude to them" (PoR).

Results. As a result of the study, it was found that the number of girls with a low level of involvement is higher than boys. The indicator of excessive involvement is statistically significantly associated with the frequency and duration of gaming sessions, as well as with the money spent on acquiring gaming programs. Considering the relationship of excessive involvement in video game activities with family characteristics, a positive relationship was obtained with the indicators "father's inconsistency", "father's autonomy", "father's directive", "mother's hostility" and the inverse correlation with the indicator "mother's positive interest".

Theoretical and Practical Implications. Significant new factors were identified that influence the level of excessive involvement in video game activities due to the family background and their effect is described. The findings deepen our understanding of the factors that influence video game addiction.

Keywords: video games, excessive involvement, video game addiction, family factors, adolescents

Введение

В конце 80-х гг. актуальной стала проблема «патологического» использования интернета и компьютера пользователями, а том числе подростками [6; 12; 30]. Зависимость от видеоигр (VGA – video game addiction) – чрезмерное и навязчивое использование компьютера и видеоигр, которое приводит к социальным и/или эмоциональным проблемам. Геймер не может управлять этим процессом, даже если чрезмерное использование приводит к серьёзным проблемам [24].

Видеоиграми увлекаются не только взрослые, но также и дети. В 70 % амери-

канских семей есть ребёнок, который уделяет избыточное внимание видеоиграм. Большинство родителей (74 %) считают видеоигры образовательными, а 57 % родителей играют вместе со своими детьми каждую неделю [22]. Российские и международные информационные агентства сообщают, что более 68 % подростков играют в компьютерные игры, при этом половина из них погружена в игровую среду на более чем 6–8 ч. в день [18].

Существует целый ряд исследований, в которых анализируются различные аспекты чрезмерной вовлечённости студентов в видеоигровую деятельность.

Так, А. Офлу (2019) сообщает, что мальчики и подростки с повышенной массой тела имеют большую склонность к видеоиграм по сравнению с девочками и подростками с нормальной массой тела. Консольные игры, онлайн-игры, игры со множеством участников способствуют вовлечению в виртуальную среду так же, как и стратегические игры. Напротив, игры на сообразительность и обычные игры были обратно связаны с вовлечённостью в видеоигровую деятельность [28]. По данным К. Муллан (2017), в период с 2000 по 2015 гг. увеличилось время, которое дети проводят с компьютерами и другими мобильными устройствами; особенно увеличилось время, которое проводят за видеоиграми мальчики [26].

Результаты исследования И. Н. Тюнякина и В. И. Тимошилова (2019) показали, что чрезмерное увлечение компьютерными играми демонстрируют 28 % студентов, а наиболее часто возраст начала систематической игры приходится на 7–9 лет. Среди признаков игровой компьютерной зависимости наибольшее распространение имеют проявления положительного эмоционального состояния (у 35,1 % опрошенных) и нарушения режима дня в связи с игрой на компьютере (у 16,6 % опрошенных). Общение и интересы, связанные только с виртуальным миром, имеют 18 % студентов [16].

Высокая степень увлечения компьютерными играми связана с психологическими, академическими и социальными проблемами, а также предрасполагает к неблагоприятным вариантам самоопределения в жизни. Такая зависимость ведёт к психологическому и физическому истощению, связанному с высоким напряжением, ухудшает семейное, социальное и межличностное функционирование [5; 20].

Число подростков, увлечённых видеоигровой деятельностью, растёт с каждым годом, поэтому изучение психологических факторов, влияющих на формирование видеоигровой зависимости, осо-

бенно актуально. В то же время процессы социального взаимодействия усложняются [1]. Универсальный личностный конструкт – опыт погружения в видеоигру и потеря чувства реального времени – зависит от структурных особенностей видеоигр. Отношение подростка к этому опыту является фактором формирования аддикции в игровой компьютерной деятельности [23].

Феномен чрезмерной вовлечённости в видеоигровую деятельность

Понятие «зависимое поведение», как правило, чаще используют применительно к употреблению наркотических средств, в то время как термин «аддитивное поведение» служит для объяснения деструктивного, патологического явления в зависимом поведении. Для определения склонности личности к игровой компьютерной активности российские авторы пользуются преимущественно двумя терминами – «увлечённость компьютерными играми», «интерес к компьютерным играм» [6; 15], а термин «игровая компьютерная зависимость» применяется для маркирования аддитивных аспектов патологической увлечённости [3; 8; 9].

Ряд авторов выявляет у вовлечённых в видеоигровую деятельность признаки зависимости, которая соответствует критериям диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам (Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (DSM-IV)) и МКБ-10 (Международная классификация болезней), что позволяет нам говорить именно о зависимости от этого явления [27; 29]. В подростковом возрасте видеоигровая деятельность характеризуется отсутствием контроля, подверженностью воздействию, приводящему к стрессовому состоянию, наличием финансовых, социальных и учебных трудностей. Все вышеперечисленные факторы провоцируют развитие симптомов, свойственных гипомании [11; 29]. Зависимый подросток

устанавливает «контроль» над компьютером, поскольку не может осуществить свои замыслы и потребности в реальном мире и переносит их в виртуальную среду. Кроме того, появляется так называемая процессуальная мотивация, проявляющаяся в устойчивом стремлении к умственной деятельности, вызывающей положительные эмоции, в создании иллюзии личного воздействия на игровую среду, в возможности участвовать в игровой коммуникации [17]. Отношение игрока к потере реального времени является важным фактором формирования аддикции в игровой компьютерной деятельности [23]. Характерно, что подростки создают свой игровой персонаж, который совпадает с «Я» идеальным. Подростку необходимо иметь виртуальное «Я», которое было бы приближено к «Я» идеальному [19].

Неспособность контролировать свою вовлечённость в процесс игры, низкий уровень самостоятельности и свободы в выборе поведения и высокая восприимчивость к внешнему воздействию являются психологическими факторами формирования аддикции [2; 10; 13].

Л. В. Темнова и А. А. Климова провели анализ взаимосвязи между стилем родительского воспитания и формированием компьютерной игровой зависимости у подростков [14]. Была установлена связь между полом, возрастом подростков, составом семьи, стилем воспитания и степенью компьютерной зависимости. Стиль воспитания родителей был рассмотрен на основе классификации Д. Баумринд: авторитетный, авторитарный, индифферентный и либеральный. Согласно полученным данным, родители подростков, у которых была выявлена выраженная или умеренная степень компьютерной зависимости, придерживаются индифферентного (безразличного) стиля воспитания. Эмоциональное отчуждение и безразличие, непоследовательность в воспитании, отсутствие согласия между родителями и детьми выступают факторами формиро-

вания компьютерной игровой зависимости у подростков.

Специфические психопатологические проблемы у детей в раннем подростковом возрасте исследовались в ракурсе восприятия детьми родительского поведения матерей и отцов [25]. Исследования показали, что материнская и отцовская забота о ребёнке различаются по степени вовлечённости в воспитание ребёнка, его доминирующей деятельности и даже специфическим влияниям, которые они оказывают на ребёнка. Дети, которых родители не принимают, часто становятся агрессивными, мятежными, чрезмерно зависимыми или эмоционально холодными, с низкой самооценкой, склонными к проблемному поведению, депрессии и правонарушениям. Существуют эмпирические данные о связи отсутствия признания и поддержки с такими неадаптивными последствиями развития у детей, как абстиненция, агрессия и расстройства внимания [21].

Существующие исследования, затрагивающие проблему влияния видеоигр на личность подростка, освещают её с одного угла зрения, а именно данные исследования раскрывают и характеризуют лишь набор дифференциальных признаков подростковых групп, вовлечённых и не вовлечённых в видеоигровую деятельность. Отметим, что влияние семьи на формирование компьютерной игровой зависимости не изучалось в полном объёме, а сводилось лишь к описанию доминирующих форм воспитания в семье, а также к описанию отношения родителей к игровой деятельности подростка. В данном исследовании сделан акцент на предпосылках ухода в видеоигровую среду с учётом характера отношений родителей с подростком.

Объектом исследования является повышенная вовлечённость в видеоигровую деятельность. Предметом исследования являются семейные факторы, оказывающие влияние на развитие повышенной вовлечённости в видеоигровую деятельность у подростков. Цель исследо-

вания – выявить взаимосвязь семейных факторов с чрезмерной вовлечённостью в видеоигровую деятельность у старших подростков.

Задачи исследования: определить наличие взаимосвязи повышенной вовлечённости в видеоигровую деятельность подростков с семейными факторами; провести сравнительный анализ групп подростков, вовлечённых и не вовлечённых в видеоигровую деятельность, а также установить характер их взаимоотношений с родителями; выявить факторы, оказывающие влияние на высокий уровень вовлечённости в видеоигровую деятельность.

Были сформулированы следующие гипотезы исследования: отношение родителей к ребёнку является ключевым фактором, определяющим вовлечённость последних в видеоигровую деятельность; существует связь чрезмерной вовлечённости в видеоигровую деятельность с позитивным интересом со стороны матери и/или отца, директивностью матери и/или отца.

Материалы и методы

Методы исследования

В ходе исследования нами были применены следующие методики:

– «Опросник чрезмерной вовлечённости в видеоигровую деятельность» (Иванова, Радионова, 2012 (приложение к [7])) для изучения вовлечённости в видеоигровую деятельность;

– Методика «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (ПоР) Шафера, (1965), Э. Матейчика и П. Ржичана ADOR [4] для изучения семейных факторов.

Участники исследования

В исследовании принимали участие 130 подростков (52 лица мужского пола и 78 лиц женского пола) в возрасте от 14 до 17 лет. Все реципиенты являются учениками 9–11 классов средних общеобразовательных школ г. Москвы. По возрастным группам участники распределились следующим образом: 14 лет – 34 подростка (18 девочек и 16 мальчиков), 15 лет – 32 подростка (15 девочек и 17 мальчиков), 16 лет – 32 подростка (23 девочки и 9 мальчиков), 17 лет – 32 подростка (22 девочки и 10 мальчиков). Все испытуемые живут в полных семьях.

Описание выборки представлено в таблице 1.

Учащиеся были осведомлены о проводимом исследовании и добровольно дали согласие принять участие.

Таблица 1

Распределение участников по возрасту и полу

Table 1

Distribution of participants by age and gender

Возраст, лет	Мальчики, кол-во чел. / %	Девочки, кол-во чел. / %	Число участников по возрастным группам, кол-во чел. / %
14	16 / 47,1	18 / 52,9	34 / 26,2
15	17 / 53,1	15 / 46,9	32 / 24,6
16	9 / 28,1	23 / 71,9	32 / 24,6
17	10 / 31,3	22 / 68,7	32 / 24,6
Общее число участников, кол-во чел. / %	52 / 40	78 / 60	130 / 100

Источник: составлено авторами.

Процедура исследования

На первом этапе испытуемым было предложено заполнить два опросника: «Опросник чрезмерной вовлеченности в видеоигровую деятельность» (Иванова, Радионова, 2014) и опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (ПоР). Все участники заполнили по 2 анкеты (130 человек).

На втором этапе был реализован анализ ответов учащихся на «Опросник чрезмерной вовлеченности в видеоигровую деятельность». Участники исследования были ранжированы по группам, исходя из критерия нормальности суммированных баллов, стандартного отклонения и метода процентилей (75 % и 25 %).

При помощи программы статистического критерия Колмогорова-Смирнова была получена кривая нормальности распределения по данным опросника «Чрезмерной вовлеченности в видеоигровую деятельность».

Взаимосвязь семейных характеристик с чрезмерной вовлеченностью в видеоигровую деятельность была исследована при помощи корреляционного анализа Пирсона.

Результаты и их обсуждение

Внешние характеристики видеоигровой деятельности испытуемых представлены в таблицах 2 и 3.

Таблица 2 / Table 2

Данные о частоте игрового сеанса учащихся старших классов

Data on the frequency of high school students' game sessions

Частота игрового сеанса	количество испытуемых, кол-во чел. / %	Юноши, кол-во чел. / %	Девушки, кол-во чел. / %
Нет	4 / 3,1	0 / 0	5 / 3,8
Ежедневно	39 / 30,0	22 / 17,0	17 / 13,1
Ежемесячно	20 / 15,4	6 / 4,6	14 / 10,8
Еженедельно	41 / 31,5	21 / 16,1	20 / 15,4
Несколько раз в год	26 / 20,0	3 / 2,3	22 / 16,9
Всего:	130 / 100	52 / 40	78 / 60

Источник: составлено авторами.

Таблица 3 / Table 3

Данные о продолжительности игрового сеанса учащихся старших классов

Data on the duration of high school students' game sessions

Продолжительность игрового сеанса	количество испытуемых, кол-во чел. / %	Юноши, кол-во чел. / %	Девушки, кол-во чел. / %
Не играю вообще	4 / 3	0 / 0	4 / 3,1
Менее 2-х часов	46 / 35	13 / 10,0	33 / 25,4
2-4 часа	55 / 42	26 / 20,0	29 / 22,3
5-7 часов	21 / 16	11 / 8,5	10 / 7,7
Более 7 часов	4 / 3	2 / 1,5	2 / 1,5
Всего:	130 / 100	52 / 40	78 / 60

Источник: составлено авторами.

Согласно таблице 2, юноши ежедневно играют в видеоигры, и значительно чаще (17,0 %), чем девушки (13,1 %). При этом еженедельная игровая вовлечённость у юношей и девушек практически одинаковая: 16,1 % и 15,4 %. Интересно, что ежемесячный баланс вовлеченности различается принципиально: 4,6 % юношей и 10,8 % девушек. Лишь у 3,8 % испытуемых (девушки) зафиксирована абсолютная невовлеченность в видеоигры.

Как видно из таблицы 3, 10,0 % юношей и 25,4 % девушек предпочитают двухчасовой игровой сеанс. Склонность к более длительным сеансам зарегистрировали 20 % юношей и 22,3 % девушек. Сеансы в 5–7 часов зафиксировали 8,5 % юношей и 7,7 % девушек. Дневную вовлечённость в игры более 7 часов отметили по 1,5 % юношей и девушек.

Предпочтения в выборе игрового жанра

Выбор игровых жанров чаще всего фиксировался ответом «нет предпочтений» – у 31,9 % участников. Самыми редкими ответами стали: «моба», «action», «фэнтези», «мморпг» (глобальная много-

пользовательская ролевая игра) и «кооперативные» (2 % от всего числа исследуемых).

В женской группе ответ «нет предпочтений» встретился у 24,7 %, наиболее редким был ответ «мморпг» (1 % от общего числа ответивших на вопросы анкеты девушек).

В мужской группе характерным выбором стал жанр «симуляторы» (10,3 %), наименее предпочтительными стали «моба», «action», «фэнтези», «мморпг» и «логические» (1 % от общего числа ответивших на вопросы анкеты юношей).

Результаты анализа влияния взаимоотношений в семье на степень вовлечённости подростков в видеоигровую деятельность

Участники исследования сформировали три группы (критерии: (1) нормальность распределения баллов опросника «Чрезмерной вовлечённости в видеоигровую деятельность»; (2) стандартное отклонение). Результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4

Группы по показателю чрезмерной вовлеченности в видеоигровую деятельность

Table 4

Groups on the indicator of excessive involvement in video game activities

	N	Соотношение девушек и юношей	Балл min	Балл max	Возраст, лет			
					14	15	16	17
Низкий уровень вовлеченности	32	26/6	0	27	8	7	9	8
Средний уровень вовлеченности	65	37/28	28	59	17	14	17	17
Высокий уровень вовлеченности	33	15/18	60	97	9	11	6	7

Источник: составлено авторами.

Из представленных данных очевидно, что гендерный фактор оказался значимым в распределении (статисти-

чески значимые различия – уровень корреляции Спирмена = 0,258 ($p < 0,01$). Зависимость от видеоигр у девушек

ниже, чем у юношей (согласно критерию U Манна-Уитни, статистическая значимость 0,001 ($p < 0,05$)). По возрастному фактору (различия между 14–15-летними и 16–17-летними по уровню вовлечённости) статистической значимости не зафиксировано.

Чрезмерная вовлечённость связана с частотностью игровой деятельности, времязатратностью и тратами на приобретение игр. Однако частотность игровых сеансов оказывает большее влияние на склонность к видеоиграм, нежели траты на приобретение игр (табл. 5).

Таблица 5

Взаимосвязь чрезмерной вовлечённости с возобновляемостью игровой деятельности, длительностью и затратами на приобретение игр по уровню корреляции Пирсона

Table 5

Relationship of excessive involvement with game activity renewal, duration, and cost of purchasing games according to the Pearson correlation level

	Частота игры	Время на игру	Денежные траты
Показатель чрезмерной вовлеченности в видеоигровую деятельность (уровень корреляции Спирмена)	0,789**	0,676**	0,531**

** уровень значимости, $p < 0,01$

Источник: составлено авторами.

При проверке семейных факторов, влияющих на зависимость от видеоигр, с помощью корреляционного анализа Пирсона зарегистрировано наличие сла-

бой корреляционной связи со шкалами «враждебность матери» 0,197 ($p < 0,05$) и «позитивный интерес матери» -0,188 ($p < 0,05$) (см. табл. 6).

Таблица 6

Связь чрезмерной вовлечённости с показателем «отношение матери к подростку» по уровню корреляции Пирсона

Table 6

Association of over-engagement with the “mother-to-teen ratio” indicator by the Pearson correlation level

	Позитивный интерес матери	Директивность матери	Враждебность матери	Автономность матери	Непоследовательность матери
Показатель чрезмерной вовлеченности	-0,188*	0,1	0,197*	-0,02	0,07

* уровень значимости, $p < 0,05$

Источник: составлено авторами.

Параллельная зависимость зарегистрирована и в отношении шкал «автономия отца» 0,196 ($p < 0,05$), «директивность

отца» 0,218 ($p < 0,05$), «непоследовательность отца» 0,224 ($p < 0,05$) (см. табл. 7).

Таблица 7

Связь чрезмерной вовлечённости с показателем «отношение отца к подростку» по уровню корреляции Пирсона

Table 7

Association of over-engagement with the “father-to-teen ratio” indicator by the Pearson correlation level

	Позитивный интерес Отца	Директивность Отца	Враждебность Отца	Автономность Отца	Непоследовательность Отца
Показатель чрезмерной вовлеченности	0,014	0,218*	0,140	0,196*	0,224*

* уровень значимости, $p < 0,05$

Источник: составлено авторами.

Зависимость степени вовлечённости подростков в видеоигровую деятельность от характера взаимоотношений в семье

Влияние взаимоотношений с родителями на склонность к избыточной зависимости от видеоигр зафиксировано посредством наличия значимых статистических различий между группами подростков, вовлечённых и не вовлечённых в видеоигровую процесс в результате анализа результатов методики «Подростки о родителях»: «директивность матери» 0,030 ($p < 0,05$) и «директивность отца» 0,038 ($p < 0,05$) (см. табл. 8). Гендерные различия статистической значимости не получили.

Результаты множественного регрессионного анализа, основанного на общей выборке респондентов, продемонстрировали, что семейные факторы оказывают

статистически значимое влияние на повышенную вовлечённость в видеоигровую деятельность. Наиболее статистически значимыми семейными факторами являются «Непоследовательность отца» и «Позитивный интерес матери» и объясняют 9,3 % влияния дисперсии на повышенную зависимость от видеоигровой деятельности. Чем выше числовые показатели по данным параметрам, тем выше уровень зависимости (табл. 9).

Исследуя взаимосвязь чрезмерной вовлечённости в видеоигровую деятельность с семейными факторами, мы получили положительную корреляционную связь с показателями стилей родительского воспитания: «директивность отца», «автономность отца», «непоследовательность отца» и «враждебность матери». При этом обнаруживается обратная корреляционная связь с показателем мате-

Таблица 8

Различия показателей по результатам опросника ПоР

Table 8

Differences in indicators based on the results of the PoR questionnaire

Наименование шкал	Низкий уровень 16	Средний уровень 29	Высокий уровень 22	Уровень значимости (p) (по критерию Краскала-Уоллиса)
	M(SD)	M(SD)	M(SD)	
Позитивный интерес матери	13,3 (5,3)	12,6 (5,5)	10,7 (5,4)	0,10
Директивность матери	8,7 (4,9)	7,7 (4,3)	10,3 (4,4)	0,03*
Автономность матери	9,5 (3,7)	10 (4,1)	9,2 (4,6)	0,59
Враждебность матери	5,3 (3,9)	5,6 (4,5)	7,5 (5,5)	0,25
Непоследовательность матери	8 (4,2)	7,46 (3,7)	8,4 (3)	0,46
Позитивный интерес отца	9,4 (6,6)	9 (5,9)	9,2 (5,3)	0,96
Директивность отца	6,8 (5)	7,6 (5,5)	10 (5,4)	0,03*
Враждебность отца	5 (4,6)	6 (5,2)	7 (4,7)	0,18
Непоследовательность отца	6 (3,8)	6 (4)	8,3 (3,8)	0,06
Автономность отца	8 (4,6)	10 (4,9)	9,7 (4,8)	0,12

M (SD) – среднее значение (стандартное отклонение)

* различия значимы, $p < 0,05$

Источник: составлено авторами.

Таблица 9

Влияние семейных факторов на вовлечённость в видеоигровую деятельность

Table 9

Influence of indicators of influence of family factors on dependence on video game activity

Показатель	Значимость	R квадрат
Непоследовательность отца	0,01*	0,05
Позитивный интерес матери	0,03*	0,03
Позитивный интерес матери, непоследовательность отца	0,002*	0,09

* уровень значимости, $p < 0,05$

Источник: составлено авторами.

ринского стиля воспитания «позитивный интерес матери» к подростку. Данные свидетельствуют о том, что оценка подростком отцовской фигуры как отстранённого, властного, непоследовательного в принятии решений, не слушающего потребностей подростка, не принимающего активного участия в жизни ребёнка, а также оценка материнского стиля вос-

питания в качестве агрессивного и чрезмерно строгого связаны с высокими показателями чрезмерной вовлечённости в видеоигровую деятельность. Низкие же показатели чрезмерной вовлечённости связаны с большей включённостью обоих родителей в жизнь подростка и принятием его желаний, стремлений, мыслей, потребностей, а также с доступностью и

понятностью воспитательных мер со стороны родителей, т. е. родительский стиль воспитания оценивается как доброжелательный и последовательный.

Обратная взаимосвязь показателей чрезмерной вовлечённости со стилем родительского воспитания «позитивный интерес матери» свидетельствует о том, что ведущая роль во взаимоотношениях с матерью у подростка отводится позитивному принятию со стороны материнской фигуры, что даёт простор для самореализации и снижает уровень увлечённости видеоиграми. При этом подросток, стремящийся всё время проводить в видеоигровом пространстве, может не приниматься и отвергаться матерью, что будет оцениваться как враждебный стиль воспитания и усиливать тенденции к уходу в видеоигры.

Сравнение групп вовлечённых и не вовлечённых в видеоигровую деятельность показало значимые различия по шкалам «директивность матери» и «директивность отца». Группа вовлечённых оценивала стиль родительского воспитания по данным шкалам значимо выше. Эти данные показывают, что подростки, оценивающие родительский стиль воспитания как деспотичный, с жёстким контролем, с встраиванием чувства вины, ощущающие постоянную критику и агрессию по отношению к себе, более подвержены уходу в видеоигровую деятельность. Тогда как ощущение, что их способны принять и понять, интересуются жизнью и увлечениями, проявляют теплоту и заботу, – может создать такую среду, откуда подросткам не нужно будет сбегать в видеоигровое пространство.

Регрессионный анализ показал влияние семейных факторов на видеоигровую вовлечённость. Анализ данных зафиксировал влияние родительского стиля воспитания (высокие показатели по шкале «непоследовательность отца» и низкие показатели по шкале «позитивный интерес матери») на уровень чрезмерной вовлечённости в видеоигровую деятельность и

объясняет 9 % всей дисперсии, тогда как по отдельности это 5 % и 3 % соответственно. Эти данные свидетельствуют о том, что совокупность непринятия и невозможности предвидеть ответную реакцию на свои действия со стороны родителей способствует уходу в виртуальное пространство, где подросток чувствует себя в безопасности. Игровой мир становится для него понятным и предсказуемым, что снимает его эмоциональное напряжение, тогда как такой совокупный стиль родительского воспитания ведёт к высокому уровню эмоциональной напряжённости.

Выводы

Исследование зафиксировало, что среди его участников количество девушек с низким уровнем вовлечённости в четыре раза превышает число юношей. Девушки в большей степени вербализуют собственные переживания и эмоции в отличие от юношей, которые предпочитают рационализировать происходящее. Отсюда видеоигровая вовлечённость как копинг оказывается не востребованной девушками. Видеоигра предоставляет юношам эмоциональную разрядку.

Показатель чрезмерной вовлечённости в видеоигровую деятельность статистически значимо связан с частотой игры, временем, затраченным на игру, и денежными тратами на приобретение программ. Это говорит о том, что с увеличением продолжительности игрового сеанса и его частоты, а также денежных затрат на видеоигры вовлечённость в видеоигровую деятельность также увеличивается. При этом происходит формирование новых мотивов, связанных с игрой.

Эффект от увлечения видеоигровой деятельностью неоднозначен: с одной стороны, развиваются когнитивные способности и личностно-эмоциональная сфера игрока; с другой стороны, любая аддикция оказывает пагубное влияние не только на личность в целом, но и на все сферы жизни подростка. Одним из важнейших механизмов в видеоигровой

деятельности является состояние потока, формирование виртуального пространства, максимально комфортного для подростка, позволяющего ему реализовывать все свои потребности и стремления.

Гипотезы исследования о взаимосвязи характера взаимоотношений с родителями и влияния на зависимость от видеоигровой деятельности подтвердились. Анализ данных зафиксировал наличие обратной корреляционной связи с показателем позитивного отношения со стороны матери. Директивность отца продемонстрировала прямую корреляционную связь. По сути, все элементы стиля воспитания в семье (автономность отца

и др.) оказывают влияние на склонность к игре. Авторитарность и директивность в семье оказались максимально характерными для подростков, увлеченных видеоиграми, а оценка родительского стиля как непоследовательного и не позитивного оказывает значимое влияние на уровень вовлеченности. Закономерной мыслится профилактика чрезмерной вовлеченности посредством работы в семье, нацеленная на создание оптимального микроклимата, который позволит ребёнку не искать решения проблем в виртуальной реальности.

Статья поступила в редакцию 19.11.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева Т. Г. Личностные особенности подростков с Интернет-зависимостью // Альманах современной науки и образования. 2010. № 3–1. С. 111–113.
2. Алтухов В. Д. Влияние видеоигр на агрессивное поведение общества // Вклад психологии и педагогики в социокультурное развитие общества: сборник статей / под ред. А. А. Сукиасяна. Казань, 2018. С. 12–16.
3. Бузик О. Ж. Профилактика игровой и компьютерной зависимости // Психическое здоровье и образование: сборник статей по материалам II Конгресса «Психическое здоровье человека XXI века», Москва, 5–7 октября 2018 г. М., 2018. С. 489–491.
4. Вассерман Л. И., Горьковая И. А., Ромицына Е. Е. Психологическая методика «Подростки о родителях» и ее практическое применение. СПб., 2001. 68 с.
5. Волкова Е. Н., Гришина А. В. Оценка распространенности игровой компьютерной зависимости у младших подростков // Вестник Минского университета. 2014. № 3. С. 1–6.
6. Деревянко Ю. П., Ковалева О. Л., Локтева А. В. Психологические особенности лиц, склонных к нехимическим формам зависимого поведения // Проблема современного педагогического образования. 2016. № 51 (2). С. 324–330.
7. Иванова Н. Г. Личностные факторы «зависимости от видеоигр» // Аддиктивное поведение: профилактика и реабилитация: материалы конференции, Москва, 6–7 декабря 2012 г. / ред.-сост. В. В. Барцалкина, Н. Б. Флорова, А. В. Киселева. М., 2012. С. 110–117.
8. Игровая аддикция школьников: природа, формы проявления, способы преодоления: сборник научных статей / под. общ. ред. Е. А. Репринцевой. Курск, 2008. 146 с.
9. Кардашян Р. А. Психологические особенности лиц с компьютерной игровой зависимостью и предрасположенных к ее формированию // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2018. Т. 118. № 2. С. 18–22.
10. Менделевич В. Д. Клиническая и медицинская психология. М, 2008. 432 с.
11. Пережогин Л. О., Вострокнутов Н. В. Нехимические зависимости в детской психиатрической практике // Российский психиатрический журнал. 2009. Т. 4. С. 86–91.
12. Солдатова Г. У., Теславская О. И. Видеоигры, академическая успеваемость: опыт и итоги зарубежных эмпирических исследований детей и подростков // Современная зарубежная психология. 2017. № 6 (4). С. 21–28. DOI: 10.17759/jmfp.2017060402
13. Степанова Н. А. Проблема зависимого поведения и его профилактики в отечественной психологической науке // Теоретическая и экспериментальная психология. 2017. № 10 (1). С. 65–71.
14. Темнова Л. В., Климова А. А. Влияние семейного типа воспитания на формирование компьютерной игровой зависимости у подростков // Север и молодежь: здоровье, образование, карьера: сборник материалов I Международной научно-практической конференции, Ханты-Мансийск, 28–29 ноября 2019 г. Ханты-Мансийск, 2019. С. 129–134.

15. Трухан Е. А., Рыжковский Н. С. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и увлеченности компьютерными играми у подростков // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2019. № 1. С. 4–11.
16. Тюнякин И. Н., Тимошилов В. И. Анализ распространенности факторов зависимости от компьютерных игр среди студентов КГМУ // Здоровый образ жизни и здоровьесберегающее мировоззрение как приоритет национальной политики: сб. статей / под ред. В. А. Лазаренко, Т. А. Шульгиной, Ю. С. Филиппович. Курск, 2019. С. 514–519.
17. Фомичёва Ю. В., Шмелёв А. Г., Бурмистров И. В. Психологические корреляты увлеченности компьютерными играми // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1991. № 3. С. 27–39.
18. Швацкий А. Ю. Социально-психологические последствия увлечения подростков компьютерными играми // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 2 (27) С. 409–412.
19. Bessière K., Seay A. F., Kiesler S. The Ideal Elf: Identity Exploration in World of Warcraft // *CyberPsychology & Behavior*. 2007. Vol. 10 (4). P. 530–535. DOI: 10.1089/cpb.2007.9994
20. Chun J., Shim H., Kim S. A meta-analysis of treatment interventions for Internet addiction among Korean adolescents // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2017. Vol. 20 (4). P. 225–231. DOI: 10.1089/cyber.2016.0188
21. Cummings E. M., Davies P. T., Campbell S. B. *Developmental Psychopathology and Family Process, Theory, Research and Clinical Implications*. New York, London: The Guilford Press, 2000. 494 p.
22. Essential Facts About the Computer and Video Game Industry // ESA. Entertainment Software Association: [сайт]. [2019]. URL: https://www.theesa.com/wp-content/uploads/2019/05/ESA_Essential_facts_2019_final.pdf (дата обращения: 18.01.2020).
23. Griffiths M. D., Woods R. T. A., Parke J., Parke A. Gaming industry, social responsibility and academia [Электронный ресурс] // *Casino & Gaming International*. 2007. Vol. 3 (3). URL: <http://irep.ntu.ac.uk/id/eprint/2069> (дата обращения: 18.01.2020).
24. Lemmens J. S., Valkenburg P. M., Peter J. Development and Validation of a Game Addiction Scale for Adolescents // *Media Psychology*. 2009. Vol. 12 (1). P. 77–95. DOI:10.1080/15213260802669458
25. Macuka I. M. The Role of Children's Perception of Parental Behavior in Explaining Internalizing and Externalizing Problems. *Društvena Istraživanja* // *Journal for General Social Issues*. 2008. Vol. 17 (6). P. 1179–1202.
26. Mullan K. Technology and Children's Screen-Based Activities in the UK: The Story of the Millennium So Far // *Child Indicators Research*. 2017. Vol. 11 (6). P. 1781–1800. DOI:10.1007/s12187-017-9509-0
27. Müller K. W., Janikian M., Dreier M., Wölfling K., Beutel M. E., Tzavara C., Tsitsika A. Regular gaming behavior and internet gaming disorder in European adolescents: results from a cross-national representative survey of prevalence, predictors, and psychopathological correlates // *European Child & Adolescent Psychiatry*. 2014. Vol. 24 (5). P. 565–574. DOI: 10.1007/s00787-014-0611-2
28. Ofli A., Yalcin S. S. Video game use among secondary school students and associated factors // *Archivos Argentinos De Pediatría*. 2019. Vol. 117 (6). P. e584–e591. DOI: 10.5546/aap.2019.eng.e584
29. Petry N. M., Rehbein F., Gentile D. A., Lemmens J. S., Rumpf H.-J., Mößle T., O'Brien C. P. An international consensus for assessing internet gaming disorder using the new DSM-5 approach // *Addiction*. 2014. Vol. 109 (9). P. 1399–1406. DOI:10.1111/add.12457
30. Zhang M. W., Lim R. B., Lee C., Ho R. C. Prevalence of Internet addiction in medical students: A meta-analysis // *Academic Psychiatry*. 2018. Vol. 42 (1). P. 88–93. DOI: 10.1007/s40596-017-0794-1UDC 175: 178.9

REFERENCES

1. Avdeeva T. G. [Personal characteristics of adolescents with Internet addiction]. In: *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], 2010, no. 3–1, pp. 111–113.
2. Altukhov V. D. [The effects of video games on the aggressive behavior of the society]. In: Sukiasyan A. A., ed. *Vklad psikhologii i pedagogiki v sotsiokul'turnoe razvitie obshchestva: sbornik statei* [Contribution of psychology and pedagogy in the sociocultural development of society: collected articles]. Kazan, 2018, pp. 12–16.
3. Buzik O. Zh. [Prevention of gaming and computer addiction]. In: *Psikhicheskoe zdorov'e i obrazovanie: sbornik statei po materialam II Kongressa «Psikhicheskoe zdorov'e cheloveka XXI veka»*, Moskva, 5–7

- oktyabrya 2018 g. [Mental health and education: proceedings of the II Congress "Mental health in XXI century", Moscow, October 5th–7th, 2018]. Moscow, 2018, pp. 489–491.
4. Vasserman L. I., Gor'kovaya I. A., Romitsyna E. E. *Psikhologicheskaya metodika «Podrostki o roditelyakh» i ee prakticheskoe primeneniye* [Psychological technique "Teenagers about parents" and its practical application]. St. Petersburg, 2001. 68 p.
 5. Volkova E. N., Grishina A. V. [Assessment of the prevalence of computer game addiction among younger teens]. In: *Vestnik Minskogo universiteta* [Bulletin of the University of Minsk], 2014, no. 3, pp. 1–6.
 6. Derevyanko Yu. P., Kovaleva O. L., Lokteva A. V. [Psychological characteristics of individuals prone to non-chemical forms of dependent behavior]. In: *Problema sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [The problem of modern pedagogical education], 2016, no. 51 (2), pp. 324–330.
 7. Ivanova N. G. [Personal factors of video game dependence]. In: Bartsalkina V. V., Frolova N. B., Kiselev A. V., eds.-comps. *Additivnoye povedeniye: profilaktika i reabilitatsiya: materialy konferentsii, Moskva, 6–7 dekabrya 2012 g.* [Addictive behavior: prevention and rehabilitation: proceedings of the conference, Moscow, December 6th–7th, 2012]. Moscow, 2012, pp. 110–117.
 8. Reprintseva E. A., ed. *Igrovaya addiktsiya shkol'nikov: priroda, formy proyavleniya, sposoby preodoleniya* [Gaming addiction in schools: the nature, manifestations, coping methods]. Kursk, 2008. 146 p.
 9. Kardashyan R. A. [Psychological characteristics of persons with computer game addiction and predisposed to its formation]. In: *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova* [Journal of neurology and psychiatry. S. S. Korsakov], 2008, vol. 118, no. 2., pp. 18–22.
 10. Mendelevich V. D. *Klinicheskaya i meditsinskaya psikhologiya* [Clinical and medical psychology]. Moscow, 2008. 432 p.
 11. Perezhogin L. O., Vostroknutov N. V. [Chemical dependency in child psychiatric practice]. In: *Rossiiskii psikiatricheskii zhurnal* [Russian journal of psychiatry], 2009, vol. 4, pp. 86–91.
 12. Soldatova G. U., Teslavskaya O. I. [Video games and academic achievement: experience and results of foreign empirical studies of children and adolescents]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern foreign psychology], 2017, no. 6 (4), pp. 21–28. DOI: 10.17759/jmfp.2017060402
 13. Stepanova N. A. [The problem of addictive behavior and its prevention in the domestic psychological science]. In: *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and experimental psychology], 2017, no. 10 (1), pp. 65–71.
 14. Temnova L. V., Klimova A. A. [The influence of family type upbringing on the formation of computer gaming addiction in adolescents]. In: *Sever i molodezh': zdorov'e, obrazovanie, kar'era: sbornik materialov I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Khanty-Mansiisk, 28–29 noyabrya 2019 g.* [North and youth: health, education, career: proceedings of the I International scientific-practical conference, Khanty-Mansiysk, November 28th–29th, 2019]. Khanty-Mansiysk, 2019, pp. 129–134.
 15. Trukhan E. A., Ryzhkovsky N. S. [The relationship of emotional intelligence and passion for computer games in adolescents]. In: *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of Omsk University. Series: Psychology], 2019, no. 1, pp. 4–11.
 16. Tyunyakina I. N., Timoshilov V. I. [Analysis of prevalence factors of dependence on computer games among students of KSMU]. In: Lazarenko V. A., Shulgina T. A., Filippovich Yu. S., eds. *Zdorovyi obraz zhizni i zdorov'esberegayushchee mirovozzreniye kak prioritet natsional'noi politiki* [Healthy lifestyle and worldview formation as a priority of national policy]. Kursk, 2019, pp. 514–519.
 17. Fomicheva Yu. V., Shmelev A. G., Burmistrov I. V. [Psychological correlates of computer games keenness]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology], 1991, no. 3, pp. 27–39.
 18. Shvatsky A. Yu. [Social and psychological consequences of adolescent fascination with computer games]. In: *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* [The azimuth of research: pedagogy and psychology], 2019, vol. 8, no. 2 (27), pp. 409–412.
 19. Bessière K., Seay A. F., Kiesler S. The Ideal Elf: Identity Exploration in World of Warcraft. In: *CyberPsychology & Behavior*, 2007, vol. 10 (4), pp. 530–535. DOI: 10.1089/cpb.2007.9994
 20. Chun J., Shim H., Kim S. A meta-analysis of treatment interventions for Internet addiction among Korean adolescents. In: *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2017. vol. 20 (4), pp. 225–231. DOI: 10.1089/cyber.2016.0188
 21. Cummings E. M., Davies P. T., Campbell S. B. *Developmental Psychopathology and Family Process, Theory, Research and Clinical Implications*. New York, London, The Guilford Press, 2000. 494 p.

22. Essential Facts About the Computer and Video Game Industry. In: ESA. Entertainment Software Association, 2019. Available at: https://www.theesa.com/wp-content/uploads/2019/05/ESA_Essential_facts_2019_final.pdf (accessed: 18.01.2020).
23. Griffiths M. D., Woods R. T. A., Parke J., Parke A. Gaming industry, social responsibility and academia. In: *Casino & Gaming International*, 2007, vol. 3 (3). Available at: <http://irep.ntu.ac.uk/id/eprint/2069> (accessed: 18.01.2020).
24. Lemmens J. S., Valkenburg P. M., Peter J. Development and Validation of a Game Addiction Scale for Adolescents. In: *Media Psychology*, 2009, vol. 12 (1), pp. 77–95. DOI: 10.1080/15213260802669458
25. Macuka I. M. The Role of Children's Perception of Parental Behavior in Explaining Internalizing and Externalizing Problems. Društvena Istraživanja. In: *Journal for General Social Issues*, 2008, vol. 17 (6), pp. 1179–1202.
26. Mullan K. Technology and Children's Screen-Based Activities in the UK: The Story of the Millennium So Far. In: *Child Indicators Research*, 2017, vol. 11 (6), pp. 1781–1800. DOI:10.1007/s12187-017-9509-0
27. Müller K. W., Janikian M., Dreier M., Wölfling K., Beutel M. E., Tzavara C., Tsitsika A. Regular gaming behavior and internet gaming disorder in European adolescents: results from a cross-national representative survey of prevalence, predictors, and psychopathological correlates. In: *European Child & Adolescent Psychiatry*, 2014, vol. 24 (5), pp. 565–574. DOI: 10.1007/s00787-014-0611-2
28. Ofli A., Yalcin S. S. Video game use among secondary school students and associated factors. In: *Archivos Argentinos De Pediatría*, 2019, vol. 117(6), pp. e584–e591. DOI: 10.5546/aap.2019.eng.e584
29. Petry N. M., Rehbein F., Gentile D. A., Lemmens J. S., Rumpf H.-J., Mößle T., O'Brien C. P. An international consensus for assessing internet gaming disorder using the new DSM-5 approach. In: *Addiction*, 2014, vol. 109 (9), pp. 1399–1406. DOI:10.1111/add.12457
30. Zhang M. W., Lim R. B., Lee C., Ho R. C. Prevalence of Internet addiction in medical students: A meta-analysis. In: *Academic Psychiatry*, 2018, vol. 42 (1), pp. 88–93. DOI: 10.1007/s40596-017-0794-1 UDC 175: 178.9

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ¹

Радионова Мария Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии и психотерапии факультета консультативной и клинической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета;
e-mail: radionova.m@list.ru

Есаулова Кира Сергеевна – кандидат психологических наук, проректор по международной деятельности и дополнительному профессиональному образованию; доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института международного образования Московского государственного университета пищевых производств;
e-mail: esaulovaks@mgupp.ru

Фоменко Андрей Юрьевич – медицинский психолог Психиатрической Клинической больницы № 1 им. Н. А. Алексеева, психоневрологический диспансер № 2;
e-mail: andrfom94@gmail.com

Шленская Наталия Марковна – доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации Института международного образования Московского государственного университета пищевых производств;
e-mail: n.shlenskaya@mgupp.ru

¹ **Конфликт интересов:** в представленной публикации отсутствуют заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования; нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации, лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы подтверждают отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией этой статьи / Conflict of interest: in the presented publication there is no borrowed material without reference to the author and (or) source of borrowings; no results of scientific works performed by the authors, personally and (or) in collaboration, without relevant links. The authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria S. Radionova – candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, of the Department of Clinical Psychology and Psychotherapy, Faculty of Advisory and Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology and Education,
e-mail: radionova.m@list.ru

Kira S. Esaulova – candidate of Psychological Sciences, Vice-rector for international activities and additional professional education; Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Institute of International Education associate professor, Moscow State University of Food Production,
e-mail: esaulovaks@mgupp.ru

Andrey Yu. Fomenko – Medical Psychologist, Psychiatric Clinical Hospital No. 1 named after N.A. Alekseev, neuropsychiatric dispensary No. 2,
e-mail: andrfom94@gmail.com

Nataliya M. Shlenskaya – associate Professor, Department of Linguistics and Professional Communication, Institute of International Education, Moscow State University of Food Production,
e-mail: n.shlenskaya@mgupp.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Семейные факторы, определяющие чрезмерную вовлечённость старших подростков в видеоигровую деятельность / М. С. Радионова, К. С. Есаулова, А. Ю. Фоменко, Н. М. Шленская // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 1. С. 134–149.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-134-149

FOR CITATION

Radionova M. S., Esaulova K. S., Fomenko A. Yu., Shlenskaya N. M. Family factors of adolescents' over-involvement in video game activities. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 1, pp. 134–149.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-134-149

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2020. № 1

Над номером работали:

Литературный редактор Т. С. Павлова
Переводчики Е. В. Приказчикова, А. С. Барминова
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная верстка А. В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9,5, уч.-изд. л. 10,5.
Подписано в печать: 31.03.2020. Выход в свет: 10.04.2020. Заказ № 2020/03-05.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А